

*Память
Великой
Победы*

Е.К. ЗЕЛИНСКАЯ

В.М. ГЛИНКА

БЛОКАДНЫЕ ДНИ

«Жёлтый снег...»

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.1
349

*Фотографии: из семейного архива автора,
исторические фотографии.
Фотография Романа Попеля предоставлена архивом ВСЕГЕИ.
Фотография Владислава Глинки
предоставлена Михаилом Глинкой.*

Зелинская, Е.К.

349 Блокадные дни. «Жёлтый снег...» / Е.К. Зелинская, В.М. Глинка. — М. : Вече, 2019. — 384 с. : ил. — (Память Великой Победы).

ISBN 978-5-4484-0854-0

Знак информационной продукции **12+**

В книгу, продолжающую серию «Память Великой Победы» и выпускаемую к 75-летию освобождения Ленинграда, вошли документально-исторические повествования о блокаде Ленинграда известного журналиста и общественного деятеля Елены Зелинской и очевидца трагических событий 1941—1944 годов Владислава Глинки (1903—1983), историка и писателя, сотрудника Эрмитажа, пережившего блокадные дни.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)622.1

ISBN 978-5-4484-0854-0

© Зелинская Е.К., 2019
© Глинка В.М., наследники, 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019

Елена Зелинская
ТЕНИ НА МОЕЙ УЛИЦЕ

...Не дам забыть, как падал ленинградец
На жёлтый снег пустынных площадей.

Ольга Берггольц

Мама чем старше становится, тем глубже погружается в воспоминания. Она все нетерпеливее слушает мои вечерние обзоры — как прошел день, и, зацепившись за какое-то слово, тут же переходит к нескончаемому, долговому, как зимняя ночь, рассказу о своей жизни. Все ее истории я знаю назубок. Я помню по именам всех ее детдомовских подруг, я могу сама пересказать каждый эпизод из жизни наших родных, тех, кто умер от голода, погиб в лагерях, был ранен под Старой Руссой... Собрал в кулак все свое смирение, я слушаю тысячный раз одно и то же, и мамина боль кружит меня, как выюга, и уносит в блокадный город, и оживают в моей голове люди с почерневшими лицами, страшные, в отрепьях, и бредут замерзшими улицами, поднимаются по скользким ступеням с ведром снега в закостеневшей руке, падают и умирают, — чтобы на следующий вечер снова ожить и снова волочить свой скорбный груз по моей памяти.

Читала где-то у психологов: посттравматический эффект после войн, репрессий и голода у советского человека

так силен, что он, этот эффект, мало того что передается по наследству детям, — дети будто проживают вместе с родителями все те ужасы и внутри себя, в самой глубине души и считают ту жизнь настоящей, а свою, реальную — самозванной. Им снятся теплушки, лагерные вышки, бараки, в которых они никогда не жили. Иногда, обернувшись резко, я вижу сквозь метель, как согбенная женщина, обмотанная крест-накрест заиндевевшим платком, тянет саночки с мертвым кульком по Египетскому мостику. Я правда вижу, не во сне.

— Странно, — пожимает мама плечами, — я сейчас высоты боюсь, а в детстве не боялась. Совсем не страшно было на крыше стоять, с песком в ведрах... Вот по мертвым квартирам почту разносить было страшно. Приоткроешь дверь и кричишь: «Есть кто-нибудь живой?» А там тихо...

Мама кладет руку на собачий лоб, и пес жметя к ней, приваливается своим теплым шерстистым боком. За окном идет снег, в пустом саду не видно ни зги, только крупные хлопья падают и засыпают дорожки.

* * *

Я иду пешком по улице Декабристов. Дом за домом, подъезд за подъездом, здесь родился поэт, а тут ученый. Жил. Творил. Оставил картины.

Дом за домом, подъезд за подъездом, квартира за квартирой. Здесь жил и умер, тут жила семья музыкантов, ученый, балерина, артист, инженер: умер, умер, умерла, умерли все.

Мне надо пройти от Вознесенского проспекта до самого конца, до Пряжки. Идти и представлять, что нет всех этих раз-

ноцветных вывесок, что не горят уличные фонари и что первый этаж левого крыла Кировского театра заложен кирпичом.

Еще надо представить, что нет машин. В пустую мостовую вмерзли обломки мебели, обрывки проводов, битое стекло, и только закоченевший остов троллейбуса замер, привалился боком к столбу, как потонувший корабль со сломанной мачтой, и, как водоросли, свисают с него грязные снежные лохмотья.

И еще надо представить, что нет нас. Нас, бодро шагающих по своим делам петербуржцев, в ярких куртках, с сумками, портфелями и рюкзаками. Толкающих перед собой коляски. Веселых, сосредоточенных, грустных. Никаких. Только желтый снег, серое небо, угрюмые кренящиеся фасады. И они. Тени. Бесшумные, безмолвные, почти невидимые. Только силуэты. Они выходят из своих подъездов, и им уже не надо держаться рукой за холодную стену, они легки, почти невесомы, они здесь, они никуда не ушли, они навеки вмерзли в свой город. Они похожи на тени в Хиросиме, черные тени, впечатанные атомной смертью в стены домов.

По архивным страницам, по записям в домовых книгах, по отрывкам из писем, по оборванным на последней строчке дневникам, по уцелевшим рассказам, по газетным заметкам — я собираю их благородные имена.

Эта книга — реквием по каждому жителю улицы Декабристов, не пережившему блокаду. Я читаю длинные списки умерших — эти люди могли бы быть моими соседями, сослуживцами, друзьями, любимыми. Тысячи нитей связывают их со мной: я натываюсь на знакомые фамилии, я знаю их внуков, я училась вместе с девушкой, чья семья умерла вот

в этой квартире. А вот воспоминания поэтессы, с которой мы вместе входили в Клуб-81, ее бабушка тушила зажигалки на крыше Дома Блока. Тысячи нитей, и как много оборвано. Они могли вырастить детей, построить новые дома, придумать музыку и написать картины. Они могли бы составить целый мир, в котором бы было больше дружбы, творчества и меньше насилия. Мой дедушка любил бы меня и водил бы за руку в зоопарк. Тетя Таня научила бы играть на рояле. А мои дети ходили бы в школу и сидели за одной партой с теми ребятами, которые так и не родились. Кто знает, что бы подарили миру трое старших братьев Игоря Стравинского, доведись им остаться в живых... Цифры — да, мы знаем цифры. Цифры ужасают. Но прочтите вместе со мной эти списки, фамилию за фамилией, представьте, как эти люди, наши с вами родные сограждане, умирали целыми семьями, подъездами, домами...

Это самое малое, что мы можем сделать в память о них.

В конце этой улицы мой дом.

Я редко прихожу сюда. Моя боль и так всегда со мной. Дом № 62 по улице Декабристов, где была уничтожена моя семья. Из этих кованых ворот увели на расстрел моего деда, по этой широкой мраморной лестнице спустились и навсегда уехали в ссылку мой прадед и моя бабушка.

В этой огромной, на 27 семей, коммунальной квартире, с окном, глядящем в стену, зимой 1941 года осталась со своей бабушкой Евгенией Трофимовной Савич шестилетняя девочка Галя Наумова — моя мама. Такие, кстати, и умирали первыми. Те, кто, как Евгения Трофимовна, уже один раз пережили

голод — в Петрограде 19-го года, и такие, как Галя, жалкие осколки семей врагов народа.

В этой квартире много лет спустя началась и моя жизнь.

Дом угловой. Боком он выходит на набережную реки Пряжки, а фасадом смотрит прямо на розовое здание, где открыли недавно Музей-квартиру Блока. Я теперь живу совсем рядом, на набережной Фонтанки. Школа, где учились мои дети, — тоже неподалеку, на Канонерке, там, где был морг...

«...Мёртвую бабушку положили в дальнюю комнату, пока доставали гроб... Мы втроём повезли её в морг, который находился в переулке, вернее, в тупике улицы Канонерской, недалеко от Садовой ул. Когда мы привезли ее туда на саночках, нам сказали сразу, чтобы гроб мы забрали на растопку и что всех покойников складывают штабелями друг на друга, как дрова... Похоже, что мы попали на дровяной склад. Завернутые в простыни покойники лежали высокими рядами прямо на земле. Между многочисленными рядами были узкие проходы. Мне нужно было задрать голову, чтобы увидеть, где же наверху кончается эта страшная поклажа. А мороз был трескучий, поэтому в ожидании могилы тела не разлагались и не портились...»

(из воспоминаний Татьяны Долинской).*

* Долинские, семья наших ближайших родных, жили в ту зиму на улице Декабристов, в доме № 60, во флигеле.

Глава 1

ГАЛЯ НАУМОВА

«Дорогая моя Тамарочка! Пишу письмо, а руки леденеют, очень холодно в комнате, поэтому мы идем греться к тете Саше (Долинской), там иногда протапливают кухню. Галя потеряла хлебные карточки, и мы до первого числа без хлеба, но ты не беспокойся: едим сухари, которые я насушила раньше.

Тамарочка! Не жалею, что мы не рискнули ехать эшелонам к тебе. Вот моя соседка Ефремова поехала с маленькой девочкой Люсей к своим двум старшим детям Оле и Тане в Ярославскую область, и по дороге ее убили. Ребенок остался. Если ехать, то надо было еще раньше, до войны или сейчас же по объявлении войны, но в это время не было эшелонов в вашу сторону. Эвакуировали детей только с детским садом и школой в определенное место, остальным трудно было достать билет и невозможно. Теперь об этом говорить не приходится.

Береги себя. Мы с Галей принимаем все меры предосторожности, — если бомбежка, спускаемся вниз, в бомбоубежище, так все делают. Иногда спим там — конечно не раздеваясь... Саша, Оля и тетя Саша (Долинские) плохо питаются, и им плохо. Тетя очень плоха, не слышит и плохо видит, с ней тяжело во время тревоги. Она просит меня не оставлять ее, а я сама боюсь медлить, и ее жаль.

Галя просит прислать ей твою фотокарточку. Она не учится, школы закрыты. Борис (Борис Савич, младший сын Евгении Трофимовны) без работы, болеет.

Не беспокойся, еще раз прошу тебя, радио не слушай лучше, а то только расстроишься, послушав его. Если долго писем нет, значит — холодно, писать не могу.

Целую тебя крепко. Твоя мама»

(из письма Евгении Трофимовны Савич своей дочери Тамаре Михайловне Наумовой в г. Павлодар, в ссылке).

* * *

...Снаряд, угодивший в соседний дом, выбил стекла в окнах. Соседи с нижнего этажа, Исуповы, взяли бабушку с внучкой к себе. Мария Никитична работала судомойкой в госпитале, который располагался недалеко от Невского, в бывшем Пажеском корпусе. Сутками она мыла котлы, в которых варили овсянку для раненых. Когда каша пригорала, то она соскабливала обгорелки. Завернув их в тряпку, прятала за пазуху и приносила домой. Их-то и ели Евгения Трофимовна с Галей. Что-то выменивали, потом уже ничего не осталось.

«Дорогая моя Тamarочка! Сейчас я нахожусь в квартире Марии Никитичны Исуповой, они нас приютили на время холода, т.к. у меня дрова растащили и окна выбиты. Дома жить совсем нельзя, спасибо добрым людям Исуповым, мы пользуемся их теплом, и они Галю подкармливают немного, иначе было бы очень худо, у меня уже ноги и руки плохо работают, не знаю, доживу ли до лета. Очень теперь жалею, что не послушалась тебя и не поехала к тебе.

Тетя Саша (Долинская) умерла. 5 января ее хоронили. Борис (Савич), вероятно, где-то пропал, что-то не приходит, вероятно, тоже скапустился, он все время хворал.

Целую крепко, твоя мама».

На обороте листа — приписка: «Дорогая мама! Я жива и здорова. Целую тебя. Галя. Пришли посылку».

...Борис встал на пороге. Ржавое пальто, шея до глаз замотана серым трикотажным шарфом. Треух завязан под подбородком.

— Мама, — сказал он, не заходя в комнату, — отдай мне папины золотые часы.

— Боря, ты все равно не донесешь, потеряешь по дороге, а мне Галю кормить.

— Мама, — произнес он тускло, — посмотри на меня. Я умираю.

Евгения Трофимовна приподняла край матраса, вытащила, звякнув пружиной, бумажный сверток и протянула Борису:

— Возьми.

Он сжал посиневшими пальцами круглый бумажный комок, сунул руку в карман и крепко прижал к телу.

— Галя, — попросил он, не поворачивая к ней головы, — сходи, пожалуйста, наверх, в мою комнату, посмотри, вдруг в письменном столе завалилась папироска.

— Дядя Боря, там одни покойники, я боюсь через них переступать!

— Галя, ты ведь всегда меня любила... И я тебя любил.

Лицо сморщилось, затряслось. Борис заплакал. Повернулся к ним сгорбленной спиной и пошел вниз, по ступенькам, ве-

дущим к черному дверному провалу. Девочка скулила, скрючившись на стуле, а мать стояла, прижавшись лбом к перечеркнутому крест-накрест стеклу.

Борис брел по желтому снегу, шаркая опухшими ногами. У Театральной остановился. Прислонился к стенке дома с ледяными подтеками, медленно сполз, сначала на колени, потом повалился на бок и лежал тихо, как заснувший ребенок; перед его незакрытыми глазами еще несколько секунд стояла белая громада Мариинки, как заиндевелый корабль, который уносил его туда, где смерти нет...

Евгения Трофимовна знала, что у нее последняя степень дистрофии. Она взяла Галю за руку и повела в детский распределитель на Покровке. Там ребенка принять отказались: брали только тех, у кого умерли все. Евгения Трофимовна достала оставшиеся от Тамариного перевода деньги и потащилась на барахолку, что стихийно образовалась на трамвайных путях между консерваторией и Мариинским театром. Купила какую-то детскую одежку: пальтишко, ботики, серую заячью шапку, снятые, видно, с уже умершего ребенка. Пришла домой, собрала тючок и написала на нем химическим карандашом: «Детдом № 84». Завернула конверты с надписанным адресом маминой ссылки.

— Скажешь, что у тебя больше никого нет.

Бабушка сняла с шеи образок с Божией Матерью и надела на Галю.

— Никогда не снимай. Ложась спать, перекрестись и прочитай про себя «Отче наш».

Галя спускалась по парадной лестнице к разбитому дверному проему. Бабушка стояла на площадке, держась за перила,

серое лицо, запавшие щеки, шапка из вылезшего «обезьяньего» меха. Девочка шла, оборачивалась и махала, махала рукой...

В середине апреля, когда ладожский лед начал таять, оставшихся в живых детдомовцев отправили из Ленинграда по Дороге жизни. Сверху на детей набросали тюфяки, чтобы хотя бы так обезопасить их от осколков. Под колесами грузовиков хлюпала талая вода. Ближе к берегу пришлось идти пешком по колено в морозной жиже: лед мог не выдержать тяжести груженных машин.

На Большой земле подкормили и пересадили в поезд, составленный из вагонов для скота. Путь лежал в Краснодарский край, в станицу Лабинскую. Галя сидела на нарах в костюме Красной Шапочки, который бабушка сшила для школьной елки, единственной налезшей одежонке: черный жилет, полосатая юбочка и чепчик с завязками.

У одной девочки оказался с собой резиновый мячик. Его разрезали и в половинки набирали воду.

«Дорогая мамочка! Я эвакуировалась с детдомом на Северный Кавказ. Когда я туда приеду, дам телеграмму. Бабушка боялась, что не доедет, и не поехала. Когда я тебя увижу, то все расскажу.

В Вологде нас поведут в баню и пропустят через изолятор. Едем в теплушках, на одних нарах 12 человек. Пишу неразборчиво, потому что поезд едет и все трясется.

Очень спешу: ночью будем в Вологде, а мне надо написать еще бабушке, она, наверно, беспокоится. Попроси, чтобы тебя отпустили за мной. Целую тебя крепко».

Приписка по самому краю листа: «Телеграфируй бабушке, что я в Вологде — у меня больше нету конвертов».

До станицы Лабинской добрались к июню.

В феврале в Ленинграде умерла Евгения Трофимовна Савич. Ей было 59 лет.

КАРТОЧКА ЭВАКУИРОВАННОГО

Информация с сайта <http://evacuation.spbarchives.ru>

ФИО Наумова Галина Владимировна

Дата рождения 14/04/1930

Дата эвакуации 10/04/1942

Адрес ул. Декабристов, дом 62/64, кв. 109

Наименование учреждения детский дом № 84

Место эвакуации Краснодарский край, станица Лабинская

Глава 2 ДОМ-СКАЗКА

...Русалка сидела на ветвях, подвернув хвостик. Лилии вились по гранитным глыбам, а птица феникс, распластав каменные крылья, стерегла вход в сказку. Дом-сказку. Башенки, витые причудливые балконы, майолики врубелевского письма — роскошный, как театральная декорация, дом красовался на углу Английского проспекта и Офицерской. Не каждый театр мог похвалиться и такой труппой, которая населяла здание, построенное «обезумевшим от холода итальянцем», — из его парадных выпархивали ученицы балетной школы, у окна

за роялем священнодействовал Мравинский, а в зале с голландскими печками умирал лебедь: Анна Павлова с Михаилом Фокиным репетировали Сен-Санса.

Улетел лебедь, встал за пульт Мариинского оркестра пианист, разметало юных красавиц в атласных туфельках на пуантах... Английский проспект переименовали в Маклина, а Офицерскую — в Декабристов. Дом пока держался, храня облупившиеся майолики и волшебство, манил русалочьими глазами и запахом, соблазнительным запахом, от которого кружились головы у неизбалованных ребятишек Коломны. В подвале дома-сказки располагался кондитерский цех. За его окнами феи в белых колпаках, выжимая из тубиков кремовую струйку, рисовали на тортах розы. Побросав сумочки, дети висели на ограде, провожая глазами противни с плотными рядами сахарных трубочек, политых шоколадом эклеров и песочных корзиночек...

Во флигеле, который прятался во дворе дома-сказки, в трех комнатенках поселились Долинские: Александр с молодой женой Ольгой, маленькой дочкой Таней и мамой, Александрой Людвиговной.

ДОМ, В КОТОРОМ РОЖДАЛИСЬ И УМИРАЛИ ЛЕБЕДИ

Дом на углу улицы Декабристов и Английского проспекта на первый взгляд ничем особенным не выделяется, но его история насыщена и интересна. Нынешний дом стоит на старом фундаменте. В 1907 году архитектор Аркадий Бернардацци построил на этом месте дом-сказку. Недолгая эпоха модерна, когда зод-

чие любили украшать здания изображениями различных представителей флоры и фауны, плюс огромные деньги заказчика, золотопромышленника и гласного городской думы Петра Ивановича Кольцова, сделали свое дело. Окна и балконы дома имели причудливые формы, майоликовые панно были выполнены по рисункам Михаила Врубеля, а угловой эркер венчала фигура птицы феникс. Скульптуры, изображавшие сказочных героев, делал барон Карл Рауш фон Траубенберг. Обилие лубочно-сказочных персонажей привлекало внимание петербуржцев, которые в итоге и прозвали это здание домом-сказкой.

Но было у него и другое название: дом Анны Павловой. Знаменитая балерина поселилась здесь сразу после завершения строительства. Дорогую квартиру для Павловой снял ее поклонник Виктор Эммануилович Дандре, ставший впоследствии ее мужем. В роскошной квартире был устроен специальный зал, в котором балерина могла танцевать. Именно здесь родился «Умирающий лебедь» на музыку Сен-Санса.

Драматическая судьба Павловой и ее покровителя Дандре — это отдельная история, но после того, как их не стало в доме-сказке, балет не покинул стены здания. В 1919 году на первом этаже дома была открыта балетная школа Александра Федоровича Кларка. Кларк, как и Дандре, был истинным балетоманом и открыл школу на собственные средства, а среди постановок значительное место занимало «Лебединое озеро» Петра Ильича Чайковского. «Умирающий лебедь» Сен-Санса, подобно птице феникс, венчавшей эркер дома-сказки, воскрес в виде нескольких лебедей.

Зимой 1942 года в него попал фашистский снаряд, и здание сгорело. Лишь обугленная стена до второго этажа напоминала

очертания необычного дома. Не было уже ни эркера, ни птицы феникс.

(Алексей Ерофеев. Вечерний Петербург, 31.01.2008. Приводится в сокращении)

МАРТИРОЛОГ

Дом 60, угол улицы Декабристов и проспекта Маклина

Дом	Кв.	
60		Грабежев Владимир Дмитриевич , 1896 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60/64. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Денисова Мария Ивановна , 1904 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Крушинская Вера Федоровна , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Вяхирева Александра Владимировна , 1872 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 56. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб. Вяхирева Раиса Владимировна , 1872 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 56. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	85	Дементьев Павел Михайлович , 1924 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 85. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60		Дементьев Павел , 1927 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Дементьева Зоя , 1931 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60		Дементьева Серафима Васильевна , 1898 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	23	Задорский Арсений Васильевич , 1910 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 23. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Татарское кладб.
60		Зверинцева Зинаида Феофановна , 1892 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	50	Золотов Михаил Павлович , 1899 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 50. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	60	Иванова Евгения Константиновна , 1934 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 60. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	9	Иванова Лидия Васильевна , 1908 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 9. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
60		Ильина Афилия Матвеевна , 1899 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Ковалева Вера Николаевна , 1923 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Коровина Клавдия Михайловна , 1887 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Лопашкин Александр Егорович , 1907 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Никандров Василий Михайлович , 1909 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60		Овчинникова Татьяна Ивановна , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Остонен Айно Адамовна , 1907 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Павлова Прасковья Павловна , 1909 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Панена Александра Михайловна , 1870 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60		Финогенова Анастасия Финогеновна , 1922 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	Общ.	Кузьмин Михаил Иванович , 1908 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, общежитие. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	Общ.	Спиридонова Аграфена Тимофеевна , 1901 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, общежитие. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	1	Зиберт Валентина Ивановна , 1890 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 1. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	1	Зиберт Владимир Иванович , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 38. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.
60	1	Зосин Виктор Кириакович , 1898 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 1. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб. (Зарин Виктор Кириякович, 1899 г. р.; справку уточнил Д.Б. Азиатцев.)

Дом	Кв.	
60	1	Петров Борис Григорьевич , 1928 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 1. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	1	Румянцев Борис Михайлович , 1926 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 1. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	1	Спиридонов Финоген Спиридонович , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 1. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	2	Оболдуев Александр Тихонович , 1914 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 2. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	3	Кларк Александра Федоровна , 1892 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 3. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	3	Моршинков Василий Евдокимович , 1890 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 3. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	3	Негунахин Сергей Александрович , 1885 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 3. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	3	Осипова Екатерина Георгиевна , 1866 г. р. Место проживания: ул. Маклина, д. 21, кв. 3. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Большеохтинское кладб.
60	4	Емельянец Иван Иванович , 1885 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 4. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	4	Прокофьев Прохор Прохорович , 1893 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	4	Федотова Марина Никифоровна , 1890 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 4. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	5	Васильев Тимофей Васильевич , 1861 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 5. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	5	Кожекина Варвара Петровна , 1878 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 5. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	6	Куренков Иван Кузьмич , 1911 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 6. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	7	Каупуш Елена Леонтьевна , 1896 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 7. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	8	Браиловский Моисей Аронович , 1904 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 8. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	8	Макухо Ксения Ивановна , 1911 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 8. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	8	Малкина София Яковлевна , 1877 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 8. Дата смерти: сентябрь 1941. Место захоронения: Еврейское кладб.
60	8	Назар Рихард Кришевич , 1877 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 8. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	8	Прокофьева Дарья Прокофьевна , 1899 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 8. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	9	Борисова Елена Александровна , 1899 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 9. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	9	Грибков Матвей Васильевич , 1899 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 9. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
60	10	Кларк Александр Федорович. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 10. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	10	Окунь Прасковья Ивановна, 1879 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 10. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	11	Беккер Анна Григорьевна, 1856 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 11. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Еврейское кладб.
60	11	Квинт Элька Мовшевна, 1874 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 11. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	11	Палатник Абрам Хаскилевич, 1859 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 11. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	12	Боровский Федор Владимирович, 1885 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 12. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Волковское кладб.
60	12	Кадинский Бениамин Михайлович, 1892 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 12. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	14	Котиков Михаил Васильевич, 1893 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 14. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	14	Львов Василий Дмитриевич, 1884 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 14. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	15	Струмилло Валерия Петровна, 1884 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 15. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	15	Чернявский Яков Залевманович, 1923 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 15. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	16	Огнев Сергей Ефимович , 1893 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 16. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	17	Уколов Леонид Васильевич , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 17. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Смоленское кладб.
60	17	Альт Мария Михайловна , 1892 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 17. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	17	Красношеева Мария Сергеевна , 1916 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 17. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
60	17	Медведева Наталья Константиновна , 1909 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 17. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	17	Чернявский Зельман Самойлович , 1893 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 17. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	18	Лукичев Василий Прокофьевич , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 18. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	19	Ильин Николай Иванович , 1928 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 19. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	19	Исаев Владимир Константинович , 1941 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 19. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	19	Лукичева Екатерина Ивановна , 1884 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	19	Немцов Евгений Петрович , 1879 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 19. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	20	Герман Иоганн Карлович , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 20. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	20	Осекин Виктор Васильевич , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 20. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	20	Мокеев Семен Никитич , 1906 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 20. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	20	Чернявская Вера Николаевна , 1889 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 20. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	21	Калинина Ксения Григорьевна , 1911 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 21. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
60	21	Каменский Федор Михайлович , 1888 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	21	Кравцев Павел Павлович , 1880 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 21. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	21	Левит Лейба Хаймович , 1870 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 9. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	21	Петрова Анна Михайловна , 1915 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 12, кв. 21. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	21	Устинович Евгений Сигизмундович , 1908 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 21. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	22	Наумов Владимир Григорьевич , 1905 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 22. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
60	22	Тарасова Александра Ефимовна , 1871 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 22. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	23	Дмитриев Федосий Дмитриевич , 1871 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 23. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб.
60	23	Ковалева Варвара Николаевна , 1900 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 23. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	23	Осипов Эммануил Денисович , 1894 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 23. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	23	Эвакуация: Осипова Клавдия Эмануиловна , 1924 г. р.; 27 марта 1942 г. в Кинешму
60	24	Васильева Елена Васильевна , 1866 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 24. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	24	Карпенко Евдокия Алексеевна . Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 24. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	24	Карпенко Михаил Александрович , 1893 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 24. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	24	Полинина Надежда Ивановна , 1883 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 24. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	25	Константинов Василий Николаевич , 1895 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 25. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	26	Шкультецкая Мария Васильевна , 1896 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 26. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	28	Королева Александра Матвеевна , 1883 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 28. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	28	Декстер Арон Халмович , 1865 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 28. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
60	28	Комакова Вера Сергеевна , 1900 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 28. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	30	Киселева Евдокия Трофимовна , 1871 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 30. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	30	Сухих Людмила Николаевна , 1929 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 30. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	31	Шелковников Виктор Михайлович , 1927 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 31. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	31	Шелковников Михаил Григорьевич , 1893 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 31. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	31	Гардин Юрий Владимирович . 1905 г. р. Эвакуация в Краснодарский край.
60	32	Королькова Мария Ивановна , 1903 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 32. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	32	Иванов Алексей Иванович , 1886 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 32. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	32	Иванова Анна Ивановна , 1875 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 32. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	32	Харват Алексей Францевич , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 32. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	33	Архипов Алексей Михайлович , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 33. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	33	Архипова Виктория Михайловна , 1924 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 33. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	33	Смирнов Николай Яковлевич , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 33. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
60	33	Смирнова Анна Степановна , 1890 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 33. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	33	Харват Тамара Алексеевна , 1922 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 33. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	34	Голубев Сергей Григорьевич , 1906 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 34. Дата смерти: 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	34	Маслобоев Павел Иванович , 1887 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 34. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	34	Николаев Илья Николаевич , 1888 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 34. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	34	Тумасов Александр Николаевич , 1901 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 34. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	34	Тумасова Ирина Дмитриевна , 1902 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 34. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	35	Баранова Серафима Петровна , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 35. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	35	Галахова Прасковья Кузьминична , 1889 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 35. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	36	Акулова Агафья Васильевна , 1916 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 36. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	37	Дмитриев Феодосий Дмитриевич , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60/21, кв. 37. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб.
60	37	Суриков Константин Сергеевич , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60/21, кв. 37. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	37	Баранов Антон Иванович , 1918 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 37. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	37	Громова Мария Ивановна , 1914 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 37. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	37	Разина Матрена Ивановна , 1895 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 37. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	38	Королев Павел Васильевич , 1910 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 38. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	38	Зиберт Владимир Иванович , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 60, кв. 38. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.

Дом	Кв.	
60	38	Эвакуация: Зиберт Дагмара Юльевна , 1887 г. р. Зиберт Эрна Владимировна , 1908 г. р. Эвакуация 9 июня 1942 г. Марийская АССР.
60	39	Химонен Михаил Иванович , 1909 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 39. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	39	Шкультецкий Владимир Людвигович , 1894 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 39. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	41	Мультановский Всеволод Иванович , 1867 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 41. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	41	Петрова Нина Куприяновна , 1941 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 41. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	41	Хайтов Юрий Гадрафматович , 1941 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 41. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	42	Баллод Евгения Игнатьевна , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 42. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	42	Каминова Евдокия Васильевна , 1906 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 42. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	42	Кашина Ольга Александровна , 1870 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 42. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	42	Куличкова Людмила Александровна , 1882 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 42. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	42	Фукс Яков Давыдович , 1896 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 42. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	43	Бедовой Иван Степанович , 1884 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 43. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	43	Иванова Ольга Ивановна , 1885 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 43. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	43	Кашин Николай Алексеевич , 1897 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 43. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	43	Кураедова Любовь Ивановна , 1884 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 43. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	43	Леонова Елизавета Васильевна , 1905 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 43. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	43	Ножкин Иван Ильич , 1901 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 43. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	43	Филина Мария Гавриловна , 1853 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 43. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	44	Сазанов Михаил Иванович , 1904 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 44. Дата смерти: август 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	46	Анс Анна Яковлевна , 1883 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 46. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	46	Бодарев Иван Семенович , 1903 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 46. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб.
60	46	Камрикова Пелагея Сергеевна , 1904 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 46. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	46	Камриков Борис , 1930 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 46. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	46	Кошинова Пелагея Сергеевна , 1904 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 46. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	46	Мельникова Татьяна Александровна , 1941 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 46. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	46	Петров Виктор Куприянович , 1938 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 46. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	46	Петров Леонид Куприянович , 1932 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 46. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	46	Петрова Мария Алексеевна , 1908 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/64, кв. 46. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	47	Архиповская Ирина Леонидовна , 1925 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 47. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	47	Кравец Варвара Ивановна , 1910 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 47. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	47	Негря Марина Павловна , 1941 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 47. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	47	Петрова Ольга Ивановна , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 47. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	48	Шапшал Мурита Моисеевна , 1871 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 48. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб.

Дом	Кв.	
60	49	Коган Сергей Матвеевич , 1897 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 49. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	49	Майкапар Елизавета Саровна , 1890 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 49. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	50	Николаева Нина Борисовна , 1922 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 50. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	50	Осипова Юлия Станиславовна , 1897 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 50. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	50	Торгашова Мария Филипповна , 1885 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 50. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	50	Яковлев Павел Яковлевич , 1875 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 50. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	50	Яковлева Степанида Дмитриевна , 1881 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 50. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	51	Микенцов Николай Моисеевич , 1902 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 51. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	55	Вальдштейн София-Анна Карловна , 1867 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 55. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	55	Сорокин Андрей Михайлович , 1888 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 55. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	56	Кононова Александра Павловна , 1875 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 56. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	59	Абашкин Николай Михайлович , 1902 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 59. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	59	Евдокимова Степанида Евдокимовна . Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 59. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	59	Севастьянов Федор Иванович , 1878 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 59. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	62	Ильин Иван Иванович , 1927 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 62. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	62	Каркин Константин Дмитриевич , 1905 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 62. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	65	Шафран Ефим Давидович , 1895 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 65. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	66	Аничкин Дмитрий Евгеньевич , 1881 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 66. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб.
60	68	Легкова Ирина Петровна , 1895 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 68. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	69	Путина Екатерина Ивановна , 1859 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 69. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: неизвестно. По данным справочника «Весь Ленинград. 1935 г.», по данному адресу проживал Путин Михаил Елис. Инструктор Облпрофсовета.
60	70	Собакина Мария Павловна , 1892 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 70. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	71	Гришмановский Яков Дементьевич , 1884 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 71. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
60	71	Калина Валентина Васильевна , 1939 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 71. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.
60	71	Калина Петр Андреевич , 1931 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 71. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	71	Калина Ксения Григорьевна , 1911 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 71. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	72	Штейнберг Яфил-Саулов Павлович , 1881 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 72. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	73	Гусев Сергей Иванович . Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 73. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	74	Бельская Ольга Сергеевна , 1942 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 74. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	74	Данилочкин Федосий Васильевич , 1898 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 74. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	74	Староустин , 1897 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 74. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	74	Стражник Юзефа Игнатьевна , 1900 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 74. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
60	75	Громова Анна Васильевна , 1901 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 75. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	75	Раевская Александра Николаевна , 1890 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 75. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	76	Полеводов Александр Николаевич , 1885 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 76. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	76	Полеводова Анна Павловна , 1893 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 76. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	77	Матсало Надежда Константиновна , 1941 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 77. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Смоленское кладб.
60	79	Архиповский Леонид Алексеевич , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 79. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	81	Агапитова Людмила Васильевна , 1931 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 81. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	82	Загарьев Митрофан Евгеньевич , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 82. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	82	Загарьева Любовь Георгиевна , 1900 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 82. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	84	Долинская Александра Людвиговна , 1872 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 84. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
60	84	Долинский Александр Людвигович , 1887 г. р. Место проживания: ул. Маклина, д. 21, кв. 84. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	84	Долинский Александр Фролович , 1904 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 84. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб. По данным справочника «Весь Ленинград. 1935 г.», Долинский Евгений Флорович проживал: ул. Декабристов, д. 60., кв. 15 «ВНИИМ» (выслан из города до начала войны).
60	85	Уньт Ганс Петрович , 1901 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 85. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	86	Румянцева Пелагея Николаевна , 1876 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 86. Дата смерти: сентябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
60	86	Титов Василий Павлович , 1911 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 86. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	86	Титова Любовь Васильевна , 1888 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 86. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	87	Константинова Мария Тимофеевна , 1900 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 87. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	89	Агапитов Анатолий Петрович , 1935 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21/60, кв. 89. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	89	Кануна Павел Юрморович , 1882 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 89. Дата смерти: 1942. Место захоронения: Красненькое кладб.

Дом	Кв.	
60	89	Константинова Елизавета Константиновна , 1921 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 89. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	90	Сорокин Иван Гаврилович , 1889 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 90. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
60	92	Румянцев Михаил Михайлович , 1898 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 92. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: неизвестно.
60	93	Демченко Федор Евгеньевич , 1891 г. р. Место проживания: пр. Маклина, д. 21, кв. 93. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.

Глава 3. ФЛИГЕЛЬ ВО ДВОРЕ. ВОСПОМИНАНИЯ ТАТЬЯНЫ ДОЛИНСКОЙ

Таня Долинская, двоюродная сестра моей мамы, осталась жива — единственная из всей своей семьи. Да, осталась одна Таня... Вернувшись из эвакуации, она обнаружила, что в домовоей книге ее записали как покойницу. Она долго ходила по инстанциям и доказывала, что не умерла. Веселая, яркая, белокожая, и не скажешь, что худая — такой ее уже увидели мы, — дети выживших блокадниц. Сколько помню, она всегда мучилась мигренями, говорила, что наследственное, и вспоминала, как бабушка Саша постоянно носила на голове повязку, смоченную в уксусе. Она и сама так лечилась. Считалось, что помогает. Не помогло. Она

умерла рано, чуть старше была шестидесяти. Две ее дочери, выйдя замуж, уехали в Норвегию. Внучкам Татьяна и написала свои воспоминания.

Война

С войной, которая началась 22 июня 1941 года и закончилась 9 мая 1945 года, связано столько событий, фактов, ужасов и переживаний, что, кажется, за эти 4 года, да и последующие после неё, прошла огромная жизнь, совершенно другая, страшная и неожиданная.

В августе 1941 года мне исполнилось только 7 лет, но я отчётливо помню очень многое, как будто смотрю фильм или читаю книгу, когда вспоминаю то или другое событие. Причём то, что знаю я, не знает никто и никогда не знал, потому что это было только со мной и подчас без свидетелей, а иногда свидетелями были совершенно посторонние люди или те, которых нет в живых давным-давно.

Итак, 22 июня было воскресенье, солнечный день. Мы с мамой собрались ехать к её портнихе Екатерине Николаевне в центр города. И вдруг громко заговорило на улице радио голосом Молотова. Прозвучало слово «война». Я не знала абсолютно, что это такое, но взрослые были обеспокоены.

Помню, что через несколько дней после этого сообщения мы с мамой оказались за городом в пионерском лагере от её школы. Там был палаточный лагерь с хорошим питанием, пионерскими кострами и песнями. Но это продолжалось недолго, и очень быстро лагерь стал сворачиваться. И вот мы вместе с этим лагерем от школы, воспитателями (они же учителя шко-

лы), забрав необходимые вещи, оказываемся в поезде, который должен был увезти нас на восток. Поезд был длинный-длинный. Мы должны были уехать за Урал.

Недалеко от Ленинграда начались первые бомбёжки. Фашистские самолёты летали прямо над поездом и бомбили нас, мы выскакивали из вагонов врассыпную. Многие были ранены, многие убиты.

Мы как-то уцелели и добрались до Урала или Сибири, теперь я точно не знаю. Но там не было войны. Природа тех мест необычно величественная. То какие-то горы, то широкие реки. Не такие равнинные места, как в европейской части России. Нас поселили в школе. Подробностей того непродолжительного периода жизни я не помню, но вот я заболела коклюшем. Это такой кашель с приступами. Мама была в отчаянии от моей болезни. Видно, она не привыкла одна справляться с трудностями. В той деревенской жизни не было удобств, но не было и ничего плохого. Мы бы там прожили спокойно всю войну. Но нет же. Мама советуетса со мной, что ей делать: дать папе телеграмму или нет. Если он не приедет, то она бросится под поезд. Когда она сообщила мне такое, я ей, конечно, посоветовала вызвать папу, что она и сделала. Это было настоящим безумием. Что её так напугало, никто никогда не узнает, но она сделала всё, чтобы вместе с отцом погибнуть потом в блокадном городе. Папа приехал к нам, не знаю уж какими путями. А когда я вдруг увидела его сидящим на большом камне у реки, мне стало страшно. Никто никогда не поймёт их рокового решения ехать в Ленинград вместо того, чтобы остаться там, в Сибири. Папу не призывали в армию по состоянию здоровья, и он мог бы остаться работать в школе в этой сибирской деревне.

Наверно, оба жалели об этом перед своей смертью. Но тем не менее мы отправились втроём в Ленинград. Добраться до города было очень сложно, так как наступали немцы. И вот мы на каких-то товарных поездах, на открытых платформах добирались до Ленинграда вместе с несколькими студентами ленинградских институтов. Наконец-то прибыли в город. Мы поднимаемся по лестнице на свой последний этаж, наверху стоит бабушка Саша. Она всплеснула руками, и ей стало плохо. Она уже поняла, на что мы себя обрекли, приехав обратно домой.

Дяди Жени и тёти Ани (Долинских) в это время уже не было в городе. Они были высланы в Томск ещё в начале войны из-за кадетского корпуса (Морского корпуса, где Евгений Долинский учился до 1917 года) дяди Жени или ещё чего-то. Это было ещё до нашего отъезда с лагерем. Так что это спасло хоть их, слава Богу!

Нашим же девизом было: «Из Ленинграда ни ногой», «А как же вещи?», «Если умирать, то вместе».

Ни один из этих лозунгов не оправдал себя. Не осталось ни вещей, ни людей, ни квартиры. А дома, разумеется, у нас, как у «больших интеллигентов», запасов продовольствия не водилось никогда, в доме не было ровным счётом ничего. Мы жили сегодняшним днём. Пошли в магазин — купили, а когда покупать стало нечего, пришел конец!

Блокада началась 8 сентября 1941 года.

Блокада

Мы вернулись в Ленинград как раз к началу 900 блокадных дней. Немцы уже окружили город со всех сторон. Только правее города, на востоке оставалось Ладожское озеро, но и оно полностью контролировалось немцами.

Первая бомбёжка началась 8 сентября. Кроме того, постоянные артиллерийские обстрелы. В городе были введены продовольственные карточки на хлеб и крупу. Остальное не подразумевалось. Трагедией для Ленинграда было то, что сгорели Бадаевские склады, а там находился основной запас продовольствия.

Немцы знали, что делали. Люди, которые жили поближе к этим складам, просеивали горелую землю, взятую на пепелище, в надежде что-нибудь найти съестное.

Хлеба давали по карточкам на день — 100 гр. Но это когда давали. Это было не всегда. У рабочих был немного больше паёк. Бабушка Саша, пережившая голодный 1924 год, безумно боялась голода. Она очень быстро сошла с ума.

В ненормальном состоянии приходил к нам Галин дядя — Боря (Савич). Он требовал от неё отдать ему хлебные карточки. Бабушка тогда ещё могла рассуждать, и она уговорила его уйти. Он умер одним из первых.

К отсутствию снабжения добавились трескучие морозы, отсутствие света, воды, тепла. Дров не было. Топили книгами и мебелью.

В домах у всех появились маленькие печурки. Они назывались буржуйками. Трехмиллионный город впал в оцепенение. Многие фабрики и заводы, правда, были эвакуированы в Сибирь, за Урал, но в городе ещё оставались предприятия, которые работали, даже на оборонную промышленность. Часто за станками стояли подростки.

Некоторые вузы и школы пытались работать. Многие умирали на своих рабочих местах. Люди умирали от голода и хо-

лода. Замёрзшие трупы сидели, лежали на улице. Убирали их еле живые люди. Зима была такой суровой, что и в мирное-то время её было нелегко пережить. А тут война. Ещё осенью мы во время бомбёжек спускались в бомбоубежище, потом перестали. Голод победил страх перед бомбами, обстрелами. На них реагировали молча, вернее, никак.

Мы все жили в столовой, там же топили буржуйку. Я себя помню чаще всего сидящей на стуле за роялем. Бабушка уже не вставала, она сидела у окна с распущенными волосами и пальцами манила к себе меня. Я не выходила со своего насиженного места и боялась её.

Мама основное время проводила в очередях за хлебом. Люди стояли на морозе и обречённо ждали, когда подвезут хлеб; иногда его не было по нескольку дней. У мамы были отмороженные чёрные ноги. Если бы она осталась жива, ног бы у неё всё равно не было. Папа ещё ходил в институт, слёг он уже в конце января.

По поводу воды. Мы не мылись вообще, т.к. воды не было, не было её и для питья. Когда выпал снег, то мы пили этот растопленный снег в виде грязной воды. А в баню я попала в апреле, когда была уже в детском саду.

Основное время я проводила за роялем и созерцала, иногда ходила на кухню в поисках чего-нибудь, что можно было жевать, но там не было ничего, но однажды я увидела наш кухонный большой нож, которым до войны резали хлеб, на нем оставались следы налипшего хлеба; эти следы я сдирала несколько дней подряд.

В блокадную зиму появилось много неизвестных до той поры терминов. Я многого и не знала, но вот «дуранда», «хря-

па» — это я помню. Хряпа — это гнилая капуста, а дуранда — это что-то с чем-то намешано, и из «него» можно печь лепёшки. У кого, конечно, дома было на чём печь, типа рыбьего жира.

В ночь на 31 декабря 1941 года умерла бабушка Саша. Мёртвую бабушку положили в дальнюю комнату, пока доставали гроб и прочее. Мы втроём повезли её в морг, который находился в переулке, вернее, в тупике Канонерской улицы, недалеко от Садовой ул. Когда мы привезли ее туда на саночках, нам сказали сразу, чтобы гроб мы забрали на растопку и что всех покойников складывают штабелями друг на друга, как дрова. Мы увидели эту картину. Похоже, что мы попали на дровяной склад. Завернутые в простыни покойники лежали высокими рядами прямо на земле. Между многочисленными рядами были узкие проходы. Мне нужно было задрать голову, чтобы увидеть, где же наверху кончается эта страшная поклажа. А мороз был трескучий, поэтому в ожидании могилы тела не разлагались и не портились. Там я увидела этот блокадный почерк. Отвозили покойников на Пискарёвское кладбище, хотя много ленинградцев похоронено и на других кладбищах. Так, мама лежит на Красненьком кладбище в Кировском районе. Хоронили на Смоленском, Охтинском, Северном — везде, где только можно было поближе доехать. На Пискарёвском кладбище лежит около 1 000 000 человек. Но это было одно из самых массовых захоронений в городе, в том числе там лежат и солдаты. Убирали мёртвых людей с улиц и из домов такие же полуживые люди.

Я ещё не упомянула клей во всех его видах, который ели, кожаные ремни вываривались, и их тоже ели. Первыми съели всех кошек и собак. Крысы из голодного города ушли сами. Осенью я ещё часто сидела на кухне у окна и смотрела, как

во время бомбёжки небо было расцвечено многочисленными ракетами, которыми наши враги указывали, куда надо бомбить, на какой объект. Шпионы работали. Потом к этому погас интерес. Люди тупели от голода.

После смерти бабушки наступили самые тяжёлые времена. Январь и февраль были самыми страшными месяцами, особенно февраль. Люди умирали сотнями, тысячами. Да, надо сказать, что, когда умерла бабушка (а выяснила это я уже в 1950-е годы), нас с ней «поменяли» местами и записали в ЖАКТе, что 31 декабря 1941 года умерла Таня Долинская, а 20 мая эвакуирована Александра Людвиговна Долинская. Так меня похоронили заживо, и спустя годы это стало для меня большим препятствием для всевозможных справок и документов. Говорили мне в ЖАКТе стандартную фразу, очень характерную для нашей системы: «Много вас тут ходит всяких». И это ничем не пробить, раз написано! Страшно.

Папа слёг в конце января. Мы спали все вместе на полу втроём, чтобы было теплее. Мама всё стояла в очередях. По несколько дней не давали ничего.

Однажды к нам на квартиру пришла одна папина студентка. Она принесла что-то съедобное в пакете. Я не помню.

А один раз к нам пришёл шикарный, розовощёкий дедушка Маркуша. Я сразу поняла, что он выглядит не так, как мы. На нём была тёплая шапка (папаха) и хорошее зелёное пальто. Он тоже принёс что-то в пакете, но, увидев нас, умирающих и страшных, очень быстро ушёл без разговоров. Некоторые люди и в блокаду жили нормально. Иные даже наживались на горе других, скупали вещи и драгоценности, и после войны эти спекулянты и воры чувствовали себя хозяевами положения.

Тётя Нина, например, «проела» две свои комнаты, отдав их за бидон каши.

Я еще не сказала об ужасном явлении — обо вшах. Их было полно на голове и теле. Казалось, они вылезали откуда-то изнутри. Отсутствие пищи, воды, мыла, чистого белья — вот любимая среда для этих паразитов, и они, казалось, съедали сами людей. Деваться от них было некуда. Так и жили с ними, пока не оказались в человеческих условиях.

В январе 1942 года в наш дом-сказку попала бомба. Дома не стало. Остались только внутренние флигели, в одном из которых жили и мы. И то рядом с нами тлели от пожара квартиры, и я выходила по нескольку раз в день посмотреть, не горим ли мы. Люди сидели во дворе на каких-то сундуках или стульях, принесенных из горящего разрушенного дома, и ждали своей участи, я не знаю какой.

В это время папа уже не вставал. Посмотрев на пожарище, я отправлялась на помойку. Это понятие ещё было для некоторых людей. По дороге я гасила зажигательные бомбы. Их надо было засунуть в снег. На помойке однажды я увидела лежащего покойника, я отодвинула его и нашла под ним тухлое яйцо и замерзшую шкурку от картошки. Это богатство я принесла домой, и мы поделили на троих. Снег поставляла домой тоже я.

У обоих родителей началась дистрофия, это необратимый процесс. Такой понос, что пища уже не задерживается в организме, даже если она есть. Организм уже не работает.

Еще до начала трескучих морозов мы вместе с Галей Наумовой шли по улице Декабристов в сторону их дома. Наш дом ещё стоял. Она обратила моё внимание на другую сторону

улицы, там был разрушен бомбой дом. Все этажи и квартиры были срезаны наполовину, т.е. дом как бы разрезан большим ножом. Мы видели чьи-то руки, ноги, которые свешивались с кроватей, печей. Это была страшная будничная картина. Никто не знал, будет ли он жив в следующее мгновение. Город умирал, вымерзал и голодал.

Мороз бывал ниже 30 градусов Цельсия, так говорили потом те, у кого были градусники. У нас вся квартира, кроме одной комнаты, где мы жили, была в инее. Туалет, которым мы не пользовались, был похож на обледенелую избушку. Пользовались мы, как и все, вёдрами для туалета.

Единственным источником жизни было радио с его метрономом и сообщениями: «Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!» или «Отбой воздушной тревоги». Несколько раз я была на улице и слышала голоса дикторов. Иногда читали стихи.

Радио у нас дома не было, приёмниками во время войны пользоваться было нельзя. Дома стояла гробовая тишина.

Дня за два до папиной смерти я помню такую картину: папа сидит в коридоре в пальто и форменной путевой фуражке, которую он только и носил. Он не хотел разговаривать со мной. По-моему, я провинилась, что-то съев без спроса, какую-то жидкость тёмного цвета из банки. Меня к этой банке так и тянуло. А потом другая картина перед глазами. Утро, мама ушла в очередь. Мы с папой вдвоём лежим на полу (это наша кровать). Это было 8 февраля 1942 года. Приходит мама, достает маленькое зеркальце и подносит к папиному лицу. Оно не тускнеет. Значит, человек умер. Мы с ней спокойно, без слёз, берём его за руки и за ноги и пытаемся вынести на

кухню. Мне казалось, что это длилось вечно, так как сил не было двигаться самому. Там, на кухне, он лежал, пока его не сдала в морг т. Лина. Лежал он, очевидно, около недели.

Когда умерла бабушка Саша, мама сказала папе: «Как ни страшно всё, что случилось, но после войны мы с тобой начнём всё сначала». После этого папа взял какой-то листок бумаги и стал отмечать дни, которые прошли с начала зимы, и сколько дней осталось до весны. Но, увы...

Это было страшно и безнадежно. Каждый день был сущим мучением.

В самом начале блокады по квартирам ходили общественные деятели и собирали детей для вывоза из Ленинграда. Меня запикивали в шкаф, чтобы никто не нашёл и чтобы по нашему девизу мы могли умереть вместе.

Но в жизни получилось по-другому.

После смерти папы мама написала записку, положила её на рояль и сказала мне, что после её смерти я должна эту записку отнести в ЖАКТ. Но я не знала, что такое ЖАКТ, не знала, жива мама или нет, т.к. она всё время уходила на улицу в очередь; а главное — я никогда так и не увидела эту злополучную записку.

Я просиживала на своём стуле за роялем дни напролёт, и вот однажды мама вернулась домой не одна, а с т. Линой. Лина шла к нам домой узнать, как у нас дела, увидела маму, сидящую на улице с отмороженными ногами, и они обе пришли к нам. Мне велено было собираться быстро. И мы ушли из дома. Меня везли на саночках. Пошли в сторону Нарвских ворот. Больше я в своей квартире не была. Один раз, правда после войны, я оказалась в ней с т. Аней и т. Л. И то я стояла

только на кухне. До сих пор при воспоминании об этой квартире меня охватывает ужас. И так, я была спасена от голодной смерти в полном одиночестве, т.к. мамины дни были сочтены. Тётя Лина жила на фабрике «Равенство» на казарменном положении, т.е. люди работали и жили здесь же, здесь же питались своими скудными пайками.

Т. Лина решила навестить обеих сестёр и застала в обоих местах страшную картину. У Рубцовых уже умер Леонид Александрович, а т. Нина жила с Олегом вдвоём.

Тогда т. Л. устраивает меня в д/сад от фабрики. Он находился тогда в школе за ДК. им. Горького, маму помещает в школу, где она работала, № 384, на казарменное положение, т. Нину устраивает работать в другой д/сад, а Олега она перевезла к себе в комнату на Садовую, думая, что т. Н. будет следить за состоянием своего сына сама. Но что получилось у т. Н. с сыном, я не знаю, но он долгое время находился в комнате т. Л. совсем один, да ещё и был заперт. Теперь мне кажется, что т. Н. должна была любыми путями забрать сына с собой в тот садик, где она сама работала. Олег умер 1 апреля, один, предоставленный сам себе. Его мать осознала это через два месяца, когда мы были уже на Кавказе и она стала немного приходить в себя. Соседи по Садовой не любили т. Нину именно из-за этого.

Меня до сих пор тоже мучают угрызения совести. Дело в том, что ко мне в д/сад накануне смерти приходила мама попрощаться, но она была такая страшная, что я к ней так и не подошла. Женщины, которые держали её под руки, звали меня, но я не сделала ни шагу в их сторону. Тогда мама сказала: «Ладно, не надо». И всё — на завтра я стала круглой сиротой, 18 февраля. Надо мной взяла опеку т. Лина — и вот мы с ней всю жизнь

вместе. Своей семьи у неё не сложилось. Олегу не повезло: он был старше меня на два года, ему было уже 9 лет, и таких детей в д/сад не брали, а мне было ещё только 7 лет. В детском саду на 1 Мая мы даже готовили какой-то концерт. Меня одели узбечкой, на голову надели тюрбетейку и дали полосатый халат. В руки поместили пиалу. Я должна была сказать: «Якши». Что это такое, я не знаю, но в то время страшнее меня, по-моему, не было детей, так что узбекский наряд довершал общую картину. С детским садом мы ходили в баню. В бане мылись все вместе: и мужчины, и женщины. И те и другие были похожи на скелеты, и наличие пола ничем не выделялось. Только мужчины в основном сидели, они не могли двигаться, а женщины мыли и себя, и их, хотя им было тоже очень тяжело.

Спали мы в подвальном помещении на случай бомбёжки. После зимы в подвале скопилась вода, кровати так и стояли в воде. Она доходила почти до матрацев. Мы по дощечке проходили на свою кровать, лежали во всём сыром, одетые. Два раза у нас в «спальне» было целое событие. Кто-то принёс один раз огромную голую кость, а в другой раз — грязный кусочек соли. И то и другое мне удалось лизнуть по одному разу. Около д/сада стоял небольшой деревянный домик. Говорили, что там живёт людоедка. Тогда в Ленинграде людоедство уже приобретало определенные обороты. Так вот, из моей группы так и пропали двое ребят — мальчик и девочка, — конечно, самые упитанные. Мимо меня проходила женщина с мешком под мышкой, но я не соблазнила её.

Иногда т. Л. приводила меня к себе на фабрику. Там меня кормили и укладывали на нары. Я не могла шевелиться после еды. Живот раздувался, женщины плакали, глядя на меня. Во

время блокады у меня сильно потемнели волосы, заострился нос, срослись брови, а тело было покрыто какой-то шерстью или пухом. Это был страшноватый ребёнок.

Да, забыла ещё про один блокадный эпизод. Ещё при жизни мамы на ул. Маклина. Мы с ней были уже вдвоём, без папы. Вдруг к нам является Галина бабушка Евгения Трофимовна и просит у нас карточки, как и дядя Боря (её сын). Мама послала меня в комнату за альбомом с фотографиями. Я принесла. Тогда Е. Тр. стала кричать, что ей нужны хлебные карточки. А я очень рассердилась на это и сказала маме, чтобы она выгнала Е.Т. Ну, кое-как уговорили, и она оставила нас в покое.

Люди лишались рассудка.

В детском саду я находилась до 20 мая 1942 г., до того момента, когда мы уехали из Ленинграда на Кавказ, в Ессентуки, к маминому брату, к дяде Жоржу. Поехали мы втроём: т. Л., т. Н. и я. Эвакуация — это отдельная история.

Наши скорбные даты

8 февраля 1942 года — день смерти А.Ф. Долинского;

18 февраля 1942 года — д. смерти О.С. Долинской;

31 декабря 1941 года — д. смерти А.Л. Долинской;

1 апреля 1942 года — д. смерти О.Л. Рубец;

Февраль 1942 года — д. смерти Л.А. Рубец, дяди Бори, дяди Коли; Евгении Трофимовны Савич.

Эвакуация

Эвакуация проходила и зимой, и летом по Ладожскому озеру. Эта трасса названа Дорогой жизни. Ладога спасла тысячи людей. Зимой людей перевозили на машинах по льду.

Немцы бомбили, лёд ломался, машины с людьми уходили под воду. А весной и летом на катерах людей перевозили моряки на другую сторону Ладоги. Всё это сопровождалось страшными бомбёжками.

Мы уезжали из Ленинграда в мае, поэтому нас перевозил по Ладоге катер. Но до Ладоги нужно было добираться на поезде. Ехать надо было до Кобоны, отправного эвакуопункта. Наш поезд по дороге несколько раз бомбили. Он останавливался. Уцелевших людей размещали в уцелевшие вагоны и везли дальше. Так было несколько раз. Наконец добрались до места. На берегу Ладожского озера стояла, да и сейчас стоит маленькая церквушка, которая в зимнее время спасала людей от морозов во время эвакуации их на машинах через замёрзшее Ладожское озеро. Но в мае было тепло, и в церквушку мы не заходили. Все ждали катеров, разместившись вокруг церкви. Вещей с собой было немного. То, что смогла взять в свои руки т. Лина. Т. Нина пришла на Финляндский вокзал с одной маленькой чёрной сумочкой под мышкой. Она сказала, что едет к брату и ей ничего не нужно. Так и отправились в путь. Похоже, что с головой у неё в блокаду стало совсем плохо. Наши вещи «ехали» через Ладогу одни, без людей и были разбросаны в лесу за Ладожским озером, т.е. уже на Большой земле. Так называли места, свободные от немцев. Для группы людей, в которой находились и мы, подали три катера. Мы ехали (плыли) в среднем. Сразу же началась бомбёжка снова. Немецкие самолёты летали над нами и сбрасывали бомбы. Береговая наша артиллерия пыталась их отбить. Два катера по краям пошли ко дну, с людьми, разумеется. Мы остались на воде одни. Мне стало плохо от качки и голода, я позеле-

нела совсем. Подошёл молодой матросик и сунул мне в руки белую булку. Это было как сон. Стало легче, и даже появились какие-то чувства. Было солнечно и тепло. Мы достигли противоположного берега. Теперь надо было отыскать вещи. Их было гораздо больше, чем людей, т.к. $\frac{2}{3}$ уже погибли. Но люди искали только свои тюки. Нашли свои пожитки и пошли через лесок к железнодорожной станции, откуда нас должны были отправить куда-то на юг в товарных вагонах. По дороге нас встретили собака и кот. Они, видно, гуляли по лесу. Люди из последних сил бросились к ним с криками: «Кис-кис!», «Собачка!» Всем захотелось их погладить. Люди отвыкли от вида всего живого. Собака поджала хвост и бросилась наутёк, кот за ней. Мы оставили эту затею.

Добрались до станции, где всем голодающим была выдана еда: суп и каша, но предупредили, чтобы ели понемногу, иначе можно сразу же умереть, т.к. организм отвык от пищи за 9 месяцев голодовки. Так и случилось. Некоторые так и застыли навек с ложкой в руках. Многие погибли от этого же и по дороге. Мёртвых выбрасывали из вагонов, живые ехали дальше. Нас везли в южном направлении, но в объезд, там, где ещё не было немцев. Поэтому ехали долго, казалось, всё лето. Наш путь был на Кавказ через Сталинград, который мы успели проскочить перед приходом немцев в те края. Именно в Сталинграде при остановке нашего состава я побежала в туалет на железнодорожные пути и села под один вагон. Потом стала подниматься и с силой ударила головой о буфер, с помощью которого сцепляют вагоны. От удара у меня пошла кровь, голова была пробита. Мы с т. Л. побежали на вокзал. Там оказали мне первую помощь и вставили в дырку на голове марлевый

тампон, с которым я благополучно и прибыла в Ессентуки. Была жара, всё это присохло к голове, и при перевязке уже в Ессентуках я перенесла ужасную боль. Но самое главное, что мы успели в Сталинграде на поезд, иначе бы нам там было несдобровать.

Глава 4 УЛИЦА, ВЕДУЩАЯ В РАЙ

Указом от 20 августа 1739 года новой улице было присвоено два названия: от Вознесенской перспективы до современного Львиного переулка — Приказная, а оттуда до Пряжки — Морская. В первой части улицы селились служители Приказа Адмиралтейского ведомства, а во второй предполагалось разместить Морскую слободу, где бы жили моряки и кораблестроители. Однако очень быстро, уже в 1744 году, Морская становится Офицерской, потому что живут там не просто мореплаватели, а офицеры Морского ведомства, новое название приживается, захватывает и вторую, Приказную часть, и так и существует до 1918 года.

Революционный вихрь сметает с карты города все названия, связанные с офицерами, — они ведь все белогвардейцы. Но по таинственным ассоциативным путям улица получает имя — Декабристов: офицеры, но вроде бы и свои, бунтовщики.

А по-хорошему ее бы следовало назвать Музыкальной. Близость к Мариинскому театру притягивала сюда артистическую публику: здесь селились балерины и певцы, художники и композиторы, поэты и их поклонники. По обе стороны улицы открывались музыкальные школы, театры, увеселительные заведения и даже кабаре.

Каждая улица — это свой микромир. Маленькие деревянные домики на заболоченном пустыре сменились каменными зданиями, — по указу императрицы Елизаветы Петровны, — известные архитекторы возводили здесь особняки, доходные дома и даже замок. Благотворители учреждают больницы, меценаты — богоугодные заведения. Актеры открывают свои театры. Рестораторы — трактиры. Магазины, ателье, шляпные мастерские, булочные, прачечные, гимназии и Кадетский корпус. Жизнь кипела, менялись вывески, пролетки сменились автомобилями, на смену классике приходит модерн, и его скоро вытесняет конструктивизм. Меняются лица прохожих, ветшают и снова обновляются старые дома. Большевистские декреты лепятся на место афиш, рушится Литовский замок, а Тюремный переулок получает имя революционера Матвеева. Старая эстонская церковь становится сначала складом, потом домом обороны и снова возвращается к своему первоначальному назначению. В ДК Пятилетки тянутся длинные очереди в каску кинотеатра, а на сцене ставят «Сильву» молодые рабочие с Адмиралтейских верфей. Исчезает и Дом культуры, захватив в небытие Литовский рынок, и на его месте теперь сверкает стеклом и бетоном второе здание Мариинского театра.

В доме № 1 по **Офицерской улице** в 1850 году была открыта лечебница Святого Лазаря для приходящих больных, основанная Обществом посещения бедных. За минимальную плату пришедшие получали здесь медицинскую помощь, а те, кто приходил с рекомендацией от Общества, от платы освобождались. Прием велся круглосуточно. Попечителем Общества был зять Николая I герцог Максимилиан Лейхтенбергский, после смерти

которого в 1852 году лечебница получила его имя — Максимильяновская. Заведение взяла под патронат великая княгиня Елена Петровна. Вместе со знаменитым хирургом Н.И. Пироговым и доктором Н.Ф. Арендтом она на собственные средства основала отделение для раненых офицеров.

Именно в этой лечебнице впервые появилась специализированная медицинская помощь. С 1893 года лечебницу возглавлял Н.А. Вельяминов. В 1897 году он открыл школу для калек, где их обучали разным ремеслам. Кроме того, они изготавливали примитивные протезы.

В советское время лечебница сменила много разных названий, переехала в расположенный неподалеку дом № 19 по Вознесенскому проспекту, но петербуржцы всегда называли её Максимилиановской.

Во время войны в одном из флигелей был госпиталь медсанслужбы МПВО, потом — районная больница. В 1971—1991 гг. — больница им. Нахимсона.

Сейчас — городская больница № 28 «Максимильяновская».

В 1811 году в Петербург приезжали родители Александра Пушкина: они выбирали учебное заведения для сына. Совет А.И. Тургенева окончательно определил их выбор в пользу Царскосельского лицея. Тогда они на месяц останавливались на углу Вознесенского и Офицерской — в **доме № 2** поручика Д. Прохорова, построенном в 1798 году.

Дом № 4 построил архитектор А.М. Грунтов в 1833 году, а в 1865 году архитектор Ф.Ф. Бекман изменил фасад.

С августа 1831 года по май 1832 года на третьем этаже дома жил Н.В. Гоголь. В письме Пушкину от 21 августа 1831 года Гоголь писал: «Дворы домов по Мещанской, по Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов были наполнены водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати, квартира моя во 2 Адмиралтейской части, в Офицерской улице, выходящей на Вознесенский проспект, в доме Брунста».

В соседнем, типичном доходном **доме № 5** в 1856 году недолго снимал двухкомнатную квартиру Лев Толстой.

В **доме № 7** в квартире № 19 жил известный музыкальный критик В.П. Коломийцев, у которого часто собирались музыканты — Л.В. Собинов, Ф.И. Шаляпин, Н.Н. Фигнер и другие. В первом этаже располагались магазины — молочных продуктов «Братья Сумароковы» и мясная лавка купца Н.М. Коростелева.

Из **дома № 9** в августе 1937 года забрали известного филолога-востоковеда, историка, переводчика китайской классической «Книги перемен» Ю.К. Щуцкого. В феврале 1938 года его приговорили к смертной казни по обвинению в контрреволюционной деятельности и в тот же день расстреляли. Ему было сорок лет. По просьбе его родных на доме установлена табличка «Последний адрес».

Дом № 10 был возведен на участке вместо стоявшего там одноэтажного каменного дома купца А.Х. Вилька с братьями, построенного на рубеже XVIII и XIX веков. С середины

XIX века участком владели богатые бароны Стандершельды. По их распоряжению в 1860 году архитектор М.Ф. Петерсон построил четырехэтажный доходный дом.

В 1870 году в нем жил известный русский шахматист М.И. Чигорин. В начале XX века в этом доме находились Итальянское генеральное консульство и Петербургское филармоническое общество.

Из взносов, которые вносили участники общества, вдовы и дети артистов оркестров Императорских театров получали пенсии.

Дом № 13 был построен в 1833 году архитектором Либерицем А.И. в стиле классицизма.

В истории Петербурга этот дом известен как дом Шуппе. В «Адресной книге Санкт-Петербурга» на 1837 год упоминается санкт-петербургский купец Иван Мартынович Шуппе, который проживал по Офицерской улице. Родоначальником же этой семьи в Петербурге предположительно является Johann Martin Schuppe (Иван Мартынович Шуппе), прибывший в Петербург, по всей вероятности, из Германии.

МАРТИРОЛОГ. ДОМ № 13

Дом	Кв.	
13		Градусова Елена Никифоровна , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13		Комиссарова Анна Николаевна , 1904 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
13		Кулешова Анна Григорьевна , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13		Серов Василий Михайлович , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	1	Борисова Александра Васильевна , 1915 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 1. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	1	Потапкина Валентина Ивановна , 1917 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 1. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	2	Федорова Пелагея Степановна , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 2. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	3	Пашкевич Владимир Викторович , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 3. Дата смерти: август 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	3	Хавинсон Борис , 1939 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 3. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	4	Маркович Хася-Рива Залмоновна , 1871 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 4. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	4	Прикуль Агнеса Мартыновна , 1883 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 4. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	4	Сопко Акулина Ивановна , 1859 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 4. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	4	Царькова Александра Матвеевна , 1861 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 4. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
13	4	Авдентов Константин Федорович , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 4. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	4	Авдентова Мария Александровна , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	5	Кремер Ливша Сальмановна , 1869 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 5. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	7	Козловский Иосиф Казимирович , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 7. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	7	Лаптева Марина Павловна , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 7. Дата смерти: июль 1943. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	7	Нарышкина Прасковья Яковлевна , 1872 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 7. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	7	Ромейко Анеля Егоровна , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 7. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	7	Ромейко Леонид Августович , 1928 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 7. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	7	Ромейко Янина Августовна , 1926 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 7. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	8	Булкин Василий Федорович , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 8. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	8	Кузнецов Леонид Иванович , 1935 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 8. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
13	8	Кузнецов Серафим Иванович , 1938 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 8. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	8	Кузнецова Пелагея Петровна , 1898 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 8. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	10	Зверев Семен Васильевич , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 10. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	13	Зубакина Ольга Филосовна , 1870 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 13. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	14	Кузнецова Александра Денисовна , 1872 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 14. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	14	Горшечников Александр Николаевич , 1867 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 14. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
13	15	Серебряков Александр Петрович , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 15. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	15	Серебрякова Ольга Васильевна , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 15. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	15	Журавлева Наталья Ивановна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 15. Дата смерти: март 1943. Место захоронения: неизвестно.
13	15	Баулин Михаил Васильевич , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 15. Дата смерти: 4 января 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	15	Шмелев Василий Васильевич , 1873 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 15. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
13	16	Комиссаров Алексей Иосифович , 1898 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 16. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб.
13	16	Константинов Виктор Константинович , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 16. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Волковское кладб.
13	16	Бульшова Евдокия Николаевна , 1915 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 16. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	16	Гринберг Борис Григорьевич , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 16. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	16	Королев Николай Васильевич , 1914 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 16. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	16	Королева Галина Николаевна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 16. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	17	Шибаета Елизавета Павловна , 1910 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 17. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	17	Абрамычев Дмитрий Николаевич , 1885 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 17. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
13	17	Абрамычев Сергей Николаевич , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 17. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	18	Мартынов Герасим Мартынович , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 18. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	18	Угнивенко Евдокия Сергеевна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 18. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
13	19	Иванова Нина Трифоновна , 1941 г. р. Место проживания: Петровский пр., д. 13, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: о. Декабристов кладб.
13	19	Михайлова Мария Матвеевна , 1873 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 19. Дата смерти: ноябрь 1943. Место захоронения: неизвестно.
13	19	Соловьев Василий Михайлович , 1934 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	19	Соловьева Антонина Михайловна , 1926 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	19	Соловьева Прасковья Григорьевна , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 19. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	19	Шабунова Татьяна Николаевна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 19. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	19	Баулин Иван Сергеевич , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	20	Тихомиров Юрий Николаевич , 1924 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 20. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	22	Александрова Агриппина Васильевна , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 22-а. Дата смерти: январь 1943. Место захоронения: неизвестно.
13	24	Шлитлер Вильгельмина Ивановна , 1872 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 23. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	24	Заблюцкая Надежда Александровна , 1915 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 24. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
13	24	Романов Ефим Романович , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 24. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	24	Антонюк Нина Петровна , 1943 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 24. Дата смерти: октябрь 1943. Место захоронения: неизвестно.
13	25	Антонович Витольд Феликсович , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 25. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	26	Криворук Вера Ивановна , 1938 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 26. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	26	Кузьменко Валерий Николаевич , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 26. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	26	Будунов Павел Константинович , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 26. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	26	Будунова Наталья Павловна , 1929 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 26-а. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	26	Кузьменко Роза Николаевна , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 26. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
13	26	Рулева Улита Яковлевна , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 26. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	26	Филиппова Анна Семеновна , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 26. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	27	Болявин Василий Михайлович , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 27. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
13	27	Болявина Евдокия Кузьминична , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 27. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	27	Иванова Валентина Александровна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 27. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	27	Иванова Татьяна Васильевна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 27. Дата смерти: февраль 1943. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	28	Баулин Василий Никитич , 1888 г. р., уроженец д. Петровка (Высоковского с/с) Романово-Борисоглебского у. Ярославской губ. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 28. Дата смерти: 8 декабря 1941. Место захоронения: похоронен родственниками на Волковском кладбище.
13	28	Савина Аграфена Платоновна , 1879 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 28-б. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	29	Сенькин Василий Иванович , 1912 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 29. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	30	Косточкин Георгий Николаевич , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 30. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Волковское кладб.
13	30	Вознесенский Владимир Павлович , 1922 г. р. Место проживания: пер. Декабристов, д. 13, кв. 30. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
13	30	Белокурова Дарья Тихоновна , 1916 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 30. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	31	Васильев Вячеслав Борисович , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 31. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
13	31	Егоров Иван Егорович , 1873 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 31. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	32	Адамберг Филица Юрьевна , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 32. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	33	Клименко Евдокия Ивановна , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 33. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	33	Ривман Валерий Самуилович , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	33	Ривман Самуил Алексеевич , 1916 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 33. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	33	Хахонина Ольга Егоровна , 1896 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 33. Дата смерти: ноябрь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	33	Бахтиарова Гюльджиган Якубовна , 1939 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 33. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	34	Духвинская Мария Николаевна , 1874 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 34. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	34	Духвинский Василий Осипович , 1859 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 34. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	34	Духвинский Иван Васильевич , по данным справочника «Весь Ленинград. 1929 г.», директор завода «Новая Бавария».

Дом	Кв.	
13	34	Бессребреникова Вера Степановна , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 34. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.
13	34	Нестерова Анна Дмитриевна , 1863 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 34. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	35	Меняева Мария Ивановна , 1917 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 35. Дата смерти: январь 1944. Место захоронения: неизвестно.
13	36	Румянцев Александр Иванович , 1873 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 36. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
13	36	Бакульманов Михаил Иванович , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 36. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
13	37	Козлов Ефим Никонорович , 1872 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 37. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	37	Береснов Валентин Степанович , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 37. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	38	Савин Алексей Васильевич , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 38. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	39	Ракк Семен Михайлович , 1874 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 39. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
13	39	Путан Зоя Адамовна , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 39. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
13	40	Сироткина Александра Яковлевна , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 40. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	41	Бакланов Виктор Михайлович , 1928 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 41. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	41	Бакланов Михаил Васильевич , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 11. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	42	Полунин Роман Георгиевич , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 42. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	48	Лидя Николай Альфредович , 1926 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 48. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	51	Иванова Валентина Ивановна , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 51. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Большеохтинское кладб.
13	95	Семенов Николай Семенович , 1905 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 95. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
13	95	Семенова Анна Васильевна , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 13, кв. 95. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

На месте **домов № 14 и № 16** во второй половине XVIII века находилось небольшое деревянное строение вдовы купца Зибина. Когда участок купила графиня М.И. Остен-Сакен, дом по её просьбе был перестроен по проекту архитектора А.И. Вальберга. С 1915 года и до революции домом владела

княгиня О.В. Урусова, фрейлина императрицы Александры Федоровны и дочь действительного статского советника князя В.П. Урусова — последнего отпрыска старинной дворянской фамилии.

В 1869 году в доме торжественно открылся первый и единственный в столице шахматный клуб.

Дом № 16 построил архитектор Н.П. Гребенка в 1847 году. С 1865 по 1877 год в доме на четвертом этаже жил композитор и дирижер Э.Ф. Направник.

На противоположном углу Офицерской и Прачечного переулка стоит красивый **дом № 17**. Он принадлежал купцу 1-й гильдии Хилькевичу. В середине XIX века он купил у наследников купца К.А. Гейприха старый двухэтажный особняк, и в 1860 году академик архитектуры Я.И. Реймерс построил для него красный четырехэтажный дом с богато украшенным фасадом. В 1861 году в дом переехал композитор и пианист М.А. Балакирев. Он в то время был главой группы музыкантов, названной «Могучей кучкой».

В **доме № 18** с 1897 года по 1900-й жила семья поэта Осипа Мандельштама.

Сначала в доме располагался трактир купца Кондратьева, а в 1912 году в первом этаже был открыт ресторан «Тироль», который после начала Первой мировой войны был переименован в ресторан «Англия».

Этот дом построили по проекту архитектора А.И. Ланге в 1851 году для промышленника С.О. Китнера, известного

лампового мастера. В первой трети XIX века в российской столице начали переходить от свечного освещения к ламповому. Мастерская Китнера быстро стала лучшей в городе. Начиная с 1820-х годов у него стали появляться крупные заказы на изготовление ламп и люстр для дворцовых парадных залов: он делал люстры и торшеры для Павловского дворца по эскизам Карла Росси, для Зимнего дворца и еще для многих дворцов и богатых особняков. За прекрасно выполненные работы в Эрмитаже купца третьей гильдии Китнера в 1850 году наградили золотой медалью на Аннинской ленте. В середине 1850-х годов он стал поставщиком ламп и фонарей для Санкт-Петербургского-Московской дороги. Постепенно разбогател и все свои деньги вкладывал в строительство доходных домов.

В 1850-х годах он купил несколько участков по Офицерской улице. Здесь с 1869 по 1918 г.г. жил его сын И.С. Китнер, один из самых выдающихся зодчих второй половины XIX и начала XX века.

Позже в одной из квартир этого дома жил внук лампового мастера, строитель, сын зодчего И.С. Китнера — М.И. Китнер. Он построил в 1901—1904 годах детскую больницу на Большом Сампсониевском проспекте (сейчас там Педиатрическая Академия) и Выборгский дом культуры.

Он умер от голода в блокадную зиму 1942 года здесь, в старом родовом доме на бывшей Офицерской.

Дом № 19 известен под именем дом Жако. Этот особняк построил архитектор П.П. Жако, выходец из Франции, мастер архитектуры позднего классицизма.

В этом доме в мае — декабре 1844 года жил писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. В этот период он был вынужден поселиться в семье своего брата — Дмитрия Евграфовича, служащего лесного департамента Министерства государственных имуществ. С легкой руки писателя дом архитектора Жако войдёт в историю литературы под именем дома Иудушки Головлёва.

В доме с последней четверти XIX века существовали булочные-кондитерские. Первым для булочной арендовал помещение И.Л. Дума. В полуподвале располагалась пекарня, где пекли булочки, торты и печенья. Все работники ходили в белых чистых халатах и колпаках.

В 1896 году — булочная и кондитерская Ф.И. Фиртеля, в 1914-м — Ф.Р. Зальмена, а в 1917-м — П.И. Отса. В советское время и в начале 2000-х годов в левой части дома работала булочная. Сейчас в доме находится кондитерская «Линдфорс».

Дом № 20 построил еще в 1811 году архитектор В.П. Стасов. В 1862—1863 годах дом со стороны улицы Декабристов перестроил архитектор Б.Б. Грейм, а часть, выходящую на канал Грибоедова, в 1874 году надстроил гражданский инженер А.К. Буш.

В парадной этого дома, в части его, выходящей на канал Грибоедова, жила Галина Васильевна Старовойтова — российский политический и государственный деятель, председатель федеральной партии «Демократическая Россия». Здесь же, в подъезде этого дома (на втором этаже), вечером 20 ноября 1998 года Старовойтова была убита. Заказчики до сих пор не найдены.

Далее, под № 21 располагается комплекс зданий, которые принадлежат Юсуповскому дворцу. Большой земельный участок объединяет сад, флигели и хозяйственные постройки, выходящие фасадами на улицу Декабристов. Сам Юсуповский дворец расположен на набережной Мойки.

В одноэтажном флигеле Юсуповского дворца находился клуб борьбы ДСО «Труд», которым руководил Анатолий Рахлин (сейчас заслуженный тренер России, до последнего времени — главный тренер женской сборной России по дзюдо).

Сюда Владимир Путин пришел в 13 лет учеником 6-го «А» класса 197-й школы. В Юсуповском дворце будущий президент овладевал самбо и дзюдо с 1965 по 1969 год.

Посмотрим теперь на противоположную сторону. **Дом № 24.** В 1860 году по проекту архитектора Александра Ивановича Ланге купец 1-й гильдии Карл Эш построит большой дом. Поскольку одним своим фасадом этот дом выходит на самый короткий в Петербурге Львиный переулок, а другим — на набережную канала Грибоедова, то он имеет тройной адрес. В строительных работах непосредственное участие принимал также и известный академик архитектуры Василий Иванович Шауб. Чуть ранее, в 1790-е годы, тут размещалась одна из первых «вольных» типографий Петербурга, принадлежавшая Ивану Герасимовичу Рахманинову — просветителю, переводчику и издателю Вольтера. Здесь же издавался журнал «Утренние часы», в котором сотрудничали А.Н. Радищев и Г.Р. Державин. На страницах этого журнала появятся первые басни Ивана Андреевича Крылова.

Перестроенный в 1880-х годах **дом № 26** по ул. Декабристов был возведен в конце 1790 годов корнетом Конногвардейского полка Д.С. Прохоровым.

В начале 1800-х здание было продано Ж. Сеппи, содержанию Hotel du Nord, то есть Северного отеля. Объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 71, 1802) гласит: «Жульен Сеппи, содержатель отеля, называемого Северным <...> в большой Офицерской улице под № 210, имеет честь известить господ путешественников и проезжающих, что у него можно найти чистые и хорошо меблированные комнаты, хороший стол, наемные кареты и слугителей, кои говорят на разных языках, в Европе употребляемых».

Следующим владельцем дома стал купец Голлидей, сдавший его в 1817 году в аренду дирекции императорских театров для размещения актеров русской труппы. Во флигеле, выходящем на Екатерининский канал, был устроен репетиционный зал. Благодаря удобному местоположению Северный отель, превратившийся со временем в популярный трактир, прожил долгую жизнь. Актер П.А. Каратыгин в своих «Записках» отмечает, что он сделался «любимым сходбищем комиссариатских чиновников и некоторых актеров». Он же добавляет: «Для холостых актеров, не державших своей кухни, подобное заведение было очень сподручно и удобно, но для женатых, любивших иногда кутнуть или пошелкаться на бильярде, этот Отель-дю-Норд был яблоком раздора с их дражайшими половинами, которые сильно роптали на это неприятное соседство, отвлекающее мужей их от домашнего очага» (из кн.: *Иванов Анатолий. История Петербурга в старых объявлениях.* М. — СПб.: Центрполиграф, 2008. С. 446—447).

С 1911 по 1919 год здесь находился кинематограф «Мираж».

Следующие два дома под № 27 составляют один квартал от улицы Глинки до Крюкова канала и входят в ансамбль Театральной площади.

В левой его части, выходящей окнами на Крюков канал, в 1982—1902 годах жил знаменитый русский певец Ф.И. Стравинский с семьей. Он скончался в 1902 году и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге, а затем его прах перенесли в некрополь Александро-Невской лавры.

У него было четыре сына. Один из них скончался еще в 1897 году, другой погиб на фронте в 1917 году, третий сын, Юрий, остался жить в отцовской квартире и умер во время блокады в 1941 году.

Из всей семьи уцелел только младший сын — Игорь Стравинский. Его музыкальная карьера началась с сочинения музыки к балету по русской сказке «Жар-птица», созданной по заказу балетного импресарио в Париже С. Дягилева.

В 1919 году Игорь Стравинский эмигрировал в Париж, где прожил до 1940 года. В 1922 году в Париж приехала его мать Анна Холодовская и жила вместе с ним до 1939 года. Её похоронили на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В 1941 году Игорь Стравинский перебрался в США, где прожил еще 30 лет. Похоронен он в русской части кладбища Сан-Микеле в Венеции.

В доме Стравинских бывали многие музыканты и другие известные люди — балетмейстер М. Петипа, Ф.М. Достоевский, Н.А. Римский-Корсаков, многие артисты Мариинского театра.

Этажом выше, над квартирой Стравинских располагалась квартира знаменитой балерины Т.Н. Карсавиной, которая жила здесь с 1909 по 1918 год. В 1918 году она покинула Россию и уехала в Париж. Там, в эмиграции, она с большим успехом исполняла главные партии в постановках М.М. Фокина, работая в составе парижской труппы «Русский балет» Сергея Дягилева. В конце 20-х годов Т.П. Карсавину пригласили в Лондон, где начиная с 1930 года в течение 25 лет она была вице-президентом Королевской академии танца.

На противоположном углу переуллка Матвеева располагается массив **дома № 31**.

В 1842 году участок купил камер-юнкер П.П. Васильев у наследников купца Варенцова. Здесь стоял обветшавший жилой двухэтажный дом постройки начала XIX века. На этом месте новый владелец возвел доходный трехэтажный дом по проекту архитектора П.Л. Виллерса.

В 1912 году его капитально перестроил и надстроил двумя этажами гражданский инженер И.В. Экскузович, который умер от голода в блокадном Ленинграде в 1942 году и похоронен на Смоленском кладбище.

* * *

Кабанов Александр, 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31. Дата смерти: январь 1942.

ТРАГИЧЕСКИЙ ТЕНОР ЭПОХИ
К.А. Носов, учитель школы № 235
имени Д.Д. Шостаковича

Есть в нашем городе необычный музей. Он расположен в знаменитом Доме радио. К своему стыду, я лишь раз был там. Мы с коллегой, учителем информатики, Еленой Николаевной Онинной, работали над сценарием фильма об Ольге Фёдоровне Берггольц, который снимали с нашими учениками. Тогда и пришла идея посетить это музей. Ребятам показали старые магнитофоны, рабочую обстановку диктора, вещавшего во время блокады из подвала, метроном, тон-фильмы, пластинки, великое число фотографий. У одной мы остановились. «Это Кабанов, — сказала Елена Николаевна и добавила: — У вас есть его пластинки?» Я тогда ответил, что никогда не слышал ни его записей, ни имени в радиопередачах, не встречал и пластинок этого певца. Через некоторое время Елена Николаевна привела меня в гости к своей соседке, учителю немецкого языка, блокаднице Вере Вадимовне Кабановой.

Вера Вадимовна:

20 июня 1941 года моему будущему мужу Владимиру Александровичу Кабанову исполнился 21 год. Через два дня началась война, и его призвали на фронт. Был на фронте и его брат Миша. Их отец — известный певец Александр Михайлович Кабанов и мама Изабелла Войцеховна остались в городе. Изабелла Войцеховна болела. Может быть, из-за жены Александр Михайлович не уехал с труппой Кировского театра в Пермь, в эвакуацию, но в октябре она умерла, и он остался один. Одна-

ко в квартире дома № 31 по улице Декабристов одиноко ему не было, все жильцы квартиры собирались в одной комнате — так было проще отапливать. Александр Михайлович работал на радио, в музее Дома радио есть его фотография на стенде.

Родился Александр Михайлович Кабанов в 1891 году в Пензе, в крестьянской семье. Затем учился в Саратовском ремесленном училище, а в начале 10-х годов XX века приехал в Петроград получать образование в консерватории. С 1917 года — артист ГАТОБа (Мариинского театра) и МАЛЕГОТа.

С Еленой Николаевной мы побывали в гостях у дирижёра Мариинского театра Юрия Всеволодовича Гамалея. В гости приходили дважды, и в конце второго посещения Юрий Всеволодович подарил мне свою книгу «“Мариинка” и моя жизнь», в ней я встретил упоминания (воспоминания) об Александре Кабанове.

Юрий Всеволодович Гамалей:

Худощавое лицо с чуть горбатым носом, узкие глаза, крупный рот с тонкими губами хорошо «ложились» на образность ролей. Голос певца был чрезвычайно специфичен. Казалось, что певец поёт, предельно растягивая рот в широкую улыбку...

Кабанов был и остался непревзойдённым Шуйским, Подьячим, Дедом («Царь Салтан»), Паисием («Чародейка»).

Трудно сказать, сам ли артист или же режиссёры, с которыми он работал, помогали создавать эти яркие образы, но безусловно, что это был превосходный исполнитель.

Оперный певец Сергей Юрьевич Левик в своей книге «Четверть века в опере» тоже отмечает А. Кабанова как непревзой-

дённного исполнителя партии Шуйского. А в опере «Садко» Александр Михайлович проявил себя так:

Сергей Юрьевич Левик:

«В Песне индийского гостя он в такой мере проникся ориентализмом музыки, его экстатический порыв в словах «крылья распускает» так околдовал зал, что многие приходили на «Садко» специально для того, чтобы ещё раз послушать Кабанова».

В быту артист был прост. До войны, проживая в Лисьем Носу, Кабановы имели своё хозяйство. Александр Михайлович мог после спектакля пройти с ведрами до коровника, никого не стеснясь. Всё-таки по рождению он был крестьянин.

Вера Вадимовна:

В конце января 1942 года они шли вместе с Г.М. Нэлеппом близ театра. Георгий Михайлович устал и присел отдохнуть, а Александр Михайлович пошёл дальше. Больше его живым не видели. Позже нашли его раздетым и искалеченным. Отдельно валялось пальто с бобровым воротником, шапка. Карточки, которые были при нём, украли конечно же...

После войны я жила в доме Александра Михайловича, в той же квартире на улице Декабристов.

Каждый день я стою на автобусной остановке напротив этого дома. Прежде он был для меня просто домом, где живут ученики нашей школы. Теперь к истории его добавилась и эта.

На родине Кабанова в Пензе есть мои единомышленники — собиратели, популяризаторы, исследователи. Там чтут память о прекрасном певце Александре Михайловиче.

* * *

Лидия Хомич. Воспоминания

Вся моя жизнь связана с Октябрьским районом города Ленинграда — Санкт-Петербурга, с улицей Декабристов, с моим домом и квартирой, в которой я живу со дня рождения. Прямо за углом улицы Декабристов — переулок Матвеева (бывший Тюремный); здесь находится специальная музыкальная школа — десятилетка при Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории (ЛОЛГК), как она называлась раньше.

В эту школу я поступила ещё до Великой Отечественной войны в класс профессора О.К. Калантаровой — ученицы профессора А.Н. Есиповой.

Школа моя была великолепна: большие светлые классы и огромный концертный зал. Много профессоров и доцентов консерватории преподавали в нашей музыкальной школе. Даже платили стипендию ученикам за хорошую учёбу.

Когда началась Великая Отечественная война, школа вместе с консерваторией была эвакуирована в Узбекистан, в город Ташкент. А здесь в школе разместился военный госпиталь. Наши парты сгорели в печках вместо дров.

Во время лютой блокады весь переулок Матвеева был заполнен трупами ленинградцев, завёрнутыми в простыни и одеяла. Жители не могли хоронить своих родных и близких и привозили их на саночках к госпиталю.

Начались занятия, и нам, детям, стали давать продовольственные карточки «служащих», а не «иждивенче-

ские», которые были очень «голодные». Мы с сестрой Лидой попали в класс очень доброго и внимательного педагога Евгении Юльевны Гейман. Она умела нас ободрить, утешить и вселить в нас уверенность в себя. Мы много играли в четыре руки и соло, играли на радио и были заняты в «бригадах».

В консерватории были организованы концертные бригады, в которых были пианисты, скрипачи, виолончелисты, ксилофонисты, вокалисты, чтецы и так далее. Бригады имели свои номера. Например, бригада № 5 — сбор в 15 часов, бригада № 3 — сбор в 16 часов. Все собирались в нужное время, и их везли на концерты в госпитали, в воинские части и туда, где надо было выступать. В госпиталях выступали сначала в большом помещении — для ходячих, а потом перевозили пианино в палаты лежачих раненых, где концерт повторяли снова. Мы никогда не знали, куда нас возили, и не спрашивали об этом.

В 1943 году, в январе, при прорыве блокады Ленинграда погиб Лидин папа.

В том же 1943 году фугасная авиабомба попала в Мариинский театр и «оторвала» — разбомбила флигель напротив аптеки. Страшно и больно было смотреть на израненный театр.

Шла война, но 18 января 1943 года блокада была прорвана, и это была первая большая радость. Жизнь продолжалась. А через год — 27 января 1944 года — была полностью снята блокада Ленинграда. Вот это был праздник! Мы с Лидой и другие ученики музыкальной школы класса Е.Ю. Гейман

дали концерт в честь победы Красной армии на Ленинградском фронте. Концерт состоялся 28 января 1944 года в зале консерватории, а затем нам дали подарки — книги и ноты, подписанные этой датой.

Ещё запомнился концерт на крейсере «Киров», который стоял на Неве около Благовещенского моста (тогда — моста Лейтенанта Шмидта) и называли его просто «военный корабль». А теперь его якоря и пушки находятся на Морской набережной у дома № 15 на Васильевском острове. Их сохранили как память о боевых заслугах легендарного крейсера, защитника Ленинграда.

После снятия блокады сразу началось восстановление Мариинского театра, несмотря на то что ещё шла война и до мая 1945 года было больше года. Наступил конец августа 1944 года, и театр им. Кирова — наша Мариинка — готов был принять своих хозяев. Он вернулся! Первый спектакль был дан для рабочих, которые смогли за шесть месяцев так замечательно восстановить его из руин. Показали балет «Спящая красавица» П.И. Чайковского. В главных партиях танцевали Дудинская и Сергеев.

А из Ташкента возвратилась консерватория и музыкальная школа. Первого сентября 1944 года вновь начался учебный год в родной школе в Матвеевом переулке. Вдоль домов высадили деревья, которые сейчас уже выше пятого этажа. Но война ещё продолжалась, и нам, ученикам, даже давали «рабочие» продовольственные карточки и вновь стали давать стипендию. Карточки отменили только в 1947 году.

МАРТИРОЛОГ. ДОМ 31

Дом	Кв.	
31		Брайжик Цыла Берковна , 1885 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
31		Григорьев Юрий Васильевич , 1942 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31		Татарина Евдокия Федоровна , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31		Цветков Петр Георгиевич , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 21. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31		Цветков Юрий Петрович , 1929 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 21. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
31		Шатлина Тамара Ивановна , 1937 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	1	Варфоломеев Виктор Павлович , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 1. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	1	Елисеев Сергей Елисеевич , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 1. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	1	Елисеева Елизавета Ефимовна , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 1. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	1	Корсакова Пелагея Андреевна , 1859 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 1. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
31	2	Бессарабчик Елизавета Сафроновна , 1862 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 2. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.
31	2	Морозов Николай Николаевич , 1910 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 2. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно. Место захоронения: неизвестно.
31	2	Соколова Мария Ивановна , 1864 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 2. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	2	Таккина Вера Федоровна , 1912 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 2. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: неизвестно
31	3	Болусновский Матвей Андреевич , 1865 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 3. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	4	Виголайнен Вера Матвеевна , 1888 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	4	Виссонов Владимир Иванович , 1867 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	4	Колик Николай Егорович , 1888 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 4. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
31	4	Лазутина Пелагея Николаевна , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	4	Анисимов Петр Анисимович , 1914 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 4. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
31	4	Белоножкин Аркадий Михайлович , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 4. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	5	Гольденберг Яков Семенович , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 5. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	5	Кольцова Мария Терентьевна , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 5. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	5	Ландберг Юрий Мечеславович , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 5. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
31	5	Терехович Стефания Ивановна , 1872 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 5. Дата смерти: октябрь 1942. Место захоронения: Большеохтинское кладб.
31	6	Герасимова Клавдия Кузьминична , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 6. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	6	Кабанов Александр , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 6. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно. http://nk.ast.ru/musey/story/810/
31	6	Кабанова Изabella Войцеховна , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 6. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	6	Кононова Анна Федоровна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 6. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	6	Корнеева Татьяна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 6. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
31	6	Малонецкий Иван Иванович , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 6. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	6	Мейер Федор Федорович , 1942 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 6. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	6	Софиано Александра Николаевна , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	6	Софиано Петр Павлович , 1871 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 6. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	6	Александров Константин Константинович , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 6. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	6	Аунина Варвара Ивановна , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 6. Дата смерти: январь 1944. Место захоронения: Волковское кладб.
31	7	Егоров Юрий Андреевич , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 7. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	7	Матвеева Анастасия Григорьевна , 1890 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 7. Дата смерти: август 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	8	Дроздов Семен Степанович , 1903 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 8. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	8	Михайлов Петр Михайлович , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 8. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
31	8	Никитина Анна Ивановна , 1926 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 8. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	8	Чомак Ольга Яковлевна , 1893 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 8. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	8	Артемьева Галина Ильинична , 1939 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 8. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	8	Артемьева Евдокия Петровна , 1898 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 8. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	10	Брайнина Ципа Борисовна , 1885 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 10. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	10	Быкович Васса Пахомовна , 1903 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 10. Дата смерти: август 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	10	Быкович Исак Калининвич , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 10. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	10	Быкович Евгений , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 10. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	11	Трунев Лев Иванович . Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 11. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	11	Трунев Олег Иванович , 1911 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 11. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
31	12	Коробкова Мария Андреевна , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 12. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	13	Пельтинская Хая-Сара Берковна , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 13. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	13	Пискунов Тиг Матвеевич , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 13. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.
31	14	Григорьева Анастасия Герасимовна , 1868 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 14. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	14	Иванов Василий Васильевич , 1910 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 14. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	14	Иванова Варвара Петровна , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 14. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	14	Кононова Анастасия Васильевна , 1872 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 14. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	16	Артемьев Иван Артемьевич , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 16. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Большеохтинское кладб.
31	17	Курочкин Василий Васильевич , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 17. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
31	18	Демидов-Дмитриев Николай Матвеевич , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 18. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
31	18	Дмитриева Ольга Ивановна , 1903 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 18. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	20	Кузнецов Евгений Иванович , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 20. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
31	21	Цветкова Валентина Петровна , 1926 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 21. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	21	Азиатский Василий Алексеевич , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 21. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Большеохтинское кладб.
31	21	Азиатский Василий Алексеевич , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 11. Дата смерти: 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	23	Добромыслова Ольга Арсентьевна , 1871 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 23. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	23	Костров Николай Яковлевич , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 23. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	23	Кострова Алефтина Николаевна , 1922 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 23. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	23	Кострова Прасковья Александровна , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 23. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
31	23	Миклашевский Иван Сергеевич , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 23. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	24	Татуялова Екатерина Ивановна , 1874 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 24. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	30	Петухова Татьяна Алексеевна , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 30. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	31	Григорьева Евдокия Григорьевна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 31. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	32	Тимофеев Василий Сергеевич , 1914 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31/5, кв. 32. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
31	33	Померанцев Семен Менделеевич , 1885 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 33. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
31	35	Слижевская Пелагея Ивановна , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 35. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
31	37	Александров Федор Васильевич , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 31, кв. 37. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

* * *

Дом № 32 парадным фасадом смотрит на Театральную площадь. Здание до сих пор считается одним из лучших домов постройки 1870-х годов в Петербурге. В 1840 году здесь уже стоял дом в классическом стиле. Архитектор Л.Л. Шау-

фельбергер надстроил его, затем, в 1874—1875 годах, дом был перестроен по проекту архитектора А.Л. Гуна, который его приобрел. Новый владелец полностью изменил фасад, используя мотивы французского Возрождения и поднял среднюю часть на один этаж. В первом этаже была кондитерская, которая потом стала рестораном.

Из книги Г. Зуева «Петербургская Коломна»: «При входе в заведение каждого гостя обычно встречала премиленькая француженка, принимавшая заказ. Посетитель удобно располагался в мягком кресле и в ожидании любимых лакомств рассматривал журналы или мог сыграть на бильярде. Кофе приносили здесь в специальных чашечках совместно с крошечным молочником, наполненным свежими сливками. В кондитерской обычно подолгу засиживались любители свежих газет и журналов».

В 1909—1914 годах в доме жил В.Э. Мейерхольд. Об этом напоминает мемориальная доска из гранита, установленная в 1975 году. Он был арестован в июне 1939 года, а 2 февраля 1940-го — расстрелян в подвалах тюрьмы.

В доме № 33 в 1864 году снимала квартиру семья композитора А.Н. Серова. Здесь в 1865 году родился их сын — будущий русский художник В. Серов. «В маленьких комнатках четвертого этажа в Петербурге, в ночь с 6 на 7 января, родился маленький Серовчик в то время, когда его отец оркестрировал свою «Рогнеду». Услыхав первый крик младенца, он поставил вопросительный знак в партитуре: его не успели оповестить, кто именно родился», — вспоминала жена композитора В.С. Серова.

МАРТИРОЛОГ. ДОМ № 34

Дом	Кв.	
34		Головинкова Галина Александровна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34		Заржавская Муса Абрамовна , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34	Детдом	Захаров Юрий Захарович , 1935 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34, детдом № 20. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
34	Ясли	Кулева Александра , 1939 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34, ясли. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34		Лагунова Нина , 1938 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34		Логунова Людмила , 1939 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34		Поспелова Валентина Степановна , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34		Сучков Виктор , 1934 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34	1	Смирнов Александр Павлович , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34, кв. 1. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
34	7	Майорова Марина , 1939 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34, кв. 7. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34	7	Никитина Анастасия Дмитриевна , 1919 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34, кв. 7. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: неизвестно.
34	10	Гуськова Александра Ивановна , 1909 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34, кв. 10. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
34	10	Гуськова Елена Ивановна , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 34, кв. 10. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

* * *

Угловой дом № 36 — дом Кокушкина, построен в 1843 году по проекту архитектора А.М. Ливена в стиле классицизма. Дом был приобретен князем Юсуповым в 1850 году у наследников почетного потомственного гражданина А.П. Кокушкина и принадлежал княгине З.Н. Юсуповой, чей портрет в 1902 году написал В. Серов.

В 1848 году в доме некоторое время жил офицер, декабрист Ф.Н. Глинка, автор многих стихов, и в том числе ставших народными романсами — «Вот мчится тройка удалая», «Не слышно шума городского». В конце XIX века в доме находились булочная Иоганна Гесселя, магазин колониальных товаров и с 1902 года — книжный магазин «Новое время».

* * *

Загоскин Давид Ефимович, 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 20. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.

В 1920 году окончил саратовский ВХУТЕМАС. В 1922 году переезжает в Петроград, где преподает в Петроградском высшем художественно-техническом институте. Участник общества «Круг художников», председатель секции ИЗО и член правления Центрального Дома искусств до 1931 года. В 1933–1941 годах работает в экспериментальной графической мастерской ЛОСХа. В 1935 году избран членом бюро живописной секции Ленинградского отделения Союза художников.

Создает панно в ленинградском Дворце пионеров (совместно с Л.Я. Тимошенко) и создает росписи в ленинградском Дворце культуры работников связи (совместно с А.В. Почтенным). За недолгую жизнь Д.Е. Загоскиным было сделано немало. Но после трагической смерти в блокадном Ленинграде зимой 1942 года его произведения были практически утрачены.

Из наследия художника сохранилось немного: ряд живописных и графических работ находятся в Государственном Русском музее, Саратовском художественном, Северо-Осетинском республиканском художественном музеях и в частном собрании племянника художника, хранившего часть его произведений со времен блокады.

В январе 1988 года состоялась персональная выставка Д. Загоскина, впервые за долгие годы после его кончины. Экспонировалась она в Ленинградском Доме писателей и вклю-

чила в себя пятьдесят один лист из собрания И.Б. Загоскина. Именно тогда и произошло для многих подлинное открытие художника.

* * *

Маггид Давид Гиллариевич, 1862 г. р. Место проживания: ул. **Декабристов**, д. **36**, кв. 15. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Родился в семье потомственных раввинов. Отец — известный еврейский историк и генеалог Г.Н. Маггид. Получил глубокое традиционное образование в хедере, пешиве и семинарии. Одновременно окончил реальное училище. Владел древнееврейским, халдейским, сирийским, арабским, греческим, латинским, голландским, польским, чешским, английским, немецким и другими языками. С 1890 года — вольнослушатель в Петербургской академии художеств, в 1894 году получил диплом «классного художника по исторической и жанровой живописи» со свидетельством о праве преподавания в средних учебных заведениях. С начала XX в. попеременно учился в Петербургском археологическом институте и на факультете восточных языков Петербургского университета, который окончил в 1910 году. С 1904 года находился под надзором полиции, подвергался обыскам.

С 1890-х годов преподавал в еврейских учебных заведениях Петербурга. Состоял законоучителем иудейского вероисповедания в мужских и женских гимназиях (1-й, 5-й, Александровской женской, Екатерининской женской, Человеколюбивого общества и др.). После 1917 года преподавал древнееврейский язык в вузах Петрограда, в 1919—1920 годах — на рабфаке

Петроградского университета, в 1921 году читал лекции в Петроградской еврейской театральной студии, с 1921 года — преподавал историю музыки у древних евреев на музыкальном факультете РИИИ. С 1912 по 1922 год заведовал библиотекой Общества просвещения между евреями. Член Петроградского педагогического общества, член музыкального комитета в Обществе еврейской народной музыки.

С отдельными заметками выступал в печати с 1880-х годов. Автор первых работ о творчестве М.М. Антокольского, И. Аскинази, М. Маймона и других еврейских художников и скульпторов, составитель генеалогии баронов Гинцбургов. Принимал участие в издании словаря Брокгауза и Ефрона.

3 октября 1918 года избран на нештатную должность в Еврейское отделение Публичной библиотеки. Сначала числился начинающим научным сотрудником, а с февраля 1919 года переведен в разряд штатных научных сотрудников. Заведовал еврейским отделением, состоял членом ученого совета Публичной библиотеки. Составил схему системы-каталога к еврейским книгохранилищам.

14 июля 1930 года уволен из библиотеки на основании постановления Центральной комиссии по чистке научных учреждений. После увольнения практически не работал, с 1933 года находился на пенсии.

МАРТИРОЛОГ. ДОМ 36

Дом	Кв.	
36		Баталова Мария Георгиевна , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Волковское кладб.

Дом	Кв.	
36		Желтова Анна Ивановна , 1888 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36		Яковлева Анастасия Яковлевна , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	1	Дмитриев Григорий Дмитриевич , 1871 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 1. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
36	1	Смирнов Алексей Николаевич , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 1. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	2	Симченко Иван Антонович , 1927 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 2. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.
36	2	Соловьева Акулина Андреевна , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 2. Дата смерти: октябрь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	2	Берелевич Добта Хаймовна , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 2. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	3	Игнатьев Владимир Алексеевич , 1936 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 3. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	3	Соколова Татьяна Семеновна , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 3. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	3	Тарарсева Анастасия Ивановна , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 3. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
36	4	Дятченков Павел Панфилович . Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 4. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	4	Мануков Николай Сергеевич , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 4. Дата смерти: октябрь 1942. Место захоронения: Богословское кладб.
36	4	Морозов Сергей Дмитриевич , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 4. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	4	Морозова Прасковья Ильинична , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 4. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	4	Петров Николай Иванович , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 4. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	4	Петрова Ирина Семеновна , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 4. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	4	Семин Илья Афанасьевич , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	5	Борисевич Виктор Владимирович , 1924 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 5. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	5	Борисевич Ольга Владимировна , 1922 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 5. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	5	Шурупова Ирина Викторовна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 5. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
36	6	Клюковкина Анастасия Харитовна , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 6. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	6	Маркина Прасковья Ивановна , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 6. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	6	Сечкарев Иван Михайлович , 1866 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 6. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	6	Ухова Мария , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 6. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	7	Нагаева Анна Михайловна , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 7. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	7	Нагаева Вера Владимировна , 1908 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 7. Дата смерти: апрель 1943. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	7	Балашов Роман Львович , 1936 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 7. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	7	Балашова Марина Александровна , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 7. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	8	Байкова Анастасия Николаевна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 8. Дата смерти: август 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	9	Борисов-Смирнов Алексей Платонович , 1885 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 9. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
36	9	Карзеев Игорь , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 9. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	9	Коржева Дарья , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 9. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	9	Коржов Николай Николаевич , 1905 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 9. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
36	9	Энгельгард Мария Карловна , 1921 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 9. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	9	Энгельгард Элеонора Карловна , 1926 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 9. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	10	Семенова Раиса Семеновна , 1920 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 10. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	12	Кабанов Иван Григорьевич , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 12. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
36	12	Эмин Антонина Макаровна , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 12. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	14	Мусатов Анатолий Дмитриевич , 1912 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 14. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	15	Маггид Давид Гимлевич , 1862 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 15. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
36	15	Маггид Илья Давыдович , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 15. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	15	Маггид Хана-Цивия Зелиновна , 1870 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 15. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	16	Гурьянова София-Анна (Людвиговна) , 1866 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 16. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	17	Абрамов Николай Иванович , 1864 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 17. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	18	Сергеева Анисья Михайловна , 1885 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 18. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	19	Васильева Татьяна Александровна , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	19	Сахаров Иван Яковлевич , 1921 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 19. Дата смерти: сентябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
36	19	Сахарова Мария Ивановна , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 19. Дата смерти: сентябрь 1943. Место захоронения: неизвестно.
36	20	Загоскин Давид Ефимович , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 20. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	20	Загоскин Леонид Давидович , 1942 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
36	22	Кувькина Пелагея Алексеевна , 1864 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 22. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	23	Волков Сергей Федорович , 1893 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 23. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	23	Петрова Евдокия Константиновна , 1869 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 23. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	23	Спиридонов Иван Спиридонович , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 23. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
36	24	Гарнинова Людмила Павловна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 24. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
36	24	Дятченко Евдокия Ивановна , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 24. Дата смерти: 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	24	Дятченко Иван Павлович , 1922 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 24. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	25	Иванова Елена Николаевна , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 25. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: Волковское кладб., братская могила.
36	25	Корзухина Зинаида Алексеевна , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 25. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	25	Яблонская Ванда Адамовна , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 25. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
36	26	Никитин Евгений Иванович , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 26. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
36	26	Сербаев Никифор Климович , 1874 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 26. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	29	Семенов Семен Денисович , 1912 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 29. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	29	Хохлов Александр Алексеевич , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 29. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
36	31	Шамшев Александр Алексеевич , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 31. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	31	Шамшева Матрена Михайловна , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 31. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	32	Савченко Иван Арсентьевич , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 32. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	33	Акерман Ида Юльевна , 1865 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 33. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	34	Карпов Василий Ефимович , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 34. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	34	Карпова Варвара Павловна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 34. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
36	37	Маркуц Констанция Сигузмундовна , 1874 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 37. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: неизвестно.
36	39	Маркевич Нина Тарасовна , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36/1, кв. 39. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
36	58	Мордвинова Татьяна Антоновна , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 36, кв. 58. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

* * *

История дома № 37 начинается еще в XVIII веке, когда на участках, принадлежавших обер-штатмейстеру Екатерины II Л.А. Нарышкину был устроен «Воксал в Нарышкином саду», первое в столице увеселительное заведение.

«Каждую среду и воскресенье давались праздники и маскарады с танцами. Здесь были свои правила. Гости могли приходить в масках и без оных... Танцевали, строго соблюдая приличия: кавалер не должен был обнимать девушку, руке его позволялось лишь соприкоснуться с серединой её спины. В танце же с замужней женщиной можно было обвить рукой её талию. Запрещалось танцевать без перчаток, трогать руками веер, платок или букет дамы, приглашать партнершу более чем на три танца и т.п.

На открытой сцене театра давали пантомимы и зажигали фейерверки». (*Пыляев М. Легенды старого Петербурга.*)

С 1830-х годов участком владел А.Н. Демидов, промышленник и меценат. В 1864 году антрепренер В.Н. Егарев арендовал у Демидовского работного дома, расположенного на

наб. Мойки в доме № 108 часть его участка, выходящую на Офицерскую улицу. Он устроил здесь Русский семейный сад, который называли Демидовым. Там за небольшие деньги развлекали небогатую публику.

Сад существовал с 1830 до 1918 года.

С 1870 года характер развлечений изменился. В.Н. Егарев стал привозить из-за границы фокусников и акробатов. Особенный интерес вызывали исполнительницы фривольных песенок — танцорки-канканерши. В 1882 году Егарев отказался от аренды сада, и его сняла актриса и антрепренер В.А. Линская-Неметти. На месте старых построек она выстроила летний и зимний театры, зимний был каменный и выходил на Офицерскую улицу. Это было двухэтажное здание с балконом.

В 1906—1909 годах в этом помещении располагался Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской.

Демидов сад вновь стал пользоваться популярностью в 1912 году, когда здесь открылся луна-парк. Владельцем нового развлечения стал купец первой гильдии и почётный гражданин Яльшев, который в общей сложности потратил на проект парка около 500 тысяч рублей. Художником и архитектором был А.П. Вайтенс, который спроектировал и построил знаменитый вход в сад: широкие ворота с высокой аркой и ионическими колоннами.

До наших дней арка не сохранилась. Сейчас на её месте находится концертная площадка Мариинского театра. Вместе с луна-парком в саду также появился летний ресторан в стиле ампира и здание театра «Летний фарс», на сцене которого в 1913 году прошла премьера спектакля футуристов по пьесе

Маяковского. Билет в парк стоил полтора-два рубля, что было недешево. Но в год его посещало до 300 тысяч человек.

По проекту архитектора Б.М. Кишкина в парке были построены два ресторана. Этот архитектор построил еще здание кинематографа в саду «Олимпия» на Московском проспекте. Был дважды арестован по 58-й статье. Второй раз — в 1931 году, и приговорен к 11 годам лагеря.

В Луна-парке были устроены аттракционы — «американские горки», «чертово колесо», «пьяная лестница» и много других. Пользовались они огромным успехом.

Вот запись из дневника А. Блока от 4 мая 1912 года: «Я застал у мамы Бычковых, которых увез в луна-парк, где мы катались по горам. Какая прелесть! Они ушли, а я катался до часу ночи, до закрытия кассы». Подобные «катания» он совершал почти ежедневно.

После революции 1917 года в парке еще некоторое время работали мюзик-холл, варьете и два кинотеатра. Но весной 1918 года луна-парк реквизируют и передали Коломенскому совету рабочих и солдатских депутатов. При новой власти он постепенно пришел в запустение, а каменный театр обветшал. До 1930-х годов сохранялись аттракционы и ресторан, но в 1933 году ограду парка и театр разобрали и построили стадион института физкультуры.

* * *

Конецкая-Грибель Зинаида Дмитриевна, 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 46, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб., братская могила 10.

Виктор Конецкий
НИКТО ПУТИ ПРОЙДЕННОГО
У НАС НЕ ОТБЕРЕТ
Из семейной хроники

Через несколько дней мне приснился сон, который я рассказал матери: я видел ясное и теплое, летнее солнышко, и вдруг оно среди бела дня закатилось, и я понял, что оно больше не взойдет никогда. От страха проснулся.

Когда я рассказал сон, мать сказала: «Это умерла Матюня! Иди к ней! Это я виновата, я ее тогда выставила! А зачем она сидела так долго?»

Я был к тому моменту самым жизнеспособным. Меня закутали и запеленали в разную одежду, и я пошел на улицу Декабристов.

Матюня была еще жива, а тетя Зика уже умерла и лежала на диване почему-то полуголая и в валенках. Матюня сидела в кресле, примерзнув к нему и к полу. Я затопил печурку. Почему-то у них на кухне валялись деревянные колодки для обуви. Из клеенки и колодок я и соорудил костерчик. И пошел за матерью и братом. Матюня все это время молилась. В молитвах она благодарила Христа за те муки, которые он послал ей, ибо теперь возьмет ее к себе, минуя, так сказать, ад и чистилище. Я вернулся домой. И мы все трое пошли на улицу Декабристов, взяв детские санки, чтобы привезти на них Матюню к нам. Но из этой затеи ничего не вышло; ни спустить по лестнице полубезумную Матюню, ни тащить ее через сугробы нам было не по силам.

Не помню, каким образом мать добралась до Александра Яковлевича Соркина. Это был отец жены моего двоюродного

брата Игоря Викторовича Грибеля. Он и устроил отправку Матюни в больницу, ибо был главврачом военного госпиталя.

Тетя Зика — моя крестная, Зинаида Дмитриевна, — когда-то пела в хоре Мариинского театра. Это была женщина тяжелого характера, как теперь понимаю, истеричка. Их ссоры с матерью заканчивались для матери обмороками.

Возле трупа Зики на столе лежала записка, нацарапанная обгорелой спичкой, и тоненькая свечечка. Записка сейчас передо мной: «Прошу зажечь эту венчальную свечу, когда умру — З.Д. Конечкая-Грибель». На том же клочке бумаги нарисован план какого-то кладбища.

Муж Зики Виктор Федорович Грибель к началу войны уже погиб в Крестах.

* * *

Доходный дом № 50 построил гражданский инженер С.А. Баранкеев в 1890—1891 годах. До революции в нем располагался ресторан «Царицын».

В этом доме 14 ноября 1937 года была арестована санитарка 2-й психиатрической больницы Прасковья Дмитриевна Акаченко, 1891 года рождения, русская, беспартийная. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 2 декабря 1937 года приговорена по статье 58—1а УК РСФСР (измена родине) к высшей мере наказания.

Расстреляна 10 декабря 1937 года в Ленинграде.

Дом № 53 в 1882—1883 годах у наследников Е.А. Брюн купил полковник А.П. Лачинский. Он перестроил дом по проекту архитектора В.Г. Тургенева. Нынешний облик здание при-

обрело только в 1910 году, когда его в очередной раз основательно перестроили по поручению последнего владельца — коллежского советника М.Л. Лунца по проекту архитектора М.М. Синявера.

Дом красивый, а особую известность он получил в связи с тем, что здесь на пятом этаже в квартире № 9 жила актриса Оперного театра музыкальной драмы Любовь Андреевна Дельмас, судьба которой переплелась с жизнью поэта Александра Блока.

Он был среди её поклонников и не пропускал ни одного спектакля с её участием. Особенно его восхищало её исполнение партии Кармен.

В январе 1914 года он прислал ей записку: «...смотрю на Вас в Кармен третий раз, и волнение мое растет с каждым разом. Прекрасно знаю, что я неизбежно влюбляюсь в Вас, едва вы появитесь на сцене. Я — не мальчик, я знаю эту адскую муку влюбленности, от которой стон стоит во всем существе и которой нет исхода». В это время А. Блок создал цикл стихов «Кармен». Вскоре между ними возникли любовные отношения и частые встречи. В 1916 году они расстались. Перед расставанием он подарил ей свое фото.

Глава 5 ИМЯ ТВОЕ — ЛЬДИНКА НА ЯЗЫКЕ

Дом № 57 знаменит тем, что в нем с 1912 года и до смерти в 1921 году жили Александр Блок и его жена Любовь Дмитриевна. Он искал квартиру на краю центра, чтоб было «много воздуха и света, и вид из окон — непременно широкий, ничем не загроможденный».

Дом был построен в 1874—1876 годах по проекту архитектора М.Ф. Петерсона и принадлежал купцу 1-й гильдии М.Е. Петровскому. Он был доходным, квартиры были рассчитаны на людей среднего достатка. В 1911 году служебные помещения перестроили, поставили во дворе прачечную и конюшню.

До 1920 года они жили в квартире № 21. Когда началась политика уплотнения «барских» квартир, Блок с женой вынуждены были переехать в небольшую квартиру двумя этажами ниже.

В ней Блок и умер от голода 7 августа 1921 года.

После кончины его жены Л.Д. Блок, которая сохраняла его архив, библиотеку и личные вещи, в 1939 году они были переданы в Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

Мемориальный музей-квартира был открыт 25 ноября 1980 года к 100-летию со дня рождения поэта.

Из рассказа Владимира Георгиевича Галактионова:

«В блоковском доме моя семья живет с момента его постройки, началось все с прабабушки-смолянки, которая арендовала в доме по улице Декабристов квартиру. Я, 1941 года рождения, во время войны был совсем маленьким, и занимался мной старший брат Миша, которому в то время было десять лет. Мама служила медсестрой в закрытом военном учреждении, связанном с военно-морским флотом, поэтому дома бывала очень мало. Пока были живы двоюродные бабушки (старшие мужчины моей семьи погибли до войны, отец к этому времени уже воевал), они присматривали за детьми. Семья жила в двух комнатах, в одной из которых позднее

лежали умершие родственники. Мама не могла позволить себе отвезти родных и бросить их в Матвеевом переулке, куда свозились трупы со всего района. Помню, что долгое время после войны мы старались не заходить в эту комнату. Несмотря на то что дом находится на берегу реки Пряжки, за водой приходилось ходить на Неву, так как близлежащие источники были небезопасны для жизни. Одно из моих воспоминаний связано с жутким явлением блокадной жизни. Так, однажды идя от Аларчина моста домой, мы с братом проходили мимо трупа с вырезанными ягодицами, старший брат запрещал смотреть на это, стараясь закрыть мне глаза и говоря: «Володька, не смотри». К концу блокады Миша подрабатывал сантехником, и однажды произошел несчастный случай: он упал с большой высоты и получил сотрясение мозга. Теперь я — младший брат, в возрасте трех-четырёх лет — ухаживал за старшим братом, поскольку к этому времени живой была только мама, которая продолжала целыми днями работать. А самым радостным воспоминанием детства осталась елка 1943 года, когда Дед Мороз подарил конфету и три витаминины С».

(Составила М.И. Трофимчук)

Из рассказа Елены Олеговны Пудовкиной, поэтессы:

«В доме по улице Декабристов мои прабабушка и прадедушка Бухарины Аркадий Иванович и Софья Петровна, по разным данным, проживали с 1910—1915 года. В разбойничьи 1917—1919-е годы прадед вместе с Блоком дежурил по ночам в воротах, охраняя дом от чужих людей. Про войну я помню благодаря немногочисленным рассказам родственни-

ков. Семейная история напрямую связана со всеми горестями двадцатого века. Прабабушка и прадедушка (Бухарина С.П. и Бухарин А.И.) блокаду провели в Ленинграде. Дочь их, моя бабушка Черняк Н.А. (индолог, монголовед), была арестована 3 августа 1941 года и осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывала срок в лагерях и войну провела в Казахстане, затем до 1957 года находилась в ссылке на Алтае. Все эти 16 лет Ника Тубянцева (моя мама) воспитывалась бабушкой и дедушкой, за месяц до блокады была эвакуирована под Свердловск, где оставалась до начала 1946 года. Долгое время дедушка и бабушка не знали, где находится их внучка. Они посылали запросы во все инстанции вплоть до Верховного Совета СССР, пытаясь вернуть ребенка в семью. Прадедушка, гуляя со мной, на вопрос: «Куда мы идем?» — отвечал: «В рай». Прадед с прабабушкой пережили блокаду в Ленинграде. Распродавали все, что было ценного. Съели котла Марсика. Прабабушка в войну работала дворником, тушила на крышах бомбы-зажигалки. Прадед что-то преподавал на Адмиралтейском заводе и в Ленинградском институте водного транспорта. Даже в начале 50-х годов прадедушка, заметив кусочек на земле, подбирал его, а потом сушил его на батарее. Поэтому дома на всех батареях лежали сухарики. Понятно, что это было следствием пережитой блокады и дистрофии».

МАРТИРОЛОГ. ДОМ № 57

Дом	Кв.	
57		Бергер Мария Эдуардовна , 1885 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57		Глони́на Анастасия Михайловна , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57		Голубина Мария Егомовна . Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Грушина Елена Михайловна , 1905 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Губанов Иван Михайлович , 1890 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Дюкова Клавдия Алексеевна , 1919 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Заливная Вера Васильевна , 1924 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Калмыкова Екатерина Николаевна , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	Общ.	Кальшниндина Александра Дмитриевна , 1898 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, общежитие. Дата смерти: февраль 1943. Место захоронения: неизвестно.
57		Канехов Юрий Васильевич , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Карпова Мария Ивановна , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57		Кичигина Елена Андриановна , 1864 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/62. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Кокушкина Александра Павловна , 1866 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Конусов , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Кузнецова Екатерина Демидовна , 1917 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Лешерина . Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Маслюк Зоя Ефремовна , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 10. Дата смерти: октябрь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Павлова Людмила Петровна , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57		Петрина , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Петрова Елена Панфиловна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
57		Пикелис Екатерина Георгиевна , 1879 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
57		Плеско А.С. , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Семенова Шида Эльяшевна , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57		Скородумова Анна Николаевна , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Смирнов Александр Васильевич , 1870 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Смирнова , 1916 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Стефанович Сергей Владимирович , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Титьенс Изабелла Евгеньевна , 1869 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Устинов Михаил Гаврилович , 1912 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57		Фидарова Таисия Павловна , 1930 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Циглер Фридерика Фридриховна , 1861 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57		Шалгунова Анна Ивановна , 1864 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57		Шаудзина Федора Богдановна , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	1	Ильин Борис Георгиевич , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 1. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	1	Максимов Григорий Максимович , 1867 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 1. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	1	Мартин Александр Александрович , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 1. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	1	Мартина Ольга Петровна , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 1. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	1	Мельлан Татьяна Федоровна , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 1. Дата смерти: сентябрь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	1	Перекевич Иван Осипович , 1883 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 1. Дата смерти: сентябрь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	1	Александрова Татьяна Борисовна , 1844 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 1. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	1	Антонов Николай Иванович , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 1. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
57	2	Кемпас Елена Андреевна , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 2. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	2	Кемпас Майс Ламбертович , 1870 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 2. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
<p>Кемпас М. Лам. Проживал Екатерингофский пр., 69. Старшина Первой Петроградской артели серебр-позолоч. дела.</p> <p>Из дневника Попеля: <i>«16 февраля. (...) Вечером к Кемпасам пришел их знакомый, он хотел переселиться в Елены Андреевны комнату. Мама пошла его смотреть. Чайник был уже готов, и я пошел звать маму чай пить. Но она просидела там еще полчаса, и когда мы пришли чай пить, чайник был уже холодный. Фамилия этого дядьки была Ванувас».</i></p> <p>Из примечания: <i>«Финский мальчик, чуть младше меня. После 1917 г. нашу большую квартиру «уплотнили» и в одну комнату поселили стариков-финнов Матвея Ламбертовича Кемпаса и его жену. В блокаду они умерли, и комнату заняла их дочь Лиля с сыном Тайстой».</i></p>		
57	2	Розин Иван Игнатьевич , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 2. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	2	Симакова Ольга Федоровна , 1914 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 2. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Волковское кладб.
57	3	Долгих Надежда Степановна , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 3. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	3	Иванов Николай Петрович , 1933 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 3. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
57	4	Валерьянова Елизавета Алексеевна , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 4. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	4	Лабутина Александра Константиновна , 1868 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 4-а. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	4	Петров Алексей Петрович , 1908 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 4. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	4	Петров Борис , 1936 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 4. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	4	Петров Виктор Иванович , 1933 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/4, кв. 4. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	4	Петрова Мария Васильевна , 1908 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 4. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	4	Филиппова Варвара Федоровна , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 4. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	5	Волкова Варвара Никитична , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 5. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Богословское кладб., братская могила.
57	5	Ланге-Коловникова Нина Георгиевна , 1893 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 5. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	5	Лепц Роман Карпович , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 5. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	5	Тимофеев Андрей Васильевич , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 5. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	6	Дымская Евгения Александровна , 1879 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 6. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	6	Рогачева Татьяна Филиповна , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 6. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	6	Терентьева Антонина Александровна , 1898 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 6. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	6	Терентьева Матрена Павловна , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 6. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	6	Авечкин Василий Филиппович , 1909 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 6. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	6	Авечкина Ирина Максимовна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 6. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	7	Клюшенокв Григорий Степанович , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 7. Дата смерти: сентябрь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	7	Яшина Лукерья Фоминична , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 7. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	7	Баранова Надежда Михайловна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 7. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	8	Кузнецов Дмитрий Ларионович , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 8. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	8	Кузнецов Игорь Андреевич , 1924 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 8. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	8	Кузнецова Маргарита Андреевна , 1921 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 8. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	8	Кузнецова Тамара Андреевна , 1924 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 8. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	8	Кузнецова Н.И. , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 8. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	8	Кузнецова Таиса Дмитриевна , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	8	Осокина Валентина Николаевна , 1938 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 8. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	9	Криночкина Мария Николаевна , 1923 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 9. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	9	Наумов Иван Наумович , 1896 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	9	Наумова Анисья Ивановна , 1923 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 9. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	9	Наумова Ефросинья Ивановна , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	9	Смирнова Мария Дмитриевна , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 9. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	10	Бражникова Евгения Петровна , 1867 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 10. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	10	Кудрявцев Иван Тарасович , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 10. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	10	Стреминская Анна Андреевна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 10. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	11	Боброва Анна Никоноровна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 11. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	11	Мансветов Нил Николаевич , 1870 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 11. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	11	Мансветова Мария Ниловна , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	11	Реситова Анна Федоровна , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 11. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	12	Леонтьев Семен Васильевич , 1874 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 12. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	12	Леонтьева Ирина Константиновна , 1916 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 12. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	12	Леонтьева Мария Федотовна , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 12. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	12	Мелик-Пашаев Эйнгард Аронович , 1934 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 12. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	12	Мелик-Пашаева Т.Т. , 1909 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 12. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	13	Головинец Федор Филиппович , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 13. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	13	Носков Константин Александрович , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 13. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	14	Иванов Борис Петрович , 1936 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 14. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	14	Павлов Павел Яковлевич , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 14. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	15	Ушаков Александр Павлович . Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 15-а. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.

Дом	Кв.	
57	15	Ушакова Надежда Герасимовна , 1905 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 15-а. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	16	Федоров Александр Сергеевич , 1913 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 16. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	18	Полякова Прасковья Васильевна . Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 18. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	18	Воробьева Ольга Ивановна , 1915 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 18. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	18	Княревский Владимир Михайлович , 1937 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 18. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	18	Копырин Георгий Григорьевич , 1888 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 18. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	18	Лысенков-Федосов Семен Степанович , 1898 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 18. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	18	Максимов Александр Михайлович , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 18. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	18	Малинин Михаил Иванович , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 18. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	19	Бизбаум Мария Михайловна , 1864 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 19. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
57	19	Едрейкина Елизавета Александровна , 1869 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 19. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	19	Ильина Анастасия Капитоновна , 1898 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	19	Лепп Амалия Андреевна , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 19. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	19	Пакатова Нина Константиновна . Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 19. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	19	Пахотова Александра Васильевна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/4, кв. 19. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	19	Эвакуация: Пахотова Нина Константиновна , 1925 г.р., в Саратовскую обл.
57	19	Тихомирова Софья Андреевна , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 19. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	20	Павлова Марта Сазотовна , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 20. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	20	Телишева Валентина Ивановна , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 20. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Серафимовское кладб.
57	20	Яркин Александр Николаевич , 1904 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 20. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	21	Захарова Прасковья Семеновна , 1879 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 21. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	21	Зуев Иван Архипович , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 21. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	21	Пикушева Анна Ивановна , 1884 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 21. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	21	Розенберг Наталия Ивановна , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 21. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	22	Милевский Василий Иванович , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 22. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	22	Соколова Мария Семеновна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 22. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	23	Трофимова Екатерина Аркадьевна , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 23. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	24	Васильев Петр Васильевич , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 24. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	24	Иванова Екатерина Никитична , 1864 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 24. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Волковское кладб.
57	24	Соловьев Кузьма Андреевич , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 24. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
57	24	Халамейзер Владимир Борисович , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 24. Дата смерти: апрель 1943. Место захоронения: неизвестно.
57	24	Халамейзер В. Борисович , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 24. Дата смерти: апрель 1943. Место захоронения: Преображенское кладб.
57	25	Благовещенский Петр Дмитриевич , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 25. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	25	Соколова Капиталина Павловна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 25. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	26	Фомин Федор Фомич , 1893 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 26. Дата смерти: январь 1943. Место захоронения: неизвестно.
57	26	Фомина Прасковья Карповна , 1891 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 26. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	26	Эйсымонт Стефания Станиславовна , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 26. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	26	Александрова Клавдия Владимировна , 1895 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 26. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	27	Оборкина Матрена Степановна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 27. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	27	Санникова Алевтина Алексеевна , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 27. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	27	Севрук Вера Алексеевна , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 27. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	27	Смирнов Михаил Петрович , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 27. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	27	Янушкевич Виктор Антонович , 1930 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 27. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	27	Янушкевич Всеволод Антонович , 1937 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 64. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	28	Иванова Вера Ивановна , 1903 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 28. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	33	Бобров Дмитрий Васильевич , 1872 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 33. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	33	Баженов Константин Григорьевич , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 33. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	33	Эвакуация: Баженова Мария Константиновна , 1920 г.р., в Марийскую АССР.
57	34	Евгеньева Лидия Павловна , 1934 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 34. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	34	Иванова Анна Сергеевна , 1917 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 34. Дата смерти: январь 1943. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	34	Иванова Татьяна Ивановна , 1920 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 34. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	34	Амиров Абдул Хасантинович , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 34. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	34	Амиров Нурулла Хасантинович , 1906 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 34. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	35	Выборнова Ольга Григорьевна , 1899 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 35. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: Волковское кладб.
57	35	Яковенко Анна Григорьевна , 1892 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 35-а. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
57	35	Яковенко Леонтий Иванович , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 35-а. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.
57	36	Комелова Вера Ивановна , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 36. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	36	Комелова Евдокия Михайловна , 1868 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 36. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	38	Михайлова Анна Георгиевна , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 38. Дата смерти: сентябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
57	38	Безонов Николай Никандрович , 1876 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 38. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	39	Влапин Михаил Яковлевич , 1901 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 39-а. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	39	Гасунас Владислав Казимирович , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 39. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	39	Козырев Владимир Сергеевич , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 39-а. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	39	Козырева Анастасия Яковлевна , 1914 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 39-а. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	39	Лапин Иван Иванович , 1890 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 39. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	39	Алексеева Анна Алексеевна , 1871 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 39. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	39	Беляева Прасковья Петровна , 1880 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 39-а. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	40	Мишанова Галина Сергеевна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 40. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	40	Пекелис Нина Александровна , 1897 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 40. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	41	Монахер Яков Адольфович , 1925 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 41. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	41	Эвакуация: 23 июня 1942 г. Монахер Ева Яковлевна , 1899 г. р. в Горьковскую обл.
57	42	Брейтшпрохер Александр Константинович , 1887 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 42. Дата смерти: ноябрь 1941. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	42	Брейтшпрохер Антонина Митрофановна , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 42. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	42	Гаврилов Иван Александрович , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 42-а. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	42	Гаврилова Анна Ивановна , 1928 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 42. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	42	Дмитричева Вера Александровна , 1888 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 42. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	42	Плотвина Клавдия Васильевна , 1912 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 42. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	42	Тупицина Олейта Сергеевна , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 42-а. Дата смерти: октябрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	43	Евсеев Георгий Максимович , 1909 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 43. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	43	Евсеев Максим Герасимович , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Серафимовское кладб.
57	43	Эвакуация: Евсеева Дарья Ивановна , 1888 г.р., 16 сентября 1942 г. в Алтайский край.
57	43	Невский Александр Иванович , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 43. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: неизвестно.
<p>Из воспоминаний Попеля: <i>«22 февраля. Сегодня дядя Боря тоже лежал целый день. Мама получила рис, перловую и гречневую крупу. Она взяла гречневую крупу и тете Асе. Тетя Ася сегодня уезжает в 3 часа дня. Когда мама брала крупу, она пропустила очередь за сливочным маслом. Но потом она опять встала и тогда уже получила. Днем мама ходила к Благовещенским прощаться с тетей Асей. А я ходил к Вальке Невскому узнавать насчет столовой и взял у него книжку. Вечером к нам пришел Юрочкин папа. Он сидел у нас полтора часа».</i></p>		
57	44	Иванов Евгений Мингалифович , 1942 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 44. Дата смерти: август 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	44	Смирнова Мария Александровна , 1896 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 44. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	45	Беляков Федор Александрович , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 45. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	46	Союзов Николай Васильевич , 1893 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 46. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	46	Эвакуация: 27 марта 1942 г. Союзова Анна Васильевна , 1899 г.р., Союзова Людмила Николаевна , 1921 г.р., в г. Ярославль.

Дом	Кв.	
57	46	Фриккель Елизавета Яковлевна , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 46. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	46	Фриккель Людмила Владимировна , 1937 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 46. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	47	Вальсов Феоктист Васильевич , 1889 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 47. Дата смерти: июнь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	47	Гринихин Василий Ефремович , 1873 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 47. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	48	Лейко Александр Карлович , 1896 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 48. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	48	Эвакуация: 07 апреля 1942 г. Лейко Виктор Александрович , 1938 г.р. в детский дом (Краснодарский край, Адыгейская АО, станица Гиагинская), на карточке указано, что отец умер, а мама больна.
57	48	Привалова Антонина Ивановна , 1913 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 48. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	48	Резникова Меланья Петровна , 1883 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 48. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	48	Царев Сергей Сергеевич , 1907 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 48. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	48	Барабощкина Ольга Степановна , 1877 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 48. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	49	Климов Владимир Федорович , 1940 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 49. Дата смерти: май 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	50	Виноградова Евдокия Ивановна , 1900 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 50. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	50	Эвакуация: Виноградовы Александра (1920 г.р.), Екатерина (1920 г.р.), Мария (1931 г.р.), Прасковья (1925 г.р.) Кузьминичны в Омскую обл.
57	50	Ковалюнас-Шемитас Мерцалла Юрьевна , 1893 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 50. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	50	Кокорин Василий Яковлевич , 1879 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 50. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	52	Орлов Яков Александрович , 1894 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 52. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	54	Разин Николай Семенович , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 54. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	55	Николаева Мария Михайловна , 1903 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 55. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	55	Шатуха Анатолий Денисович , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 55. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	56	Воробьева Вера Ильинична , 1903 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 56. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	57	Михайлов Борис Николаевич , 1942 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 57. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	61	Евлампиев Николай Иванович , 1868 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 61. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	61	Евлампиева Анастасия Федоровна , 1870 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 61. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	61	Евсеева Нинель Александровна , 1929 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 61. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	63	Матвеева Александра Петровна , 1868 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 63-а. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	64	Грохольская Мария Дмитриевна , 1878 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 64. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	64	Небутов Иван Васильевич , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 64. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	66	Смирнова Евдокия Ивановна , 1874 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/2, кв. 66. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	66	Улагина Людмила Кирилловна , 1941 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 66. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	67	Виник Хаим Хунович , 1902 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 67. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.

Дом	Кв.	
57	67	Иванова Мария Ивановна , 1896 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 67. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	68	Дмитриев Сергей Иванович , 1912 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 68. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	69	Слезин Александр Александрович , 1905 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 69. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	70	Ермолаева Вера Александровна , 1905 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 70. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	70	Масовская Мария Михайловна , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 70. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	70	Никитин Виктор Львович , 1879 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 70. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	70	Никитин Владимир Степанович , 1905 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 70. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	71	Костюкова Александра Фиофановна , 1875 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 71. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	71	Тювин Владимир Георгиевич , 1938 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 71. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	71	Тювина Раиса Егоровна , 1928 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57. Дата смерти: март 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Дом	Кв.	
57	74	Закеева Анна Савельевна , 1886 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 74. Дата смерти: декабрь 1942. Место захоронения: неизвестно.
57	74	Седов Василий Геннадиевич , 1914 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 74. Дата смерти: апрель 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	74	Седов Геннадий Иванович , 1882 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57/24, кв. 74. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения: неизвестно.
57	75	Ермолаева Мария Никитична , 1881 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 75. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.
57	80	Кузюдина Александра Ермиловна , 1888 г. р. Место проживания: ул. Декабристов, д. 57, кв. 80. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб.

Глава 6

МАЛЬЧИК С ОБОЖЖЕННЫМ КРЫЛОМ. ДНЕВНИК РОМАНА ПОПЕЛЯ

Я родился 5 апреля 1932 года в доме, который в литературных кругах называют «домом Блока» (улица Декабристов, 57). В нем поэт с перерывами прожил девять лет (с июня 1912 года) и в 1921 году скончался. Квартира, в которой жила моя семья (состоявшая в основном из «бывших»), находилась этажом выше, но в начале 1930-х ее поменяли на более просторное помещение в том же доме. С тетушкой Александра Блока М.А. Бекетовой в близких отношениях находилась моя бабушка О.В. Попель, а моя мать (Зоя Константиновна Попель, учительница средней

школы) часто бывала у них в гостях, поэтому при создании Музея-квартиры Блока она выступала в роли консультанта. Мой отец, Герасимов Николай Петрович, работал в пожарной охране.

Точную дату своего рождения я указал по той причине, что ровно через десять лет, 5 апреля 1942 года, на Ленинград был произведен самый разрушительный за все годы войны налет немецкой авиации. Этот день совпал с православной Пасхой и 700-летней годовщиной знаменитого Ледового побоища (5 апреля 1242 г.). Возможно, это обстоятельство учитывалось фашистским командованием. Мне же этот день запомнился как первая в жизни хотя и небольшая, но круглая дата, день безрадостный, но закончившийся благополучно.

Из Ленинграда я эвакуировался вместе с матерью в июне 1942 года. Плыли через Ладогу в караване из семи крошечных катеров, два из которых, изрешеченные пулеметным огнем немецких истребителей, затонули. Местом пребывания нам определили Башкирию, вернее, маленький хутор в 80 км от Уфы, где мы жили в полуразвалившейся мазанке. Когда кончились вещи (одежда, посуда), которые мать обменивала на картошку у полуголодных хуторян, мы поняли, что вторично избежать голодной смерти в подобном «медвежьем углу» при всем желании нам не удастся.

Помогло письмо от дяди, который тоже эвакуировался с семьей из Ленинграда в Калининскую область чуть позднее нас. Он прислал так называемый вызов, своего рода пропуск, без которого во время войны нельзя было переехать с одного места на другое, а тем более приобрести билет на поезд.

В Ленинград вернулись в августе 1944 года. С трудом отбили от негодяев-мародеров одну комнату в нашей бывшей

довоенной квартире. Школу окончил в 1949-м и в том же году поступил в Ленинградский университет на китайское отделение восточного факультета. Красный диплом о его окончании получил в 1954 году.

С этого времени судьба связала меня на всю жизнь с геологами, вместе с которыми бросала на различные континенты. Всего я провел за границей двенадцать лет: работал в Пакистане, Иране и Индии, недолго в Китае, Бангладеш, Австралии и других странах.

Работал переводчиком (английский язык), руководителем групп специалистов (эксперт ООН, Индия). В длительных поездках меня сопровождали жена и дети.

Мое постоянное место работы (вплоть до выхода на пенсию в 2001 году) — Всероссийский геологический институт (ВСЕГЕИ). Должность — ученый секретарь по зарубежным связям.

В 1990-е годы увлекся переводами с английского языка детективов. Всего в моих переводах опубликовано 15 романов и около 35 рассказов.

— — —
Роман Николаевич Попель умер в 2015 году в Санкт-Петербурге.

1942 ГОД

30 января 1942 г. Сегодня случился в соседнем доме пожар. Я с Тайстой выходил смотреть его, в это время ворвались моряки. На руках один нес старика, рядом с другим шла девочка. Я побежал звать бабушку. Бабушка пришла и сказала,

чтобы моряки отнесли их в холодную комнату. Тем временем пришла мама. Она получила хлеб, стояла за ним с 11 часов утра до 6 часов вечера. Мы сразу накинулись на хлеб и стали есть, а то мы два дня сидели без хлеба. Девчонка оказалась глухой, звали ее Люся. Вчера к нам пришел управдом и сказал, что к нам вселят еще двоих, мать и сына, они оказались Гардины.

31 января 1942 г. Сегодня ночью мы совсем не спали. Три раза приходила девчонка к нашим дверям и редела, что ей холодно. Из соседней комнаты голосил старик, он оказался еврей. Потом он приходил к нашим дверям и кричал, чтобы мы его пустили к нам. Он был только в нижнем белье, а девчонка без пальто. Утром я ходил с Жучкой во двор и чуть не задохся от дыма. В глаза летел пепел, а снег весь был черный. Я сходил с Жучкой на улицу и посмотрел дом. Он горел уже целым, со всех сторон, горел и первый этаж. Сегодня хлеб был без очереди. Девчонка целый день торчала у нас, ночью она нагадила в ванной на полу. В тот день, когда их к нам вселили, у нас перестала действовать уборная, наверное, они ее испортили. Пришлось делать на бумажку, а потом выбрасывать на улицу. Днем я с дядей Борей сходили на Пряжку за водой.

1 февраля 1942 г. Сегодня мне не хотелось очень вставать. Но я встал и пошел с Жучкой смотреть пожар. Дом (дом-сказка) уже сгорел и только кое-где дымился. Пожарные уже уехали. Тетя Оля сегодня нам больше читала. Пришла мама, и мы стали пить кофе. Вдруг у нас во дворе повалил дым из окна Соколовых. Все засуетились, Наташа заревела. Дядя Боря побежал помогать Благовещенским, помогать вытаски-

вать вещи. Оказалось, что у Соколовых загорелась квартира. Мария Семеновна схватила подушку и треснула по горячей кровати. Пламя пыхнуло сразу ей в лицо и обожгло его. Пожар скоро был потушен. Вечером мы пили чай и нашли, что вода пахнет навозом. После бабушка месила тесто, а я с Наташей чистил изюм.

2 февраля 1942 г. Сегодня мои именины. Утром я проснулся в 8 часов и стал шарить под столиком подарки. Но подарков там не оказалось, я был огорчен. Но когда я встал, дядя Боря подарил мне книжку, а бабушка пять рублей и еще сказала, что подарит серебряные запонки. Она не хотела доставать их при жильцах. После чая мама подарила альбом для открыток и альбом для рисования и тетрадку. Она сказала, что когда придет, даст самые лучшие подарки. Бабушка стала делать пирог и булки. Пришла мама и подарила серебряный мешочек и серебряную ложку. Мы позавтракали, и бабушка стала ставить пирог и булку в печку. Они стояли очень долго, потому-что печка была холодная. Но они испеклись и были очень вкусные. За обедом мы ели суп и пирог с грибами и рисом, после ели компот, и все были сыты. Потом бабушка нам читала книгу «На Москву». Вечером мы ели остатки пирога, булку, хлеб и чай с вареньем.

3 февраля. 1942 г. Сегодня мы встали в 8 часов, потому что маме надо было уходить в нотариальную контору. Мы не занимались сегодня по-немецкому, потому что было некогда. К нам пришла тетя Дина и сидела у нас до завтрака. После завтрака мы с бабушкой пошли гулять, по дороге мы увидели два голых трупа. Мы пришли домой, мама была уже дома, она была на рынке и сменяла пачку папирос за 50 гр. бобов и 250 гр.

хлеба на отруби, которые нельзя было есть. Потом к нам пришла Ольга Васильевна, но она очень скоро ушла, и бабушка пошла делать обед. После обеда к нам пришла тетя Лида, она сидела до семи часов вечера. Потом меня стало рвать. После ужина пришли Благовещенские, они подарили мне две книжки и печатки, а Наташе куклу для втыкания иголок. Когда я ложился спать, маму тоже рвало.

4 февраля 1942 г. Сегодня спали мы очень долго. Чувствовали мы все себя очень плохо. Сегодня я не занимался, потому что бабушка лежала, а Наташа занималась сама. Стряпала сегодня Наташа. После обеда я пошел посмотреть, не выдают <ли> что-нибудь, а дядя Боря с Наташей поехали за водой к Калинкину мосту.

5 февраля 1942 г. Сегодня мы чувствовали себя очень плохо. Сегодня я опять не занимался. Утром у меня очень болел живот и был сильный понос. За завтраком я ел сухари, а вечером черничный компот и сухари. После обеда дядя Боря с Наташей ездили за водой.

6 февраля 1942 г. Сегодня в нашей квартире умер еврей, а мать Гардина сошла с ума. В нашем доме умерла Кира Ленц. Утром мама с дядей Борей ездили за водой и привезли один бак и два ведра. Когда я ходил с Жучкой, у меня очень болел живот, я даже ревел. Мама стояла десять часов в очереди, получила ячневую крупу и сливочное масло. Вечером мы ели хлеб с маслом, это было как пирожное. У нас сегодня сидела целый день девочка, она потеряла карточки на январь и свою хлебную на февраль.

7 февраля 1942 г. Сегодня из нашей квартиры брат девчонки увел ее к тетке, а тетка привела ее обратно. Дядя Боря

отвел ее в ЖАКТ и оставил там. Гардины переехали сегодня в мамину комнату. У мамы сегодня болел живот, и она все время лежала, а я ходил за хлебом. Вечером бабушка разделила сушеную землянику, и мама заварила ее. Потом мама ставила себе грелку.

8 февраля. Сегодня ЖАКТ хотел увезти покойника, но за ним не пришли. Сегодня сумасшедшая очень буянила, она все время выбегала из комнаты. Во время обеда к нам пришли Евлампиевы. Они съели своего кота. У Наташи был сегодня понос. Мама променяла пачку папирос на 150 гр. хлеба. Сегодня бабушка нам читала, а я рисовал. Вечером я с мамой пили опять чай из земляники.

9 февраля. Сегодня мама променяла еще пачку папирос с Гардиным. Он сказал, что когда получит сахар или масло, он ей отдаст. Утром мы проснулись от крика. Оказывается, что Гардин вышел из комнаты, а его матери мерещилось, что мы хотели его убить. Она забрала его к себе в комнату и, уходя, прокляла нас. Днем дядя Боря ходил узнавать, когда увезут покойника, там сказали, что завтра в 9 или 10 часов утра. Потом к нам приходила Ольга Егоровна. Наташа пошла к ней и принесла оттуда десять книг. Перед обедом к нам приходил Глеб Осипович. После обеда дядя Боря с Гардиным ездили за водой. Вечером к нам пришел Гардин, он попросил нашатырного спирта, его мать была без сознания.

10 февраля. Сегодня к нам пришел Гардин и рассказал. Когда очнулась его мать, она расцарапала ему руку, а потом обняла его. Мама сегодня встала рано, она пошла за хлебом, потому что мы все съели. Мы сегодня занимались. За покой-

ником пришли только в 12 часов, пришли за ним женщина и мальчик. Они поволокли его через парадную. Мама ходила сегодня к Благовещенским, она принесла оттуда Верочкин шерстяной свитер.

11 февраля. Сегодня нам дали прибавку на хлеб, теперь мы получаем 300 грамм. Мама встала рано и пошла сегодня за хлебом. Вполовину 1 дня мама ушла в милицию. Пришла она в 2 часа дня, она променяла 2 пачки папирос на сахар. Днем я с бабушкой ходил гулять с Жучкой. Два трупа, которых мы видали 3/II, еще лежали там же. Сегодня я кончил читать «Сказки» Гауфа. После обеда я ходил к Юрке Губанову за своими 3 книгами «Пятнадцатилетний капитан», «Южная звезда» и «В стране мехов».

12 февраля. Сегодня в нашей квартире умерла Елена Андреевна, она умерла в 7 часов утра. Мама стояла в очереди и получила манную и пшеничную крупу. Мы сегодня решили сделать на завтрак манную кашу. Сегодня я кончил читать книгу «Артек», а с мамой книгу «Харри и Кари». Дядя Боря ходил нанимать какую-нибудь бабу для уборки бабушкиной комнаты. Он ушел в 2 часа, а пришел в половине 5-го с бабой. Она сказала, что придет завтра в 2 часа дня. Вечером я с дядей Борей поехали за водой. Но там вода пахла бензином, и мы взяли воду из Пряжки.

13 февраля. Сегодня мама стояла в очереди и получила сахарный песок. В два часа к нам пришла баба мыть комнату. Она кончила ее мыть в 4 часа дня. Ко мне днем приходил Ленька Буйко, он принес Жучке кости, а у меня просил какую-нибудь книжку.

Перед обедом дядя Боря с Наташей ездили за водой. Вечером к нам пришли Благовещенские. Тетя Ася с Натальей Дмитриевной собираются 17 февраля эвакуироваться.

14 февраля. Сегодня дядя Боря ходил к Ольге Васильевне. Мама меня сегодня мыла. Мама стояла в очереди и получила мясо. Тайсту тоже мыли, а он орал, как будто его били. Ко мне днем приходил Коля. Перед обедом пришел дядя Коля с Маришей. Немного погодя пришла Ольга Васильевна. Она принесла 400 гр. ячневой крупы поменяться с нами на пшеничную крупу. Сегодня суп был густой, потому что мы положили 200 граммов. Мама сварила из сахара леденец. Вечером, когда бабушка читала, я рисовал с книжки слонов.

15 февраля. Сегодня дядя Боря ходил к Иннинному папе за часами. Ему сказали, что его нету. К нам приходила Гедвига Оскаровна, у ней украли 1000 рублей и обручальное кольцо. Потом к нам приходил Коля, я ему дал читать книгу «Подводные мастера», которую мне подарили Благовещенские. Я с Гардиным ездил за водой. Сегодня стряпала мама. На обед сегодня был бульон, а на второе котлеты с бобами соя.

16 февраля. Сегодня я выносил помойку в двух маленьких ведрах, которые дядя Боря сделал из банок. Сегодня я кончил читать книжку «Кот в самолете». Мы сегодня занимались по русскому и арифметике. Мама ходила узнавать насчет работы и по дороге зашла к одному гражданину. У него продавался: стол, рояль, диван и шкаф.

Она хотела купить завтра стол. На обед сегодня был опять бульон, а на второе котлеты и пшенная каша. Мама получила сегодня ячневую крупу, гречневую крупу и мелкую перловую

крупу. Вечером к Кемпасам пришел их знакомый, он хотел переселиться в Елены Андреевны комнату. Мама пошла его смотреть. Чайник был уже готов, и я пошел звать маму чай пить. Но она просидела там еще полчаса, и когда мы пришли чай пить, чайник был уже холодный. Фамилия этого дядьки была Ванувас.

17 февраля. Сегодня тетя Ася не уехала. Она поедет во вторую очередь в конце февраля. Наташа с Гардиным ездили за водой. По дороге Гардин поменял на хлеб дрова. Мама одолжила ему 100 граммов хлеба. Он сказал, что отдаст сегодня, а сегодня он не получил. Мама поменяла на две пачки папирос стол, который она хотела за 100 рублей. Мальчик ей притащил стол. Мы сразу разобрали старый стол и поставили новый. Он был немножко меньше прежнего. Потом к нам пришел отец Гардина, он сидел у нас 2 с половиной часа. За обедом к нам пришла Каш, цыгана мать. У нее умер Коля, Боря и Петя. Сегодня у нас были последний раз котлеты.

18 февраля. Сегодня выносили Елену Андреевну. Мама ходила в сберкассу. По дороге к ней пристал дядька, чтоб она продала ему пачку папирос. Мама продала ему за 60 рублей. Тогда он сказал, идем в милицию, мама сказала, идем. Он довел ее до милиции, а там сказали, чтобы мама отдала ему 20 рублей. Она отдала ему, а сама ушла. Мама пошла в аптеку и забрала там все оставшиеся лекарства. К Гардиным пришла от отца женщина, принесла им немножко макарон и сказала, что завтра их отправят в санаторию. Гардин, кажется, тоже сошел с ума. Он сказал, что его мать от того сошла с ума, что мы им давали нарочно отравленную воду.

Делала обед сегодня мама. На обед была манная каша, из 225 граммов. Днем у меня болел очень зуб. Мама мне читала, а я рисовал корабли. Пили мы чай в половине восьмого, потому что дядя Боря уходил на собрание. Но собрание не состоялось.

19 февраля. Сегодня мама ходила в Мариинскую аптеку. Но там никаких лекарств не было. Там сказали, что будут лекарства завтра утром. Днем я с дядей Борей ездил за водой. Потом к нам приходила Наталья Дмитриевна. У них заболела Анна Дмитриевна. У нее температура 39. Когда мы разговаривали, к нам вошел Гардин, его мать разбила ножом стекло и разорвала штору. Сегодня я начал читать книгу «Белеет парус одинокий». Бабушка сегодня мыла посуду в комнате. После обеда я не лежал, как всегда, а читал. Дядя Боря обменял бутылочку керосина за алюминиевую кастрюлю. Вечером, когда мы ложились спать, к нам в дверь застучали. Это приехали за Гардинами. Мать ни за что не хотела уезжать. Он кричала, кусалась, царапалась. Санитары сказали, что они ее не возьмут. Ее отправили в сумасшедший дом на Пряжке, а его самого в Александровскую больницу. Сегодня был один обстрел города и одна воздушная тревога вечером.

20 февраля. Сегодня мы ждали прибавку хлеба, но ее не было. Гардины, когда уезжали, они забыли недоваренное пшено. Мама сегодня получила сушеный картофель. Мы положили в суп 50 грамм картофеля. Я с мамой нарезал хлеб очень тонко, и все засушили. Мама ходила в аптеку, но слишком поздно. Лекарства уже все кончились. Днем бабушка мылась у печки. Вечером у дяди Бори случился понос, потом его рвало.

21 февраля. Сегодня дядя Боря весь день лежал. Я и Наташа с Тайстовой мамой ездили за водой. Сегодня загорелся дом на углу. Он весь сгорел. Тетя Ася собирается завтра уезжать. Мама сегодня получила гречневую крупу и мясо. Бабушка достала сегодня запонки. Они очень красивые. Сами они позолоченное серебро, выложенное камнями. Мама нашла мне карандаши. На обед сегодня был бульон с картошкой, а на второе немножко пшенной каши.

22 февраля. Сегодня дядя Боря тоже лежал целый день. Мама получила рис, перловую и гречневую крупу. Она взяла гречневую крупу и тете Асе. Тетя Ася сегодня уезжает в 3 часа дня. Когда мама брала крупу, она пропустила очередь за сливочным маслом. Но потом она опять встала и тогда уже получила. Днем мама ходила к Благовещенским прощаться с тетей Асей. А я ходил к Вальке Невскому узнавать насчет столовой и взял у него книжку. Вечером к нам пришел Юрочкин папа. Он сидел у нас полтора часа.

23 февраля. Тетя Ася не уехала. Эвакуация отложена до 25/II. Сегодня все время музыка. С Наташей и Лилей ездили за водой. По дороге они опрокинули одно ведро. Лиля потом пошла одна и принесла воду. Сегодня дядя Боря встал, затопил печку, позавтракал и опять лег. Лиля получила лук и променяла его с нами на картошку. Мама днем ходила к Колиной маме и была там очень долго. Бабушка сегодня не ходила днем гулять с Наташей. На завтрак мама сварила мне и себе настоящее кофе, потому что у мамы очень болело сердце.

24 февраля. Сегодня мама купила атаману <оттоманку>. Она взяла у меня 130 рублей в долг. Мама с Лилей привезли

ее и поставили ее в бабушкиной комнате. Сегодня стали выдавать по четверти литра керосина. Еще стали давать по 25 гр. шоколада и 25 какао. Я с Тайстой смотрели оставшиеся от дедушки камушки. Мама ходила в ЖАКТ записываться на карточки.

25 февраля. Мама достала сегодня какао и шоколад. Я с мамой ездил за водой. По дороге мы встретили Вальку. Он шел из столовой. Мама расспросила его все про столовую и решила меня туда прикрепить с 1 марта. У нас на парадной лежит ребенок уже трое суток. Дядя Боря пошел прощаться с тетей Асей. Мама взяла дяди Мишины вещи и пошла продавать на рынок.

Она пришла в три часа дня. Продала <за> 120 рублей и купила мне книжку. Потом мама пошла покупать мне подарок на рождение. К нам приходила Ольга Васильевна. Вечером у меня болела голова. Потом пришла тетя Ася на минуточку попрощаться.

26 февраля. Сегодня мамины именины. Я подарил маме рисунок. На нем я нарисовал фрукты. Мама взяла гороху на две карточки. На обед сегодня был бульон. А на второе мясо и перловая крупа. У бабушки был сегодня понос. Днем к нам пришел Тайсто. После обеда посуду не мыли, потому что у бабушки болел живот. Вечером Наташа, Тайсто и Лиля ездили за водой. Они взяли воду из крана.

27 февраля. У бабушки очень сильный понос и очень болел живот. Дядя Боря ходил к Невской и в жакт. Невская сказала, что нас не стоит туда прикреплять. В жакте дядя Боря нашел несколько писем в нашу квартиру. Одно письмо было от Наташиной мамы. Оно было от 8 января. Мама получила сахарный

песок и прозевала очередь за клюквой. Мама и Наташа сегодня мылись. Бабушка нашла у Наташи 13 платяных вшей, а мама у себя одну. Делала обед сегодня мама. Посуду сегодня тоже не мыли. Я с дядей Борей ездили за водой и привезли воду из крана. Вечером к нам пришла танта Дина. Мама с ней сделала обмен. Мама дала ей немножко кофе и баночку фитоферина и еще позвать доктора. А танта Дина дала маме 250 гр. мяса. Мама сегодня сходила к доктору и зашла к Благовещенским. Тетя Ася уехала и оставила мне с Наташей по тетрадке для рисования.

28 февраля. Утром я с мамой был без хлеба. На завтрак я перевернул ногой кашу. Мама получила клюкву. Я ходил к Благовещенским, относил им в долг клюкву. Клюква очень вкусная, она вся мороженая. Дядя Боря получил в ЖАКТе карточки. Бабушка целый день лежала. За обедом к нам пришла тетя Муся. Она отдала дяде Боре хлеб. Днем ко мне пришел Леня Буйко. Он принес Жучке целую кучу костей и мне отдал книжку.

1 марта. Сегодня мама и бабушка <получили> нашу крупу. Мама получила в магазине мелкую перловую. К нам пришла танта Дина, она отдала маме мясо. Она принесла вместо 250 гр. 150 грамм. Была она у нас с 11 часов утра до 5 часов дня. Я с дядей Борей за водой на Мойку. Сегодня я начал читать Лукашевича.

2 марта. Сегодня мама получила хорошее мясо. Маленькая мозговая косточка, остальное все мясо. Я нарисовал маме на рождение рисунок и спрятал его. Мама ходила на рынок и продала за 60 рублей пачку папирос. Утром к нам пришла Колина бабушка, она сказала, что все Ленцы умерли. Гуля умерла

на улице. У нас в ванной все затопило. Сама ванна полная, и все льется на пол. Бабушка с Наташей днем ходили гулять с Жучкой. Наташа забыла вынести помойку. К маме сегодня пришла еврейка, с которой мама стояла за вином. У нее умер ее сын Яша.

3 марта. Сегодня я прочитал последний рассказ Лукашевича. Погребцовы съели свою собаку, она у них сдохла. Дядя Глеб поступил на службу. Сегодня мы занимались по всем предметам. На улице сегодня очень тепло. Я с бабушкой сегодня ходил гулять с Жучкой вечером и утром. Сегодня мы обедали рано. У меня все время болел живот. На рынке вчера мама купила два заграничных блюдечка. Вчера бабушка нам читала, а я рисовал. Мама приготовила сегодня весь обед на завтра, потому что у нее завтра рождение.

4 марта. Сегодня мамины рождения. Я с дядей Борей ездили за водой два раза. Сегодня у меня болело очень горло. Днем я с мамой смотрел альбомы. На обед сегодня у нас с мамой был бульон, а на второе рис и отбивные котлеты с мясным соусом. Сегодня был один артиллерийский обстрел города.

5 марта. Сегодня я целый день не выходил на улицу. У меня был сильный насморк, болело горло и была немножко повышенная температура. Помойку за меня выносила мама. К нам приходила дворничиха с повесткой, чтобы мама пришла на уборку снега. Вечером к нам пришла Наталья Дмитриевна.

6 марта. Сегодня стали выдавать мясо, меланж и сухие фрукты. Этот раз мяса дали меньше, каждому по 100 грамм. Когда мы занимались, очень сильно стреляли. Один снаряд

попал на Дровяной, а другой снаряд, где мы брали воду. На Пряжке загорелся опять дом и сгорел один флигель. Мама ходила в нотариальную контору. Она там сдала свидетельство о смерти. По дороге мама зашла в аптеку и получила там три лекарства, бензановтол, борную и марганцовку. Сегодня я вышел на улицу.

7 марта. Сегодня мама получила меланж и овсянку. Еще там выдавали сухую дыню, но маме ее не хватило. Из меланжа мы сделали блинчики. Я ходил один за водой.

8 марта. Сегодня дядя Боря пошел к Гедвиге Оскаровне, к Виссам и к Грибушину. Я с мамой ходил за водой, и принесли сразу на два дня. Мы не брали с собой санки, а принесли на руках. Теперь мы стали брать воду отдельно. Днем я ходил с бабушкой гулять и ходил по магазинам. Лиля Матвеевна с Тайстой ломали свой ломберный стол. Мама ходила к Надежде Владимировне, она дала ей сварить немножко овсянки. Вечером мама получила изюм. Он был очень большой и очень сладкий. Теперь мы стали брать продукты тоже отдельно. Сегодня же мама отнесла Надежде Владимировне овсянку. Сегодня радио действовало плохо. Дядя Боря пришел в 6 часов вечера, а ушел в 10 часов утра. Он обжег себе и Гедвиге Оскаровне язык, Грибушин умер 5 января. Дядя Боря купил у красноармейца 35 граммов русского масла за 40 рублей, а красноармеец сказал, что 50 гр.

9 марта. Сегодня мама получила масло. Я с мамой обедал сегодня в 2 часа дня, и потом ели еще в половине 6 вечера. Мама ходила к Надежде Владимировне и была там больше часа. Сегодня радио работало хорошо. На улице сегодня было 3 градуса мороза. У дяди Бори раздулось лицо и руки.

10 марта. Сегодня мама ходила на рынок. Она купила — мне карандаши и променяла кожу. Из кожи мы сделали студень, и завтра его съедим. Еще мама принесла оттуда какую-то книжку. Нам хватило и на сегодня воды. Дядя Боря достал им крупу и меланж, и масло.

11 марта. Сегодня на улице было холодно, 15 градусов. Сегодня у меня с мамой был хороший обед. На первое был грибной суп, на второе овсянка, а потом половина студня, другую половину мы оставили на вечер. Студень был очень вкусный, как настоящий из рыбы. Я ходил один сегодня за водой. У нас в квартире в ванной вода так и лилась на пол. Дядя Боря пошел доставать спички и потерял их. Бабушка делала блины из меланжа и пшенной каши, и <у> ней ничего не вышло. Дядя Боря достал изюм.

12 марта. Сегодня мама достала колбасу и пшено. Колбасу и пшено мама взяла только на свою карточку. На улице сегодня было очень холодно, 20 градусов ниже нуля. Сегодня очень сильно стреляли, наш дом качался. Я один ходил два раза за водой.

13 марта. Сегодня на улице было очень холодно <—> 23 градуса ниже нуля. За водой я ходил один раз. На обед сегодня был гороховый суп с колбасой, а на второе пшенная каша. Сегодня к нам пришла Гедвига Оскарловна, ей сказали, чтобы она эвакуировалась. Она решила ехать к Ольге Михайловне. Мама взяла оставшуюся крупу ячневой.

14 марта. Сегодня ночью в 3 часа к нам пришел дядя Толя. Его ранило в палец, вырвало мясо. Я перебрался к маме на кровать, а дядя Толя лег на диван. На улице сегодня 26 градусов ниже нуля. Дядя Боря пошел к Гедвиге Оскарловне. Я ходил за

водой один раз. Дядя Толя дал маме овсянки и баранину. Дядя Боря пришел половина 10 вечера, а вышел в 10 утра.

15 марта. Сегодня дядя Боря пошел к Гедвиге Оскаровне. За завтраком бабушка мне дала две кильки. К нам пришел Александр Семенович, но он быстро ушел. Вечером мама ушла куда-то. А пришла, когда я уже был в постели. <...> К нам приходила Маня узнать насчет комнаты. Пришел дядя Боря. Гедвига Оскаровна пропала без вести. На улице сегодня было немного теплей. Воду я брал не на Пряжке, там сломался кран, а из горелого дома.

16 марта. Вчера дядя Боря принес от Гедвиги Оскаровны 2 кг картошки, 1 ½ кг сахарного песку, много кофе, браслет и часы. Мама ходила в нотариальную контору получать свидетельство о смерти. По дороге мама купила 50 штук конвертов и валерьянки. К нам приходила Наталья Дмитриевна, у них умер Петр Дмитриевич. Потом к нам пришла Маня, она решила на этой неделе переехать в кемпасовскую комнату.

17 марта. Сегодня мама получила 250 руб. от дяди Толи. Мама и дядя Боря получили овсянку. Мама взяла и для Мальцевой. Дядя Боря насыпал в раковину песку, чтобы снизу не шла вода. <...>

18 марта. Сегодня я не ходил за водой, потому что я ходил вчера два раза. Я с мамой ходил платить за квартиру. <...>

19 марта. Мама получила мясо и сливочное масло. Масло давали только детям. Днем я ходил с бабушкой гулять. Мы встретили Леньку. У его дедушки осколок попал в легкое. Он плевал кровью. Мама ходила к Благовещенским.

20 марта. Сегодня я ходил два раза за водой. Мама думала, что меня будет мыть. Но в комнате было очень холодно.

За мамой три раза приходили из ЖАКТа, ее звали на уборку двора. <...> Вчера мама сделала кисель из лимонного сока и грушевого. Потом к нам пришла тетя Муся и осталась у нас ночевать. Дядя Боря ходил на собрание.

21 марта. Мама сделала из дуранды лепешки. Сегодня очень сильно таяло. Мама меня сегодня мыла, голову, туловище и руки. Я с мамой читал «Путеводный огонек».

22 марта. Сегодня я не ходил за водой. На улице было очень тепло. Мама ходила к <...> Ольховским. Они собираются эвакуироваться. Мама вышла в 11 часов утра, а пришла в 7 часов вечера. Она принесла мне от него супу, лепешку с икрой, витамин «С» и сыру. Сыру мама принесла продавать для Александра Семеновича. Дядя Боря купил 100 гр. сыра. Дядя Боря ходил к Гедвиге Оскаровне и привез кой-какие вещи. Он вышел в 6 часов утра, а вернулся в 6 часов вечера. Наташина мама прислала дяде Боре 200 рублей. Потом пришла Маня, она тоже купила сыра. Пришла тетя Муся и осталась у нас ночевать. Сегодня печку не топили.

23 марта. Мама ходила к Благовещенским. Они ей дали немножко посуды и мне картинки. Я с Тайстой переводили переводные картинки. Сегодня мама мыла мне ноги. Ноги у меня напухли. Мама заставила меня лежать. Вечером мама пошла к Лиле Матвеевне и поменяла 10 грамм сыра на два с половиной стакана овса.

24 марта. Мама ходила на рынок и променяла на грибы хлеб и немножко сахарного песку. <...> и пришла, когда я был в постели. Чай я пил с бабушкой и дядей Борей.

25 марта. Мама получила на детскую карточку сливочное масло, а на иждивенческую карточку постное масло. Мама

взяла для дяди Бори. <...> Мама ее сварила, а Тайсто взял и половину ее съел. Еще Тайсто съел все птичкины семечки. Лиля Матвеевна купила дрова, четверть кубометра за 200 рублей в шестом номере. Дядя Боря купил там же 2 бревна за 40 рублей и еще себе книг. Мама узнала, что дядя Боря купил книги, побежала покупать сама. Мама купила целую кучу очень хороших книг за 50 рублей. Вечером очень сильно стреляли, и мы пошли в каморку. Снаряд попал около нашей парадной. А обстрел объявили, когда стрелять кончили.

26 марта. Мама и дядя Боря поехали за дровами. Дядя Боря купил дров. Они вышли в 8 часов утра. Я с Наташей таскал дрова домой. Дядя Боря купил ведро, ковшик и книги в 6-м номере. Тайсто стащил у них консервы. <...> Сегодня ночью у бабушки болел живот. Весь день бабушка лежала.

27 марта. Мама получила соль и 50 г семги. Я ходил за водой два раза. На улице было опять холодней, 7 градусов ниже нуля. На улице я нашел один осколок и два на парадной. Тайсты сегодня весь день не было дома. Мама ходила к Благовещенским и принесла мне и Наташе игрушки.

28 марта. Мама и дядя Боря опять поехали за дровами. Но ключ, который им дали Коломазеры, не подходил к двери. Сегодня мы получили письмо от тети Елы. Дима получил мое письмо. Сегодня я написал Диме письмо. Мама получила мясо, пшено и гречу. Я нашел 2 больших осколка у нашей парадной.

29 марта. Сегодня была одна тревога. Маме прислали повестку, чтобы она явилась завтра в 8-м часу утра на трудовую повинность. Мама <...> принесла еще витамина «С». Днем к нам пришла Наталья Дмитриевна. Потом при...

Дневник, оборванный на полуфразе, дополняет отрывок из воспоминаний Р.Н. Попеля о страшном дне 5 апреля 1942 г.: «Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга» (выпуск IV. СПб., 1999).

В УБЕЖИЩЕ

Нас было пятнадцать — пятнадцать голодных мужчин, изможденных женщин, усохших от недоедания детей, спустившихся в подвал в ту ночь.

На крайней скамье ближе к выходу из убежища сидит молодой мужчина. У него перевитые шпагатом темно-синих жил руки, кажущиеся мне огромными. Копна спутанных, черных, как вороново крыло, волос. Тонкая, словно у вылупившегося птенца, шея... Сегодня я вижу его так же ясно, будто он за столом напротив разговаривает со мной. Его фамилия Седых, он слесарь с завода имени Ворошилова, что по ту сторону реки Пряжки. Рядом с ним женщина и девочка девяти-десяти лет. Она моя сверстница. У нее модное для того времени имя — Нинель. Она и мать последними появились в подвале. Девочка больна, ее лихорадит, ее сознание замутнено.

— Пить! — непрерывно шепчут ее губы.

Мать протягивает ей бутылку. Девочка пьет быстро и жадно. Вскоре она начинает громко бредить. Внезапно она вздрагивает и, обхватив руками мать, молча застывает маленьким серым комочком.

Голодный, исхудавший, похожий на обтянутый кожей скелет, я лежу на скамье, положив голову на колени матери. Время

от времени я закрываю глаза, и сразу тело начинает расти, увеличиваться в объеме, ноги делаются гигантскими, словно стволы деревьев. Я открываю глаза, и мучительное видение исчезает, но стоит мне снова попытаться заснуть, как все повторяется...

Воздушный налет начался около двух ночи. Более беспощадной бомбардировки города не помню ни я, ни те блокадники, с которыми мне довелось говорить впоследствии. Под аккомпанемент непрекращавшейся зенитной канонады один за другим следовали взрывы авиационных бомб. Когда снаружи оглушительно загрохотало и от свирепого напора взрывной волны зашатались стены и заходил ходуном потолок подвала, я крепко прижался к матери. Сверху послышались зловещие удары о землю рушившихся кирпичных блоков. Люди в подвале в панике бросились к выходу — к массивной дубовой двери, окованной с обеих сторон стальными листами. От потрясшего дом взрыва ее перекосило, вместе с дверной рамой она заметно отклонилась от вертикали.

Следующие семь часов, когда мы отчаянно пытались вырваться из каменного мешка, остались в моей памяти самым страшным воспоминанием военного времени. В убежище имелся набор шанцевого инструмента — лом, кирка, заступ и два топора. Пробивались через верх — так, по мнению старичка-архитектора, у нас был наибольший шанс спастись. Работали поочередно. Львиная доля усилий легла на плечи молодого рабочего с военного завода. Сил у него оставалось больше, чем у других, он ловко орудовал ломом, выбивая из сводчатого потолка один кирпич за другим...

Я не был очевидцем того, откуда пришло спасение. От пережитого волнения и спертого воздуха я потерял сознание.

Во время налета погибло шесть человек — те, кто не спустился в убежище. Седьмой труп нашли через четыре года после войны, когда начали разбирать завал. Он лежал во дворе под обломком стены. Череп был раздавлен, словно яичная скорлупа, но кости рук, ног и грудная клетка повреждены не были. Погибший был нашим управдомом Губановым — отцом друга моего детства. Он бежал через двор, когда дом рухнул. Он был честным и справедливым человеком, инвалидом Гражданской войны, но до светлого Дня Победы дожить ему было не суждено.

(Опубликовано в журнале «Звезда» за 2013 год № 2)

Глава 7 СУХАРИКИ

У нас в доме никогда не выбрасывают еду. Детей учат не оставлять ничего на тарелке. Неприличным считается класть себе больше, чем можешь съесть. И принято выдерживать долгую паузу, оглядываясь на сотрапезников, прежде чем возьмёшь со стола последний кусок.

Холодильник забит баночками и тарелочками, прикрытыми фольгой. В холодной кладовке всегда хранится крупа, сахар и не меньше пяти бутылок постного масла.

— У вас не культ еды, у вас культ продуктов, — заметила как-то моя знакомая, которой случилось пожить у нас неделю.

Так и есть. Надо видеть, как мама берёт в руки булку и бережно оборачивает её пластиковым пакетом — чтобы не засохла. Ни одному человеку еще не удалось уйти из нашего дома ненакормленным.

Мой дедушка, Глеб Осипович Погребцов, не родной — родного расстреляли в 1935 — тоже пережил блокаду в городе. Это про него, про друга своего дяди, который заходит к ним в гости, пишет десятилетний Роман Попель в своем дневнике: «Погребцовы съели свою собаку». Да, так и было: у них была крупная немецкая овчарка, которая состарилась, умерла и своей смертью последний раз послужила хозяевам. Глеб Осипович был по профессии агроном, животновод. На фронт его не взяли. Сказали: кто-то должен бойцов кормить. Он и кормил, днем работая в пригородном совхозе, а ночами с винтовкой охраняя от воров вагон с кормами для коров. Из собачьей шкуры он сшил себе куртку-доху. Она и после войны хранилась у нас в кладовке. Схоронил жену. А двух дочерей сберег.

С моей бабушкой они встретились и поженились после войны. В семье его все звали одним словом — Глепоц и очень любили. Сколько его помню, он постоянно сушил сухари. В кухне и в кладовке на гвоздиках висели мешки, наполненные твёрдым хлебом. Он и с собой постоянно носил маленький полотняный мешочек, туго набитый солёными кубиками, которые он самостоятельно обжаривал на большом чёрном противне.

Мои родители уехали из Ленинграда по месту службы отца, морского офицера, во Владивосток. Однажды Глепоц

приехал навестить нас. Он прожил тогда с нами целый месяц. По утрам он вставал рано, брал меня за руку и вёл на море, купаться. Мы сидели с ним на скамейках еще пустого пляжа «Водник», ёжась от утренней прохлады, смотрели на чистую морскую волну и по очереди таскали из мешочка солёные сухарики.

Это и был мой блокадный хлеб.

Владислав Глинка **БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ**

Михаил Глинка **ОБ АВТОРЕ ВОСПОМИНАНИЙ**

Владислав Михайлович Глинка родился 6 (19) февраля 1903 года в городе Старая Русса. Семья была дворянской, служилой. Отец, Михаил Павлович Глинка, за четыре года до того окончил в Петербурге Военно-медицинскую академию. Впрочем, начинать молодость с военной службы было в семье давней традицией — дед Владислава служил на военном флоте, плавал на паро-парусных клиперах вместе с К.М. Станюковичем, прадед служил в гвардейских саперах, прапрадед и прапрапрадед — в драгунах.

Семья его родителей не была богатой, жили на заработки отца. «Отец был врачом идейного типа, — писал В.М. Глинка впоследствии, — он шел на призыв больного в любой час суток, часто неся с собой не только лекарства и пищу, если мог предположить, что они нужны, но порой и деньги. Это совсем не значит, что отец при частной практике не получал гонораров от состоятельных пациентов, но у него никогда не было «таксы», а при выходе из его кабинета стоял глубокий керамический ковш, в который и опускали любую сумму,

какую считали сообразной своим средствам. Мама моя была доброй помощницей отцу всегда и во всем».

Собственный дом Михаил Павлович смог построить только после двенадцати лет непрерывной врачебной практики. А практика была разнообразная: Свеаборгская военная крепость, деревня Будомицы Старорусского уезда, земская больница в Старой Руссе, казачья батарея на Русско-японской войне, вновь старорусское земство, передовой перевязочный отряд на германском фронте. Отец возвращался с фронтов, снимал френч, но долго еще трое подрастающих сыновей доктора играли маньчжурскими открытками, австрийской каской, шнуром, снятым с револьвера. Осязание в собственных пальцах подлинных предметов другого, далекого быта — может быть, и отсюда протягивается ниточка к будущему работнику музея...

Был в доме и свой «литературный архив». Бабушка (мать матери Владислава) была вдовой известного в 1880—1900-х годах публициста Сергея Николаевича Кривенко, редактора «Русского богатства». В доме хранился архив из сотен записочек и писем. Здесь были автографы Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Михайловского, Шелгунова, Плещеева, Короленко и многих других. Архив этот был для Владислава в отрочестве первым чтением ненапечатанных историко-литературных документов.

Старая Русса в начале XX века представляла собой очень своеобразный город. Центр его составлял курорт, солевые грязи которого пользовались громкой известностью не только из-за их целебности, но и потому, что находились всего в двухстах

верстах от столицы. Каждое лето в Старую Руссу наезжали тысячи людей из Петербурга и Москвы, и среди них — художники, артисты, ученые. Михаил Павлович Глинка пользовался в городе репутацией опытного врача, интересного собеседника и доброго, гостеприимного хозяина. В разные годы его пациентами были А.Г. Достоевская, художник Б.М. Кустодиев, известный путешественник П.К. Козлов, академик Н.С. Курнаков, профессор В.П. Семенов-Тянь-Шанский, будущий маршал Ф.И. Толбухин, артисты театра Незлобина, приехавшего в Старую Руссу много сезонов подряд.

Бревенчатый дом на тихой набережной реки Перерытицы (а в трехстах метрах от него по той же набережной дом, где Достоевский писал «Братьев Карамазовых»), за открытой верандой огромный сад, повсюду по переулкам заросшего яблонями и сливами уездного города кирпичные кладки древнейших в России церквей, неторопливый, чуть насмешливый, никогда не повышающий голоса отец, с отцом здороваются весь город, субботним вечером гости на веранде, и книги, книги, книги — вот атмосфера детских лет Владислава. Через тридцать лет, узнав в блокадном Ленинграде, что родительский дом сгорел от артиллерийского обстрела, музейный работник В.М. Глинка по памяти составляет список сгоревших в Старой Руссе книг. Кроме энциклопедий, многотомных классиков и четырехсот томов медицинских сочинений в этой домашней библиотеке были, оказывается, сочинения Спенсера, Ренана, Бокля, Смита, Гумбольдта, Бюффона.

В 1919 году шестнадцатилетний Владислав Глинка уходит добровольцем в Красную армию. В таком шаге не было никакой идейной натяжки — оба деда были горячими сторонниками

освобождения крестьян, гласного суда, уравниения всех сословий в правах и обязанностях, родители с раннего детства внушали своим сыновьям самые демократические идеалы, брат Владислава Сергей уже служил в Красной Армии. Было, впрочем, и еще одно немаловажное обстоятельство. «Большое значение в моем детстве и отрочестве, — писал В.М. Глинка уже на склоне своей жизни, — сыграла няня Елизавета Матвеевна — крестьянка приильменской деревни Буреги, умершая в 1970 году за 90 лет от роду и похороненная рядом с моим отцом и бабушкой в Старой Руссе. Ее вера в высшее начало добра и справедливости, вековое крестьянское поклонение любому труду, своеобразные афоризмы и поговорки, сама деревенская очень выразительная речь вошли в меня вместе с ее заботами о здоровье, сне, физической и нравственной чистоте и прилежании в ученье. Впрочем, речь и идеология красноармейцев, в среду которых я вступил в 1919 году, были также очень мало тронуты городским налетом. Все эти, за малым исключением, недавние крестьяне думали и говорили очень близко к моей няне, хотя многие из них прошли войну с немцами и в различной форме участвовали в революции...»

Однако война, которая идет, — это война гражданская, и как для Сергея с Владиславом естественно было вступить в Красную армию, так для старшего их брата Михаила столь же естественно было оказаться по другую сторону... Открытки от сыновей приходят в родительский дом с противоположных фронтов. Михаил (он на пять лет старше Владислава), недавний студент-медик, служит на санитарном поезде в тылу Белой армии, Владислав попадает с красными на Южный фронт, где идет борьба с Деникиным. Правда, ни одному, ни

другому брату оружие применить не приходится. В начале ноября 1920 года, за несколько дней до знаменитого штурма Перекопа, врачебный персонал санитарного поезда, стоящего в ближнем врангелевском тылу, перебит ворвавшимися ночью неопознанными вооруженными людьми. Михаил убит ударом штыка в живот. В феврале 1921 года курсантов Петроградской кавалерийской школы, в которой учатся Сергей и Владислав, отправляют на подавление мятежного Кронштадта, но бог миловал — стрелять в соотечественников им не выпало — Кронштадт подавлен, и с полдороги кавшколу отправляют обратно в казармы.

После окончания войны Владислав уходит из армии в запас. Затем недолгое посещение Старой Руссы, однако после фронтов юноше уже тесно в провинциальном городе, манит Петроград. Надо получать образование. Но родной провинциальный город продолжает притягивать к себе, и женой 23-летнего Владислава становится хотя и питерская студентка, но уроженка Старой Руссы — Лида Павлова... Совместной их жизни, однако, не суждено быть долгой — тиф, наследие Гражданской войны, еще гуляет по стране, и Лидия умирает через четыре месяца после свадьбы... Это удар судьбы — и случайный, и неслучайный. Что-то в жизни Владислава Глинки не только не ладится, но явно идет не по той дороге, к которой лежит душа. Он учится на юридическом факультете, сдает какие-то зачеты, что-то равнодушно штудировать, механически переходит с курса на курс, но все это происходит словно не с ним. К 1927 году В.М. Глинка оканчивает Ленинградский университет, получает диплом юриста, но с тем же остранным равнодушием, с каким учил-

ся юридическим наукам, он теперь смотрит на перспективы юридической практики.

И вдруг, будто что-то вспомнив, круто меняет судьбу.

История. Музейное дело. Вот что, оказывается, уже давно влечет его. Ведь уже много лет он буквально впивается в мемуары и исторические сочинения, именно эта область, этот род знаний влечет его, сразу оживляя воображение, язык, память, чувства. Но хотя он и начитан, и история, особенно русская, и особенно военная, уже не неведомая страна, а давно его родной дом, но формального-то права претендовать на место в учреждении, занятом хранением истории, у него нет... Профиль диплома не тот. И Владислав начинает с самого низа — поступает дежурным в экспозиционный зал Музея Революции. Зал, в котором ему надлежит начинать свой долгий путь, посвящен декабристам.

В самом конце 1920-х годов В.М. Глинка становится экскурсоводом, а затем и научным сотрудником во дворцах-музеях. Петергоф, аракчеевское Грузино, Царское Село, Центральный исторический архив, Фонтанный дом Шереметевых (где размещался тогда Музей дворянско-помещичьего быта), Русский музей, Эрмитаж — вот многочисленные места службы В.М. Глинки в 1927—1941 годах. По существу же адрес один — русская история. И.А. Орбели, Е.В. Тарле, В.Ф. Левинсон-Лессинг, С.Н. Тройницкий, М.В. Доброклонский — вот те люди, рядом с которыми В.М. Глинка теперь работает изо дня в день. «Около трех лет, — писал В.М. Глинка в письме академику Д.С. Лихачеву в 1970-х годах, — я работал научным сотрудником Центрального

исторического архива (в бывшем Сенате), заведя фондами министерства двора и уделов... Пишу здесь об этом потому, что возня с документами тоже дала мне кое-что... <...> дух и стиль времени в росчерках гусиных перьев, в следах песка на коричневых строках... А главное, ясные очертания социальной системы от Павла I до 1917 года, и вереницы чиновных людей — лжецов, льстецов, лицемеров и казнокрадов, работавших рядом с трудолюбивыми и честными, сберегавшими казне каждую копейку... <...> там есть не главы, а романы, несмотря на, казалось бы, чисто экономическую тематику заглавия».

К концу 1930-х годов имя В.М. Глинки становится в одном ряду с именами самых знающих музейных работников Ленинграда. В.М. Глинку начинают приглашать для историко-бытовых консультаций.

К 1930-м годам относится дружеское сближение Владислава Михайловича с драматургом Е.Л. Шварцем, режиссером Н.П. Акимовым, историком Л.Л. Раковым — будущим основателем Музея обороны Ленинграда, а затем и директором Публичной библиотеки.

Начиная с конца тридцатых годов в ленинградских журналах появляется проза В.М. Глинки. Пока это небольшие рассказы и очерки из военного прошлого России. Публикация этих очерков продолжается в осажденном городе.

Всю блокаду В.М. Глинка, не взятый в действующую армию из-за болезни сосудов ног, проводит в Ленинграде, в самые страшные месяцы 1942 года работая санитаром в эвакуогоспитале, затем до 1944 года сохраняя коллекции музея Института

русской литературы. В 1944 году он окончательно переходит в Государственный Эрмитаж, где становится главным хранителем отдела истории русской культуры.

Центром и сердцем этого отдела в Эрмитаже является Военная галерея, со стен которой на посетителя смотрит, кажется, сам 1812 год. Книга В.М. Глинки «Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца» вышла в 1949 году в издательстве Государственного Эрмитажа. По поводу нее известный историк академик Е.В. Тарле так писал директору Эрмитажа И.А. Орбели: «Дорогой Иосиф Абгарович! Какую прекрасную, прекрасную, прекрасную книгу Вы издали! Книга В. Глинки и написана, и издана превосходно! Честь и слава автору и Вам. Это настольная, вдохновляющая, перечитываемая книга!»

Многие годы Владислав Михайлович Глинка может писать лишь вечерами и ночами. Во время войны им и его женой (Владислав Михайлович женился в 1931 году на Марианне Евгеньевне, урожденной Таубе) усыновлены малолетние дети погибшего на войне брата Сергея (один из них — автор этих строк), — денег постоянно не хватает, и поэтому днем В.М. Глинка работает в музее, и как работник музея он весь рабочий день должен участвовать в инвентаризации экспонатов, разборке архивов, подготовке научных сообщений. Для творческой работы остается ночь. Однако ни научный, ни научно-популярный жанр вскоре уже не могут удовлетворить историка. Его влечет художественная, свободная ткань повествования. Разведанный в архивах пунктир интересной человеческой судьбы, штрихи жизни, отразившиеся в многих строках тех самых, написанных гусиными перьями

казенных бумаг, беглое упоминание в чьих-нибудь мемуарах требуют затем огромной работы по реконструкции вероятных событий... Так, из небольшой гравюры, изображавшей офицера с боевыми орденами на мундире и прислонившего к плечу костыли, и из найденного через много лет после гравюры чертежа протеза ампутированной ноги, сконструированного изобретателем И.П. Кулибиным, родилась книга. Имя, стоявшее под изображением на гравюре, и имя того, для кого сконструировал искусственную ногу Кулибин, совпадали...

«Домик магистра», «Старосольская повесть», «Жизнь Лаврентия Серякова», «Повесть о Сергее Непейцыне», «Дорогой чести», «История унтера Иванова», «Судьба дворцового гренадера» — все эти книги являются образцом точности автора во всем, что касается истории, деталей прошлого, ушедшего навсегда быта.

В послевоенные годы еще более упрочился авторитет Владислава Михайловича Глинки как консультанта по историко-бытовым вопросам. Когда ставился спектакль или снималась картина, действие которых происходило в российском прошлом, Н.П. Акимов, Г.М. Козинцев, С.Ф. Бондарчук, Г.А. Товстоногов, И.Е. Хейфиц приглашали В.М. Глинку для участия в работе над своими постановками. 34 театральных спектакля и 19 кинокартин проконсультировано историком за послевоенные годы, в том числе, как уже говорилось, и киноэпопея «Война и мир».

На восьмидесятом, последнем году своей жизни он готовил к изданию обширный труд о русских военных формах и принимал участие в горячей полемике в излюбленной своей

области — распознавании неизвестных лиц на старых портретах...

Однажды дядя попросил меня свозить его в Пушкин. Кто-то из старых его знакомых, работавших в Екатерининском дворце, звал на такую именно консультацию — в запасниках музея сотрудники выставили к дядиному приезду множество портретов неизвестных и просили помочь определить, кто изображен.

— А ты пока посмотри что-нибудь здесь, — сказал дядя, оставив меня около стеклянных шкафов с мундирами Николая II и наследника.

Через какое-то время он возвратился в сопровождении нескольких сотрудников. Мне показалось, они просто не знали, что им делать, от профессионального почтения. Видно, даже навскидку он им там столько всего наоткрывал, что они теперь говорили только робким полусшепотом.

— Ну что? — спросил он у меня. — Что-нибудь интересное углядел?

Отвечать было особенно нечего — ну мундиры... ну разные...

— А ничего не бросилось в глаза? — прищурившись, спросил он. — Не обратил внимание, что одни мундиры? А ни брюк, ни шаровар, ни чакчир? И обуви никакой? А знаешь, почему? Потому что в 20-е нам эти штаны и сапоги раздавали вместо зарплаты. Мундир не переделаешь, он все равно мундиром останется, а со штанами легче. Кант чернилами зачернил — и ходи... Купить-то ведь было нечего — промышленность стояла! Нам все и раздали. Вон только что осталось!

И он указал на один из шкафов, за стеклом которого стояли высокие кирасирские ботфорты.

— Будьте любезны, откройте-ка!

Кто-то тут же отомкнул ключиком шкаф.

Дядя взял сапог каким-то привычным жестом — так ветеринар берет в руки животное. Взял и опять-таки привычно, с уверенностью, что покажет именно то, что желает показать, перевернул ботфорт подошвой вверх. Подошва была цвета сливочного масла. Сапог если и был надеван, так раз-другой, не больше. И на подошве знакомая характерным своим шрифтом всякому ленинградцу, да, наверно, и не только ленинградцу, стояла надпись: «Скороходь», но только с твердым знаком на конце.

— Нет, мы все-таки идиоты, — сказал дядя. — Ведь такой сапог — это же какая реклама тому же «Скороходу»! Лучшая обувь! Поставщик двора его величества! Ну ладно, поехали...

Дядя вел огромную переписку, писем остались ящики. С 1970-х начали приходиться письма и из-за границы. Тем, кто интересуется русской военной формой, несомненно, известны имена Евгения Молло (Лондон); Георгия Иванова, который изготавлял в Стокгольме целые дивизии оловянных солдатиков в форме российской гвардии; жившего в предместье Парижа В.В. Звезгинцева, оставившего толстые папки скрупулезнейших рисунков форменной одежды и справочных данных о русской армии...

В.М. написал за свою жизнь тысячи, вероятно, много тысяч писем. Сколько в этих письмах было дано неоценимых советов по поиску той или иной исторической подробности, того или иного персонажа российской истории! Сколько сообщено ред-

ких сведений, дано подсказок! И почти все эти письма писались от руки (его красивейшим, но совершенно кошмарным, если говорить о разборчивости, почерком), и почти все, к великому сожалению — без оставления у себя копий. Лишь некоторые из них он надиктовывал жене, а она печатала на машинке, подкладывая под копирку второй листок. Это были особые письма, и теперь, расположив их копии, одну за другой, я пытаюсь определить, чем эти немногие объединены. Вот письмо троюродному брату в ссылке — со сведениями об общих прадедушках. Письмо Д.А. Гранину с деталями воспоминаний о разрушениях в освобожденной от немцев Старой Руссе. Письмо В.П. Катаеву с указанием несоответствий историческим реалиям в его повести «Кладбище в Скулянах». Вот копия письма А.И. Солженицыну и копия перечня тех мест в рукописи «Августа Четырнадцатого», которые, по мнению В.М. Глинки, можно было бы уточнить. Общее письмо, подписанное В.М. совместно с двумя историками, с критикой версии, что на Дантесе во время дуэли могла быть защитная кольчуга...

Воспоминания о первой блокадной зиме в Ленинграде — это, несомненно, главное из мемуаристики В.М. Глинки, главное и по тому, сколь трагически судьбоносны для множества людей оказались описываемые в «Блокаде» события, и по тому, что самому автору выпало в жизни быть одним из них.

Михаил Сергеевич Глинка — морской офицер, писатель, общественный деятель.

М.С. Глинка родился 27 мая 1936 года в Старой Руссе.

Михаил Сергеевич, родной племянник В.М. Глинки, сын его старшего брата Сергея, погибшего во время

Великой Отечественной войны, — потомок старинного дворянского рода, представителями которого были видные деятели культуры, искусства и военного дела. В его родословной — композитор М.И. Глинка, литераторы С.Н. и Ф.Н. Глинки, первый профессор-филолог из дворян Г.А. Глинка.

В 1954 году окончил Ленинградское Нахимовское, в 1959 году — Высшее военно-морское инженерное училище подводного плавания.

Публикуется с 1964 года (журналы «Звезда», «Нева», «Аврора» и др.). Автор двух десятков книг прозы («Улицы ведут к морю», «Горизонтальный пейзаж» и др.). В 1978—1979 годах — участник нескольких дальних плаваний (Гибралтар, Куба, Миссисипи, Новый Орлеан, река Св. Лаврентия, Монреаль и др.) — с целью сбора материалов по истории мореплавания (книги «Ветер Балтики», «Бабье лето в Атлантике», «Каналы, соединившие океаны»).

Соавтор (с М.Б. Пиотровским и Г.В. Вилинбаховым) идеи создания книжной серии «Хранитель», с 2003 года выходящей в Государственном Эрмитаже. Лауреат Царскосельской художественной премии 2010 года — за два первых тома этой серии, выпущенных им в качестве автора-составителя.

В течение долгих лет Михаил Сергеевич расшифровывал и готовил к печати блокадные воспоминания своего дяди, Владислава Михайловича Глинки. Читатели, которым важно узнать более подробно о жизненном пути выдающегося ученого, могут найти более подробный рассказ о нем в серии книг «Хранитель».

* * *

Историк и писатель Владислав Михайлович Глинка, один из лучших знатоков жизни и быта России XIX века, долгие годы работал в Государственном Эрмитаже. Про В.М. Глинку среди музейщиков рассказывали легенды. Говорили, что на старых черно-белых фотографиях он легко распознает цвета, в съемочной группе «Войны и мира» (Глинка консультировал съемки) утверждали, что он знает на память скрип рессор и колес всех типов старых экипажей, а знатокам портретной живописи известно, что методикой определения неизвестных лиц на старых портретах, разработанной В.М. Глинкой, — когда по отрывочным и косвенным признакам путем сопоставления удастся определить, казалось бы, безвозвратно утерянные имена портретируемых — сейчас сплошь и рядом пользуются музейные работники более молодых поколений.

В.М. Глинка написал несколько искусствоведческих и научно-популярных книг, а также целый ряд исторических повестей и романов, являющихся примером глубинного психологического осмысления того архивного и музейного материала, которым писатель занимался всю свою жизнь. Художественная проза В.М. Глинки обычно брала свое начало именно в архивах, и потому центральными фигурами его романов часто становились реально существовавшие люди...

...Из всех тем, которыми он занимался (а их было много: суворовские походы, 1812 год, аракчеевские военные поселения, солдатский быт времен Александра I и Николая I, декабристы), главной темой писателя-историка остается Отечественная война 1812 года. К ней, как к средоточию все-

го наиболее привлекавшего его в истории России XIX века, В.М. Глинка возвращался во все годы своего творчества. Взгляд на эту войну под тем или иным углом, прохождение тех или иных исторических лиц или вымышленных персонажей сквозь события 1812 года, влияние этой войны на русское общество — пути решения темы меняются, круг вопросов остается. Книга «Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца» находится в том же кругу. Историко-патриотическая тема, столь близкая каждому из нас, здесь сплетена с другой вечной темой русской культуры XIX века — с пушкинистикой, то есть целым направлением, которое ныне включает в себя не только историю, литературу и критику, но и множественные исследования в самых разных областях. Среди тем — «Пушкин и театр», «Пушкин и музыка», «Друзья Пушкина», «Пушкинский Петербург» — тема «Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца» занимает полноправное место, поскольку в более многословном заглавии она могла быть обозначена как целый ряд экскурсов: «Пушкин и 1812 год», «Пушкин и его южная ссылка», «Пушкин и декабристы», «Генералы-друзья и генералы-враги» и т.д.

Кроме того следа, который оставил в жизни Пушкина каждый из тех конкретных людей, кому посвящены главы книги, на жизнь великого поэта, несомненно, повлияли и его отношения с Зимним дворцом как с некоей собирательной «личностью». Зимний дворец привлекал и отталкивал Пушкина, от Зимнего дворца зависела издательская судьба его произведений, в Зимнем дворце блистала Наталья Николаевна... Наконец, Зимний дворец был главным зданием «военной столицы». Интерьеры огромного дворца, сохранись

они в том виде, который был у них в первой трети XIX века, могли бы стать еще одной иллюстрацией к пушкинскому Петербургу. Но страшный пожар в декабре 1837 года уничтожил эти интерьеры. Примечательно, что именно Военная галерея (откуда, правда, успели вынести все портреты) была первым из помещений, погибших в огне. Пожар дворца, случившийся в год смерти поэта, не только символически, но и вполне реально завершил страницу жизни дворца, связанную с Пушкиным.

Академик Б.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа в 1964—1990 годах (предисловие ко второму изданию книги В.М. Глинки «Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца». Лениздат, 1988).

* * *

Владислав Михайлович Глинка был неким символом Эрмитажа, разных сторон Эрмитажа, в первую очередь эрмитажной интеллигентности и учености. Кроме того, сама судьба Владислава Михайловича была символична, как судьба именно эрмитажная — в 1930-е годы он несколько лет путешествовал по разным музеям, сопровождая коллекции русской старины, пока наконец вместе с ними не пришел в Эрмитаж. И эти коллекции стали не просто гордостью Эрмитажа. Особенно важно, что русская история в том ее варианте, которым занимался Владислав Михайлович — красивом, торжественном, парадном, военном, — является характерной частью черт необыкновенного лица Эрмитажа, — ни у одного музея нет той государственной значимости, культурно-государственной значимости, которая есть у Эрмитажа. И роль, которую играл

в Эрмитаже Владислав Михайлович, была великолепным олицетворением этой значимости.

Ну а если говорить не об Эрмитаже, а о себе, то у нас всегда был праздник, когда Владислав Михайлович заходил к нам домой. Жили неподалеку, и когда он, гуляя, заходил к нам, это всегда был праздник, притом не только для родителей, но и для нас, детей, потому что каждый раз даже просто видеть его было и величайшим удовольствием, и величайшей школой — я никогда больше не встречал людей столь элегантных и элегантно-умных, как Владислав Михайлович...

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа (предисловие к книге «Хранитель», изд. АРС, 2003).

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

Памяти моих товарищей — музейных работников всех категорий, умерших в Ленинграде в 1941—1942 гг.

1

Я убежден, что первый год блокады был одним из самых страшных для истории России, был он и самым страшным из пережитых мной. При этом жизнь моя не была легкой, а была такой, как у большинства моих современников и соотечественников, средних по способности интеллигентов. Но по сравнению с теми из них, кто прошел тюрьмы, лагеря, активно воевал или потерял во время войны многих, а то так и всех близких, я прожил счастливо. Дожил до 76 лет, болею только обычными стариковскими недугами, у меня есть родные и друзья, которых люблю, я всю жизнь занимался тем, что считал полезным окружающим и что мне давало удовлетворение, наконец, сейчас не утратил трудоспособности, хотя, очевидно, она слабеет. Последнее и заставляет меня, приехав на отдых в тихую Эльву, взяться не за статью, заказанную Институтом русской литературы, и не за рассказ для журнала, а за воспоминания 1941—1942 годов. Боюсь откладывать дальше. То, что прошло уже сорок лет, не особенно меня смущает. Даже кажется, что память сохранила ясными именно главные эпизоды виденного и пережитого, отбросив все второстепенное, и это теперь облегчает мою задачу. Вероятно, и сейчас не заставил бы себя последовательно вспоминать то страшное время, если бы встретил в напечатанном справедливое его отражение. Конечно, я читал не все, что печатается о блокаде, но читанное мной, за редчайшими исключениями, преступно лживо, если автор пытается

отразить будни среднего ленинградца, чудом не умершего от голода. Или написано, может, несколько правдивее, но тогда с позиций людей, живших в привилегированном положении — генералов, ответственных работников, жен подобных лиц, вроде супруги директора мединститута В.М. Инбер и т.п. Большинство первых писали свои воспоминания так, чтобы их напечатали, то есть прежде всего распространялись о различных проявлениях героизма ленинградцев, которые «умирали, но выстояли». В этих воспоминаниях намеренно умалчивалось о таких общеизвестных явлениях, как грабеж управхозами имущества умерших и спекуляции их продовольственными карточками, о черном рынке, где за продовольствие отдавали все — от одежды и обуви до бриллиантов и регалий, умалчивалось даже о судьбах таких многочисленных категорий населения, обязательно виденных всяким жившим тогда в Ленинграде, как сотни тысяч бездетных одиночек — холостяков, незамужних или вдовых, существовавших до войны на скромную зарплату, а также стариков и старух, родителей солдат и офицеров, бывших на фронте или уже там погибших, об их женах и детях, если они не эвакуировались и не были особенно «пробивными». А именно эти группы населения были обречены умереть раньше других. Если же что и было написано обо всем этом в воспоминаниях блокадников, принятых к печатанию, то редакторы потрудились начисто убрать все не входящее в установленный свыше «канон» героизма. Пожалуй, особенно гадкими кажутся мне поддельные дневники.

Прежде чем начать свое повествование, скажу, что буду описывать только то, чему сам был свидетелем или, в немногих случаях, что слышал от людей, мною здесь названных и заслуживающих, на мой взгляд, абсолютного доверия.

Война застала меня старшим научным сотрудником отдела истории русской культуры Эрмитажа, переведенного в Эрмитаж только в марте 1941 года. История этого отдела столь характерна для недавнего прошлого и так тесно связана с последующим рассказом, что я напишу о нем несколько страниц.

Образованный в Русском музее вскоре после 1917 года, он носил название историко-бытового отдела (сокращенно ИБО), имея целью параллельно с выставками художественного и этнографического отделов освещать историю быта исчезнувших в результате революции классов царской России. Первоначально отдел размещался в особняке графов Бобринских на Галерной улице, куда свозились и собирались из брошенного владельцами или конфискованного имущества коллекции и где был открыт ряд экспозиций, последней из которых являлся «Купеческий портрет XVIII—XIX вв.». Материалы этой выставки в значительной мере были собраны в провинции экспедициями ИБО и поражали знатоков и рядовых посетителей выразительностью и своеобразием материала, дотоле неизвестного и, скажу в скобках, доньше не опубликованного. Перед вами открывалась целая галерея типов купцов и простых мужиков из произведений Островского, Мельникова-Печерского и Мамина-Сибиряка.

Во главе Русского музея стояли в те годы Н.П. Сычев, затем И.А. Острцов, всемерно поддерживавшие работу ИБО, филиалом которого был Фонтанный дом графов Шереметевых. В Фонтанном доме наряду с залами естественно сложившихся коллекций, великолепно отражавших дворянский быт, существовала большая и очень тщательно сделанная выставка «Труд и быт крепостных XVIII—XIX вв.». Для размещения фондов

экспозиций ИБО, явно стесненных в небольшом доме на Галерной, предназначался еще не отделанный внутри флигель Русского музея, построенный А.Н. Бенуа. Дирекция Русского музея испрашивала средства на его отделку, чтобы отдать флигель именно ИБО, деятельно собиравшему материал для экспозиции по быту рабочего класса. А для сбора материалов по купечеству отдел организовал ряд экспедиций на Урал, в Тулу, Иваново-Вознесенск, Петрозаводск и другие центры русской промышленности, не говоря уже о заводских районах Петербурга.

Переезд в здание на канале совершился в 1928 году, и вскоре здесь открылась выставка «Быт русских купцов и промышленников XVIII—XIX вв.», где особенно удались «уголки» интерьеров от комнат Сердюкова (начала XVIII в.) до гостиных петербургских гостиных дворов 1840-х и банкира 1870-х годов. Вскоре после этого открылась выставка «Быт рабочего класса 1890—1917 гг.», и подготовлялись ее предыдущие разделы. Но тут над Русским музеем разразилась гроза. В связи с делом академиков С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле были арестованы и осуждены сотрудники ИБО: профессор М.Д. Присёлков, завхудожественным отделом П.И. Нерадовский, Н.П. Сычев, этнограф А.А. Миллер и ряд других ученых. Вскоре за ними последовал один из руководящих сотрудников ИБО — Н.Е. Лансере.

*Л.Л. Раков, ученый секретарь Эрмитажа
в 1930-х годах*

*Все испытавшие хоть «легчайшее» прикосновение
грозного слепого рока тех лет навсегда запомнили, как
было «тяжело пожатье каменной его десницы».*

В исторической науке уже с первых лет четвертого десятилетия можно было расслышать приближающийся грохот шагов командора. «Классовый враг на историческом фронте» — так называлась общегородская дискуссия, открывшаяся в связи с суровыми обвинениями, которые предъявлялись академикам Е.Б. Тарле, С.Ф. Платонову и их многочисленным «единомышленникам».

С тех пор многое забылось, и, быть может, следует напомнить, что именно инкриминировалось этим людям. Сообщалось, что Е.В. Тарле готовился принять пост министра иностранных дел в кабинете, который собирался сформировать глава «технократов» инженер Рамзин, что С.Ф. Платонов поддерживал связь с белой эмиграцией, что в своих работах эти ученые, их друзья и ученики выступали в качестве прямых апологетов интервенции и т.д. и т.п.

Место Присёлкова занял профессор В.Н. Кашин, под руководством которого ИБО создал выставку «Феодально-крепостная Россия XVIII века». Но в 1932 году Кашин был также арестован, и для отдела наступил период долгого творческого бездействия и тяжких физических передрыг. А во главе Русского музея на несколько лет оказался некто тов. Гуревич. Он носил наименование художника и до музея чем-то заведовал. Гуревич решил уничтожить ИБО и завладеть флигелем Бенуа для расширения экспозиции художественного отдела по советскому искусству. После ареста Кашина заведующим историко-бытовым отделом был назначен не-

кий тов. Санько, выдвинутое из рабочих «лицо без речей», пасовавший перед крикливым и наглым Гуревичем, к тому же плохо разбиравшийся в том, куда и зачем его назначили. Пробыл он в отделе недолго, и вскоре на его место прибыл некто В.В. Сахаров, лет далеко за шестьдесят с беспорочным и давним партстажем и наружностью побритого Деда Мороза — лицо ровно красное с белыми густыми бровями. Он поначалу нас всех обрадовал — с дореволюционным университетским образованием, воевал в 1914—1917-м, потом в Красной армии командовал полком и бригадой. Но был он ранен, контужен, и, очевидно, годы брали свое — часто болел и тоже пасовал перед Гуревичем и перед склоненными тем на свою сторону партийными инстанциями. Назначение заведующего ИБО, несомненно, согласовывалось с Гуревичем, а он давал согласие на таких, если точнее называть, убогих, которые не мешали его захватническим планам. И заведующие менялись один за другим, а практически во главе отдела оказался в это время самый молодой из действительных членов (так звались тогда помощники завотделом) Михаил Захарович Крутиков, человек умный, знающий, с хорошим художественным вкусом, но неспособный повысить голос, в прямом и переносном смысле, и всегда до тех пор игравший вторые роли. Союзником и единомышленником М.З. Крутикова был только один В.К. Станюкович, состоявший в такой же должности действительного члена ИБО. До 1930 года он заведовал Фонтанным домом, музей дворянского быта в котором к этому времени был ликвидирован как никому не нужный. Причем часть музейного имущества и вся выставка «Труд и быт крепостных» поступила в ИБО. Действуя в обход вечно

хворавшего Сахарова, Крутиков и Станюкович обдумывали пути спасения коллекций ИБО, инвентарные номера которой перевалили за 300 тысяч единиц. Конечно, за единицу при этом считалась каждая колода карт в коллекции, собранной когда-то генералом Ивковым, и каждая коробка оловянных солдатиков, а то так и отдельная фигурка. Но рядом с этим существовали и большие, неповторимые коллекции живописи, рисунков, гравюр, костюмов, осветительных приборов, самоваров, фарфора, стекла, мебели, нумизматики. И так, план был придуман, и Крутикову со Станюковичем удалось договориться с директором Музея Революции М.Б. Капланом (беспартийным юристом, создателем Петроградского музея Революции, стоявшим во главе его до 1934 года) в том, что ИБО войдет на правах отдела в Музей Революции, имевший в Зимнем дворце пустовавшие залы. План состоял в том, чтобы отдел был впущен в Зимний с перспективой в будущем стать ядром Ленинградского исторического музея.

Впрочем, о перспективах в то время думать и говорить приходилось наспех, Гуревич при поддержке парторганизации Союза художников наступал на отдел нагло и непрерывно. Он кричал, что выбросит из стен художественного музея старый хлам, принадлежавший классовым врагам, и освободившуюся площадь для экспозиции предоставит Союзу художников. А у нас в отделе в это время не было ни одного партийца — даже калеку Сахарова успели куда-то перевести, или он опять болел, точно не помню. И Гуревич нас выбросил или подбросил, но глагол «бросить» тут должен участвовать непременно. За десять дней при помощи роты красноармейцев все имущество ИБО водворилось в Зимний

дворец. Я в это время с утра до ночи паковал в ящики коллекции, которыми ведал — гравюры и литографии, лубки и прочие печатные материалы. Потом помогал нумизматам и еще кому-то. Когда же наконец тоже прибыл, сопровождая свои ящики, в Зимний, то Михаил Захарович, заметно за эти дни похудевший и осунувшийся, позвал с собой меня и Валентина Борисовича Хольцова и повел посмотреть то, как «уложили мебель». До сих пор вижу как в кошмаре: в двух залах, выходящих на Неву — в бывшей половине последней царицы — нагроможденную почти до потолка нашу коллекционную мебель. Сколько при этой перевозке и забрасывании «все выше и выше» было переломано ценнейших предметов из строгановской усадьбы Марьино, из шереметевского Фонтанного дома, особняка Бобринских на Галерной, из дома купцов Терликовых, из митрополичьих покоев в Александро-Невской лавре, из особняка Штиглицев-Половцовых и множества других! Карельская береза, красное дерево, персидский орех, палисандр, бронзовые каннелюры, золоченые сфинксы, прорванные шелковые сиденья и ручные вышивки — все это громоздилось перед нами. Отдельной горой были сложены обломки — локотники кресел, ножка клавесина, подножье арфы с педалями.

Всегда сдержанный Хольцов, назвав Гуревича подлецом и Геростратом, предложил все сфотографировать и послать в газету. Крутиков ответил, что надеяться на то, что это напечатают, нечего. Он добавил, что умолял политрука, который командовал перевозом, обращаться с имуществом бережно, объясняя, сколь ценные экземпляры они перевозят. Но в ответ услышал, что в полковой клуб приезжал сам товарищ Гуревич

и просил, чтобы побыстрее, это, мол, надо для советского искусства...

Нагромождение мебели мы все-таки сфотографировали на тот случай, если документ в будущем удастся где-нибудь предъявить.

3

С Крутиковым и Хольцовым я познакомился в декабре 1932 года, когда пришел в ИБО из Гатчинского дворца-музея. Я застал там дух решительного и резкого В.Н. Кашина, после исчезновения которого всех сотрудников посадили за подробную инвентаризацию коллекций, продолжавшуюся вплоть до «перевосстановки» в Зимний дворец. За эти два года я близко сошелся с Крутиковым и Хольцовым. Очень различные по происхождению, характерам, условиям воспитания и образования, эти двое в далеко еще не оконченной борьбе за судьбу бывшего ИБО постоянно объединяли свои силы. Михаил Захарович был серьезный музейщик, вещевед и экспозиционер. Валентин Борисович, начитанный, знавший немецкий и французский языки, окончивший два факультета университета, был чужд музейной жилке, но отлично владел пером и охотно развивал и облакал в письменную форму проекты Михаила Захаровича, которые как бы сами ложились на бумагу, выводимые его красивым разборчивым почерком. Валентин Борисович любил и умел писать письма, отчеты, доклады, проекты, основные мысли которым давал Крутиков. Моя роль в этом трио была совещательная, и когда надо — представительская, о чем речь будет дальше.

Мы встречались ежедневно не только в музее, но в течение полутора лет еще вечерами в Центральном историческом ар-

хиве, где работали над выявлением материалов для написания вступительных статей к сборнику докладов по истории удельных княжеств, заказанному нам архивом, на две трети оплаченному, но так и не выпущенному. Могу сказать, что оба мои друга чрезвычайно снисходительно относились к отсутствию у меня систематических знаний, неумению планомерно работать, разбросанности интересов, глупой вспыльчивости. При этом отношения с Валентином Борисовичем были ближе и душевнее. Он был мягкий, доброжелательный, отлично образованный интеллигент, очень скромный и деликатный. Нам всегда находилось о чем поговорить, и мы нередко бывали друг у друга. Я очень любил слушать его очень живые и всегда чуть юмористические воспоминания о приключениях юности, о театрах дореволюционного Петербурга-Петрограда, об университете, в который он поступил, кажется, в 1912 году. Валентин Борисович с женой Ниной Алексеевной и сыном Алешей 8—10 лет жили в двух небольших комнатах на Каляевой (Захарьевской), в квартире, издавна принадлежавшей его родителям. Отец его — известный профессор-уролог Борис Николаевич (скончался в 1940 году) частенько приходил пить вечерний чай к сыну, когда я бывал у него. Рассказывая о Валентине Борисовиче, не могу опустить, что именно он познакомил меня с рядом авторов — Стефаном Цвейгом, Фейхтвангером, Хемингуэем, о книгах которых тогда много говорили. Именно ему я решился показать свои первые литературные опыты. Это были главы из несостоявшегося романа и пьеса. Прочтя, он сказал, что взял рукопись со страхом, но теперь рад за нас обоих... Кажется, единственный человек за мою жизнь, кроме нянюшки Елизаветы Матвеевны, Валентин Борисович звал меня ласкательным Владичка...

Итак, коллекции отдела были переведены в Зимний дворец. Но и здесь верного пристанища мы не нашли. Скоро участливо принявший нас М.Б. Коган был переведен в заместители директора по научной части, а директором был назначен тов. Эйзенштадт — добродушный, вежливый, редко тихо и бледнолицый рижанин, с большим партстажем, но с полным отсутствием административного дара и оперативности. На обстоятельную докладную записку Михаила Захаровича и Валентина Борисовича о радужных перспективах исторического отдела в стенах Музея Революции и полезности его для учащихся как средних, так и младших классов школ Ленинграда он отвечал, что «надо подумать, посоветоваться», да так и исчез из музея через год, ничего не решив. На его место был назначен человек значительно более молодой и совсем другого стиля — С.И. Аввакумов. Он быстро не поладил с Капланом, пользовавшимся симпатией большинства сотрудников, и убрал того из музея, кое-кого уволил, привел кое-кого новых и занялся переделками экспозиции, по правде сказать, довольно устаревшей и неудачной. Вероятно, из бывших сотрудников ИБО я в годы 1934—36 был самым счастливым, ибо не мог всецело погрузиться в тревоги за судьбу отдела и связанную с ним свою собственную. Меня назначили заведовать филиалом Музея Революции — Музеем-усадьбой Грузино.

Усадьба Грузино находилась на правом берегу реки Волхова, в 135 верстах от С.-Петербурга, в 80 — от Новгорода и в 12 — от Чудова. В старину здесь суще-

ствовал грузинский погост Заонежской пятины, принадлежащий Воскресенскому Деревяницкому монастырю. В 1705 году Петр I подарил Грузинскую волость князю А. Меншикову, после опалы которого она была возвращена монастырю. Затем Грузино поступило в экономическое ведомство, и в 1796 году Павел I подарил имение Грузино А.А. Аракчееву. Для него за короткий срок и была создана Ф.И. Демерцовым усадьба с многочисленными постройками, памятниками, садами, парками и прудами. В 1920—1930-е годы большая часть взятых на охрану государства усадеб была запущена и полуразрушена. Таким было и Грузино, ставшее историко-бытовым музеем.

Я много раз туда ездил, очень подружился с тамошним самоотверженным хранителем П.А. Чернышевым и устроил там выставку по истории военных поселений и восстания в них в 1831 году. Размещалась она в верхних залах пустовавшего Аракчеевского дворца. А мои товарищи в эти годы были, в сущности, без дела. Распаковывать свои подопечные материалы, лежащие в ящиках после перевозки, пока что было не для чего.

Наконец, почти через два года напряженного существования, Михаил Захарович возложил на меня ответственное поручение — добиться свидания с заведомо идеологии и пропаганды Ленинградского обкома партии Б.П. Позерном и привлечь его внимание к судьбе отдела. Собственно, путь операции был четко намечен самим Крутиковым. Взяв прицел на образованного Позерна, Михаил Захарович как-то

прознал, что тот живет в доме 26/28 по Кировскому проспекту на одной лестнице с Натальей Васильевной Крандиевской-Толстой, разведенной женой писателя Алексея Николаевича. А мы все после весны 1936 года слышали, что Никита Толстой, влюбленный в Наташу Лозинскую, отстоял через отца-писателя знаменитого переводчика и поэта Михаила Леонидовича Лозинского с семьей и спас их от высылки из Ленинграда. Знал Михаил Захарович также, что по работе в Петергофе я знаком с Татьяной Борисовной Лозинской, возглавлявшей там в 1920-е годы школьную экскурсработу. Вот я и получил задание просить Татьяну Борисовну представить меня Наталье Васильевне и, буде та меня примет, просить устроить мне свидание с Б.П. Позерном или хотя бы, если сочтет свидание неудобным, рассказать ей о наших злоключениях и просить передать Позерну нашу докладную. Я уговаривал Михаила Захаровича идти со мной, но он сказал, что ему это неловко и он вполне надеется на меня. Я уже говорил, что пользы от меня в отделе было немного, и решил подчиниться.

Все вышло очень легко и быстро. Т.Б. Лозинская пригласила меня прийти в тот же вечер, когда я ей позвонил, и тут же при мне по телефону попросила Наталью Васильевну меня принять. На другой день я отправился на Кировский, 26/28. В то время, несмотря на сравнительно недавнее убийство Кирова, никакой охраны в этом доме я не заметил. Только женщина-швейцар спросила меня, куда я иду, и назвала, какой этаж. Наталья Васильевна приняла меня очень любезно, просила сесть и рассказать свое дело. Она была еще очень хороша собой. Стройная фигура, ясное свежего цвета лицо, умные глаза.

Выслушала внимательно, расспрашивала, ужаснулась, когда я показал фотографию наваленной мебели. Сказала, что это надо обязательно приложить к докладной записке, которую (она постарается) я бы мог лично вручить Позерну.

Через несколько дней Наталья Васильевна позвонила мне по телефону и сказала, чтобы я пришел в воскресенье днем в такой-то час. Когда я явился, она сказала, что сейчас приедет Борис Павлович, которому она меня уже отрекомендовала, и он меня выслушает.

Это был за всю мою жизнь единственный разговор с крупным партийным работником. Начну с того, что через пять минут после моего прихода Позерн позвонил по телефону, осведомился, пришел ли я, и просил извинения, что задержится немного, так как у него врач. Наталья Васильевна пригласила меня, пока ждем, выпить у нее чаю. За столом я познакомился с Митей¹ — сыном Натальи Васильевны, тогда еще мальчиком в коротких штанишках. Столовая была обставлена так же, как и та комната, где я был в первый раз: кабинетные стулья и дорогой новый диван, хорошая бронза, хороший фарфор. С 1923—1925 годов, когда я бывал у С.Н. Тройницкого, я видел там А.Н. Толстого и знал, что он, получая огромные гонорары, покупал старинную мебель, фаянс, бронзу, советовался с Сергеем Николаевичем.

Тройницкий Сергей Николаевич (1882—1948), крупнейший искусствовед, в 1918—1927 годах — директор Эрмитажа. Один из основателей и издателей журнала «Старые годы», издатель журнала «Гербовед».

Как можно понять из написанного В.М. Глинкой, С.Н. Тройницкий, как знаток искусства и музейный работник, был для него в течение всей жизни примером специалиста высочайшей научной квалификации, соединенной с высокими нравственными принципами.

В 1930-х годах С.Н. Тройницкий подвергался репрессиям. Последние годы его жизни прошли в Москве, где он, скитаясь по наемным квартирам, не нашел себе ни признания, ни заработков, ни крова. Конец его дней в казенной больнице, отягощенный безденежьем, ощущением бездомности и ненужности никому того, что было для него содержанием его жизни, был трагичен.

Едва мы выпили по чашке чаю, как появился Позерн. Он поцеловал руку Натальи Васильевны, поздоровался со мной. Он был коротко стриженный, с проседью, с небольшой бородкой. Галифе и френч. Обут в высокие сапоги с мягкими голенищами. Это я запомнил особенно ясно, потому что, извинившись у Натальи Васильевны, он положил ногу на другой стул, ловко подложив под нее вынутый из кармана платок. Нога у него болела, и именно по этому поводу был у него врач. Усевшись, он сразу же попросил рассказать, в чем наше дело. Я долго готовился к этому совещанию, несколько раз писал конспект, что надо говорить, и тут, видимо, затараторил так, что он меня остановил:

— Не так быстро, молодой человек...

Слушал он внимательно, глядя холодноватыми умными глазами, несколько раз морщился и передвигал ногу...

Выслушав, взял в руки принесенную мной записку, глядя на приклеенную к листку фотографию, покачал головой. Встал, взял со стула платок, поцеловал руку Натальи Васильевны, пожал мне руку и, прихрамывая, вышел, не произнеся более ни слова. Наталья Васильевна сказала, что у бедняги, верно, очень болит нога. Но она надеется, что он сделает что может.

Прямо оттуда я направился к Крутикову, который жил неподалеку, и все ему пересказал. Мы оба радовались. Нам казалось, что наконец дела нашего отдела пойдут на лад.

А вскоре мы узнали сначала из слухов, что весь состав Ленинградского обкома и горкома арестован, а еще через какое-то время стало известно, что почти все начальство Ленинграда, и в частности Позерн, расстреляны как враги народа.

Наша докладная, вероятно, была где-то среди бумаг Позерна. И хоть она была без адреса, без обращения и без подписи, однако, если захотели бы узнать, кто ее писал, так недолго было и найти... Но пронесло.

Так кончилась наша попытка искать правды у вышестоящих партийных лиц. А я, вспоминая разговор с Позерном, не могу отделаться от мысли, что, помимо боли в ноге, его мучило еще что-то посерьезней...

В Большой Советской энциклопедии первого выпуска Б.П. Позерном подписана большая статья о Кирове. Приведем из нее несколько фраз:

«...1/XII 1934 Киров был по прямым указаниям Зиновьева и Троицкого предательски убит Николаевым,

членом троцкистско-зиновьевской террористической фашистской банды. Эта банда, являясь передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии и действуя совместно с фашистским Гестапо, ставила своей задачей реставрацию капитализма в СССР и считала основным средством своей борьбы с Советской властью индивидуальный террор против вождей партии...» (БСЭ, 1936, т. 32, с. 410).

Ритуальные слова, ритуальное поведение... Партийная фразеология не допускала никаких вольностей, игра была одна. А быть вне этой игры Б.П. Позерн сначала не желал, а потом, видимо, уже и не мог.

Зная характер Сталина, он, конечно, понимал, чем грозит сам факт пребывания на верхах. Не мог он не помнить и того, как сам голосовал за уничтожение Зиновьева и прочих, когда-то столь близких ему товарищей. Но бежать было некуда, апеллировать не к кому.

5

Прошло два месяца, и вот мы с Михаилом Захаровичем идем почти туда, откуда нас выгнал Гуревич — на другой конец того же квартала, к директору Музея этнографии Н.Г. Таланову. В кармане Крутикова новая докладная о судьбе нашего отдела с предложением создать из него исторический отдел ГМЭ. Ведь история и этнография — сестры. Н.Г. Таланов, с которым по прежней работе в Русском музее мы оба были знакомы, принял нашу миссию сочувственно и обещал включить нашу докладную в собственный доклад,

двинув его вверх в Москве. И вот мы перебираемся в Музей этнографии. Страшно вспомнить перевозку наших коллекций на угол Садовой и Инженерной и в закрытый костел Св. Екатерины, где я обосновался с коллекцией живописи и рисунков. Лишь позднее была оборудована кладовая с полками, но холсты так и оставались связанными в пачки с прокладками мятой бумаги под углами. В костеле было просторно и сухо, хотя отопление не действовало, и от холода погибал на хорах лучший, как говорили, орган в Ленинграде — болело чумой олово. В других кладовых, куда перевели наши коллекции, было донельзя тесно, и при перевозке опять многое пострадало.

Здесь уместно будет сказать, что все годы моей музейной работы, вплоть, пожалуй, до 60-летнего возраста, мне, как и другим мужчинам, обладавшим хотя бы средними физическими силами, доводилось исполнять постоянную работу грузчика и музейного рабочего. Вспоминаю хотя бы свое хранение в костеле Св. Екатерины. Перевозившие наше имущество красноармейцы опять свалили пачки связанных картин горами у входа с Невского, тут же оставили и ящики с рисунками и акварелями. И я почти ежедневно растаскивал эти связки и расставлял их по большому зданию, группируя по темам. На ярлыках, прикрепленных к подрамникам, мы при упаковке старались примерно обозначить групповые признаки экспонатов — «семейный портрет», «пейзаж», «жанровая сцена» и т.д. Подобная нагрузка лежала на нас и при устройстве выставок — поднести, поддержать, повесить, укрепить; все это без помощи рабочих команд мы делали сами — сколько времени пройдет, пока их дозовешься...

Из воспоминаний Г.В. Вилинбахова

К тому времени, когда Владислав Михайлович заведовал коллекциями, хранившимися в костеле, относится следующий эпизод. В.М. рассказывал, что как-то ночью он был разбужен телефонным звонком и получил указание немедленно отправиться в костел, поскольку возникла надобность в том, чтобы открыть двери и впустить по удостоверениям тех, кто прибудет. В.М. отправился в костел, и через некоторое время появилось несколько сотрудников НКВД и с ними какие-то штатские люди.

Происходило это году в 37-м или в 38-м году. У Владислава Михайловича в это время уже сидел под следствием брат, обвинявшийся во вредительстве (якобы за отравление лошадей на конном заводе), и можно себе представить, какого рода ощущения овладели им, когда он увидел, у кого возникла необходимость внезапно обследовать его заведование, да еще и ночью. Но когда он своими ключами открыл двери, выяснилось, что ни он сам, ни то, чем он заведовал, ночных посетителей совершенно не интересует. Вызвали В.М. только для того, чтобы он открыл двери. Из услышанных реплик он понял, что на правительственном уровне достигнуто соглашение о передаче полякам праха последнего короля Польши Станислава-Августа Понятовского и о перевозе гроба в Польшу. Гробница Понятовского находилась в костеле. Тут В.М. разглядел среди посетителей поляка. Это был то ли ответственный дипломат, то ли даже сам посол.

Как именно вскрывали гробницу, а потом открывали гроб, В.М. не рассказывал. Говорил, что, как он помнит, на останках Понятовского был голубой кафтан, отделанный серебром, и лента ордена «Белого орла». А на голове оказалась тонкая золотая корона, и была на короне надпись, точные слова не помню, но что-то вроде: «Королю Польши от императора Павла». Из-за этой короны возник спор. Наши, конечно, стали говорить, что никакой договоренности о передаче драгоценностей не было, но поляк стоял на своем — якобы договоренность касалась всего гроба с прахом целиком и, мол, никаких ни полномочий, ни оснований для того, чтобы с праха что-либо снимать и из гроба что-то изымать — у нашего представителя нет. Вероятно, опасение, что грянет дипломатический скандал, у наших представителей пересилило страх за несанкционированную отдачу короны. К тому же корона явно была очень легкой, можно сказать, декоративной, и спор закончился в пользу поляка.

Наличие праха было удостоверено, гроб закрыли, общими усилиями всех находившихся в костеле извлекли из гробницы, вынесли на Невский, погрузили и увезли.

На том дело и кончилось, но племянник В.М. говорил мне, что когда они с дядей как-то шли мимо костела, дядя, остановившись, сказал, что Понятовскому, которым, как шахматной фигурой играла Екатерина Вторая, и после смерти все никак не удается уйти из-под власти России. Мало того, что тот доживал свой век в Петербурге лицом совершенно второстепенным, мало того, что здесь был и погребен, но и через сто со-

рок лет, когда его прах наконец был увезен на польскую территорию, этот прах очень скоро снова оказался на территории СССР — Львов, куда его увезли, в 1939 году был присоединен в составе Закарпатья к СССР.

В Музее этнографии Михаил Захарович очень быстро создал выставку «Россия в XVIII веке», постаравшись несколько смягчить вульгарную социологичность, которая предписывалась нам сверху. На выставку устремился поток поклонников. Книга отзывов была полна благодарностей и просьб создать продолжение ее, показав XIX век. Крутиков и Хольцов уже задумывали план этой новой выставки, когда был арестован Таланов, и на место его после короткого интервала был назначен Е.Г. Мильштейн. Ему рост нашего отдела не показался желательным. Тем более что нам благоволил его «криминальный» предшественник. К тому же этнографы, которые за два года не открыли ни одной новой выставки, начали жаловаться на нас, указывая, что мы отнимаем у них площадь и что вообще нелепо соединять историю с этнографией. Михаил Захарович пытался обратить внимание тов. Мильштейна на сравнительные цифры, характеризующие посещаемость нашего и чисто этнографических отделов, но это не помогло. Новый директор стоял на том, что музей называется этнографическим, значит, таким он и должен быть. И снова в конце 1940 года Крутиков и Хольцов засели за докладную записку, а затем Михаил Захарович и я отправились с «челобитной» на этот раз к директору Эрмитажа И.А. Орбели. Хитроумные авторы записки предложили на этот раз создать в Эрмитаже отдел

истории русской культуры, аналогичный по содержанию уже созданным отделам Востока и первобытного общества.

Здесь следует сказать, что одной из главных, а может быть, и главной страстью И.А. Орбели в годы его управления Эрмитажем была перепланировка здания Зимнего дворца и его приспособление к музейным нуждам. Можно сказать с уверенностью, что не сидение в кабинете и выступления на собраниях, а поездки И.А. в Москву по делам Эрмитажа решали многое. Иосиф Абгарович с архитектором А.В. Сивковым, или гл. инженером П.П. Фирсовым, или, наконец, в одиночку обдумывал перепланировки бесчисленных закоулков доставшегося ему Зимнего дворца. Ведь в 1917 году в Зимнем насчитывалось 1110 комнат, а сейчас их там 400. И это заслуга именно И.А. и его помощников по стройчасти.

Александр Владимирович Сивков (1890—1968), в 1909—1917 годах прошел курс профессионального обучения в Академии художеств, в 1917—1925 годах работал как художник-декоратор и реставратор (Летний дворец Петра I). С 1925 года он главный архитектор Эрмитажа. В 1942—1944 годах был в командировке в Ереване (одновременно с И.А. Орбели), где выполнил исследование об основных закономерностях архитектурных памятников Урарту. В истории Эрмитажа как музейного комплекса А.В. Сивкову принадлежит почетное место создателя единого архитектурно-планировочного проекта, а также архитектора, под непосредственным оком которого этот проект был претворен в реальность.

В сентябре 1950 года Сивков был арестован по «делу об обнаруженных в Эрмитаже хозяйственных злоупотреблениях». Он был исключен из партии, и, хотя его освободили в 1951 году под подписку о невыезде, в 1952-м последовал вторичный арест, суд, а затем и приговор на 12 лет. Сивков, он был уже пенсионного возраста, отбывал заключение на Куйбышевстрое. Но, по-видимому, вина его была не столь значительна, сколь несчастливими для всего, что касалось культуры Ленинграда, были годы 1950—1952-й. На Куйбышевстрое Сивков получает одну за другой благодарности и денежные премии, и уже в 1954-м он досрочно освобожден, а в 1955-м снова на должности главного архитектора Эрмитажа. В этой должности он и пребывает до конца своей трудовой жизни, в последний период, вероятно, по причинам чередующихся месяцев нездоровья и относительной бодрости то, уходя на покой, то, опять возвращаясь к работе в Эрмитаже. Преобразования зданий Эрмитажа в тот великолепный музейный ансамбль, что мы сейчас видим, было, несомненно, содержанием жизни архитектора. Из ветеранов Эрмитажа, тех, кто знал А.В. Сивкова, мне удалось поговорить только с хранителем Николаем Николаевичем Никулиным.

— Он много полезного сделал, очень много, и был большим патриотом Эрмитажа, — сказал Николай Николаевич. — Сивковский переход между Зимним и Эрмитажем знаете? Помню, в одной двери красного дерева в этом переходе торчал после войны большой осколок артиллерийского снаряда... Я уговаривал Сивкова не вынимать этот осколок. Память же... Но не уговорил. А вот другой пример... В западной части кры-

ши Зимнего дворца, ну, на той стороне, что глядит на Адмиралтейство, есть башенка светового «телеграфа Шиллинга». Этим телеграфом Зимний дворец связывался с Кронштадтом, а по цепочке сигнальных вышек и с Варшавой... И я как-то у Сивкова спросил: почему, раз Зимний дворец избавляется от позднейших напластований, не убрать эту башенку? Иностранная, поздняя, это ведь уже середина XIX века. Надо, мол, и ее убрать... Нет, говорит, вот ее-то как раз надо оставить. И слава богу, меня не послушал...

Забегая вперед, замечу, что уже после войны, когда выяснилось, что отсутствие отопления во время блокады нанесло зданию огромный ущерб — тут Иосиф Абгарович с главным архитектором и главным инженером порой буквально сутками пропадал в залах и галереях, так что туда ему даже носили на подпись бумаги. Слов нет, приспособить огромное здание к благородному назначению служить экспозиционным полем великому искусству — цель, достойная всяческого уважения, но к достижению этой цели имелись препятствия...

Из верных источников Крутиков узнал, что И.А. Орбели спит и видит, как бы выжить из здания Зимнего дворца вовсе к этому времени захиревший Музей Революции. Директором этого музея была С.И. Павлова, которой не под силу стало тягаться с планами Орбели, искавшим только рычага, чтобы повернуть путь Музея Революции к дверям Зимнего.

А русский отдел стал как раз таким рычагом. Ведь с 1938 года в стенах Эрмитажа уже существовала большая выставка «Военное прошлое русского народа», инициатором

и создателем которой был талантливый ученый секретарь Эрмитажа Лев Львович Раков². В создании этой выставки участвовал и я, как приглашенный по договору помощник, отчего Орбели знал меня в лицо и даже по имени-отчеству.

Приняты мы были очень доброжелательно. Иосиф Абгарович, как говорят, заболел идеей нового отдела, русский патриотизм, повторяю, был в это время в самой моде. Новая докладная записка оказалась на письменном столе академика и, приобщенная к докладу, была отвезена в Москву. Скоро оттуда пришел приказ о создании нового отдела и переводе его в Эрмитаж, для чего Музею Революции предлагалось отдать ряд помещений. Но при этом было приказано сократить штат нашего отдела до трех единиц. Выбор их был очень труден для Михаила Захаровича, мотивировать этот выбор надо было и перед коллективом, и перед Орбели. Приходилось отказываться от тех, кто не имел хранения, кто не был искусствоведом. А таковым являлся у нас Валентин Борисович, более всех нас сидевший на «письменном» труде. За годы злключенияй отдела мы трое особенно сблизились и бесчисленное число раз совещались, как выбраться из Музея Революции, а потом и из Музея этнографии. Мы сообща работали в архивах и проводили вместе множество часов в читальном зале, наконец, дружили, как говорят, «домами». Словом, решение оставить Валентина Борисовича вне отдела, хоть это и не лишало его работы — в Музее этнографии его сразу же назначили на такую же ставку — далось Михаилу Захаровичу очень тяжело. Неприятно было, конечно, и мне. Как будто в чем-то словчил перед другом. Отчасти утешало только то, что и в новом отделе Валентин

Борисович при его культуре и знаниях найдет себе дело. Орбели нас обнадеживал — надо, мол, всего несколько месяцев подождать — откроются новые выставки, и он сможет расширить штат, а тогда первая же вакансия будет передана нашему другу.

В апреле и мае 1941 года мы перевезли наши фонды на этот раз без попутной спешки на машинах Эрмитажа и с помощью рабочей команды, распаковывавшей и разложившей фонды в новых помещениях. Итак, за шесть лет мы четыре раза переезжали. Русская поговорка гласит: «два раза переехать — все равно что раз погореть». Мы не погорели, но, конечно, поломяно и разбито было немало предметов. Была ли оправданна такая трата энергии, нервов и материальных средств, не говоря о том, что при этом сворачивались уже работавшие выставки?

В конце мая по приказу И.А. Орбели начала работать комиссия под председательством В.Ф. Левинсон-Лессинга, имеющая целью пересмотреть наши фонды и выяснить, что следует оставить в Эрмитаже, а что передать в музейный фонд для передачи в провинциальные музеи. Начали с просмотра коллекции живописи, затем при просмотре других материалов в работу должны были быть включены и эрмитажные экспонаты. А мы с Михаилом Захаровичем стали в свободные часы подумывать о выставке русского прикладного искусства, постоянно сожалея, что нет с нами золотого пера Валентина Борисовича.

Но тут грянуло объявление войны, и тотчас, на другой же день после извещения о ней, завертелась безумная спешка эвакуации Эрмитажа.

Должен сказать, что не являюсь поклонником И.А. Орбели, невысоко ценю его как ученого, администратора и особенно как человека. Но подготовку к эвакуации и все связанное с ее осуществлением он провел блестяще. Злые языки Эрмитажа говорили, что это успех был для него особенно важен потому, что давал возможность сравнить проведенную в 1917—1920 годах эвакуацию ценностей Эрмитажа в Москву и возвращение их в Петроград под руководством и при энергичном участии тогдашнего директора Эрмитажа С.Н. Тройницкого. Тройницкого же Орбели ненавидел и направленно порочил при каждом удобном случае. Так или иначе, но тем, как проводилась эвакуация 1941 года, Иосиф Абгарович мог гордиться совершенно справедливо.

Не знаю, во время ли финской войны или сразу после нее, всем музеям Ленинграда и пригородов был отдан приказ срочно создать планы эвакуации их собраний, разделив экспонаты по степени уникальности на очереди и заготовить под них тару, способную вынести дальнюю дорогу. Впоследствии из рассказов сотрудников других музеев я узнал, что только академик Орбели выполнил эту подготовку должным образом. Остальные этого отнюдь не сделали. Оно и понятно — зачастую органы снабжения и партийные инстанции играли здесь в привычную им игру волокиты и обмана. Когда директора музеев требовали сухих досок, пакли, жестиных скоб и т.п., необходимых для изготовления добротной тары, им отпускали это очень скупое, объясняя, что все это необходимо для кровельных работ, ремонта жилфонда и т.д. Да еще могли обвинить в попытках действовать «на

панику». С академиком Орбели так разговаривать не смели. Вопросами эвакуации занимался он сам, умел в ярости орать в трубку и, чуть что, звонил либо в Москву, либо в Горисполком прямо П.С. Попкову. Тут тон его ругани менялся (я сам был этому свидетелем), становился журчаще медовым, но настоятельности и убедительности не менял, расписывая «трудности Эрмитажа» и прося помощи. После этого все сезамы разом открывались. Так было им добыто здание Сампсониевской церкви на Выборгской стороне и получен кредит на бригаду плотников, которые там более года работали, имея под рукой все необходимые материалы и списки, составленные хранителями. С великими предосторожностями экспонаты группировали и по ящикам и по очередности эвакуации. При составлении этих ведомостей хранители должны были контактировать с главным инженером Эрмитажа П.П. Фирсовым. Больше года в церкви Сампсония заготавливалась эвакуационная тара, и с утра второго дня войны мы все, сотрудники обоего пола и любого возраста, кроме тех, кто был призван в войска, включились в работу по упаковке экспонатов первой очереди, в которую входили особая кладовая, картинная галерея и исключительно узкий список экспонатов из других отделов. Работали по 14—16 часов в сутки с 8—9 утра дотемна с перерывом на спешную еду. Часто оставались ночевать в Эрмитаже: например, мы с Михаилом Захаровичем на горе ковров в кладовой русских тканей. В эти первые три недели я работал в одной из бригад по упаковке картин. Принимая их из рам, оставляли всегда этикетку с надписью, что за картина была в раме, затем вынутую из рамы картину вставляли в гнезда

в ящиках — каждая имела свое определенное документированное место. Полотна помещались по 5—6 в ящике. Закрывали крышкой, подбивали клеенкой на пакле, завинчивали шурупы, и ящик за железные скобы-ручки отодвигали «на ход», к дверям отдела, где его брала другая бригада, несшая готовое на первый этаж. Я также мельком видел бережную укладку на машины у Комендантского подъезда, но шла она и через другие выходы. Грузовики увозили ящики на Дворцовую набережную. Далее под контролем сотрудников Эрмитажа и под охраной красноармейцев-стрелков шла погрузка в вагоны. Через три недели после начала войны ушел первый эшелон, увозя огромные ценности и группу сотрудников, составивших на время войны персонал «филиала» в Свердловске, где ящики разместили в соборе. Заведующим этим филиалом был назначен уехавший с первым эшелоном В.Ф. Левинсон-Лессинг.

Однажды во время минутной остановки на верхней площадке великолепной лестницы мы с одним коллегой наблюдали, как по тесовому настилу, на котором была разостлана ковровая дорожка, мерно плыл вниз огромный ящик без крышки. Из ящика смотрело на нас улыбающееся лицо гудоновского Вольтера. Ящик был охвачен спереди канатом, и два десятка дюжих моряков сдерживали его движение, переступая по ступенькам. Другие упирались плечами и руками по бокам, страхуя движение ящика вниз. Рядом со мной стоял сотрудник отдела Востока А.Я. Борисов, который тихо сказал мне, что немцы уже бомбят московскую дорогу и у старика есть реальные шансы никуда не доехать. Мы посмотрели друг на друга, вероятно думая об одном и том же...

Во втором эшелоне, уходившем еще через месяц, в конце августа, отправлялись некоторые наиболее ценные экспонаты нашего отдела. Среди них была «восковая персона». Устройство ее подобно манекену для рисования с шарнирами в местах сгибов. Тело ее деревянное, и только голова, кисти рук и ступни ног из воска — все остальное из дерева. Михаил Захарович и я бережно раздели персону, отделили восковые части и разъяли суставы, вынув деревянные нагели. Восковые части Крутиков, имевший неторопливые искусные руки, уложил в отдельный ящик с подушками по всем стенкам, переложив между ними прокладки так, чтобы не могли нисколько ворохнуться. Потом приступили к укладке остального. Я невольно отметил, что части ног и рук «персоны» вырезаны без особого тщания. Вероятно, скульптор не имел целью предельно их детализировать, поскольку суставы-шарниры, безобразившие их, все равно делали их не столько частями тела, сколько утилитарными деталями макета. Но, как бы то ни было, изготовлены и они были, несомненно, мастерской рукой. Крутиков предположил, что, вероятно, Растрелли загипсовал Петра, а потом, отлив по этой форме модель, держал ее перед глазами, когда резал.

Действительно, опавшая в последнем вдохе грудь со слегка выпяченными ребрами, чуть вздутый, потерявший форму живот уже немолодого человека с углублением пупка — все было явно скопировано с подлинного тела. Казалось даже, что с тела, еще трепетавшего последней искрой жизни в борении с кончиной...

Стоя над манекеном, мы не могли не думать о том, что вспоминал или пытался вспомнить император, когда кончался...

Замученного сына... Екатерину, изменившую ему с Монсом...
Недоделанные государственные дела... Вора Данилыча...

Юрий Тынянов, если говорить о рассказе «Восковая персона», в котором он утверждал, что «персона» сама могла вставать, написал свой рассказ, очевидным образом не зная того, о чем пишет. Станным казалось, что автор «Вазир-мухтара» и «Кюхли» на этот раз поленился порыться в книгах — например, в путеводителе по кунсткамере Осипа Беляева, где о «персоне» все сказано...

Естественно, что ни малейших следов никакого механизма, осматривая манекен, не удалось обнаружить и нам. Было совершенно несомненно, что его никогда и не было.

— Не помнишь, «Экспонаты» кунсткамеры в 1812 году куда-нибудь увозили? — спросил Крутиков.

Я ответил, что, кажется, в Петрозаводск...

— Укладываем... — сказал Михаил Захарович. — Бери под плечи...

Мы уложили торс на толстую прокладку из пакли, прикрыв тем же и сверху. Михаил Захарович стал умело выбирать положение для остатка частей «персоны».

— Ну, в добрый час! Надеемся еще увидеться, Петр Алексеевич! Завинчивай на шурупы...

Великое счастье музейных работников в неспешном прикосновении к прекрасным творениям прошлого, в возможности остаться с ним наедине, всматриваясь в них, пытаюсь понять то, что когда-то их породило. Несмотря на усталость, я в тот вечер все думал — кто же принял его последний вдох? Кто приложил ухо к его груди, чтобы сказать, что сердце остановилось? Кто закрыл ему веки и видел последним его потухшие глаза?

Первый эшелон с экспонатами Эрмитажа ушел. Слова Борисова о полетах врагов под Москвой, которые, услышь их политработники, могли бы быть расценены как паникерские, ненамного опередили действительность. Проходя в столовую, помещавшуюся тогда в Ламотовом павильоне с окнами на набережную, или возвращаясь из нее, мы приостанавливались в проходной перед входом в директорскую приемную, где на стенде ежедневно вывешивали газеты. По их скудным сообщениям мы с тревогой следили за быстрым продвижением фронтов в глубь России. С конца июля ленинградское небо уже знало гул вражеских самолетов. Но второй эшелон с ценностями Эрмитажа все же прошел до Свердловска благополучно. Проходила упаковка третьего, несколько затянувшаяся. Готовых ящичков не хватало, и хотя их делали чуть не круглые сутки, мы получили тем самым вроде бы передышку.

Но тут пришел приказ сформировать во всех учреждениях и предприятиях команды противовоздушной обороны. По существу, это были пожарные команды без всякого снаряжения. Единственным орудием были лопаты да горки песка, которыми предлагалось тушить сброшенные немцами бомбы-зажигалки. В Эрмитаже начальником такой команды стал А.Н. Болдырев, его помощниками, дежурившими посуточно, Б.Б. Пиотровский и я. К слову сказать, наша дружба имеет истоком именно те дни. По переданным по радио сигналам тревоги «бойцы» в комбинезонах и касках должны были, оставив любые занятия, бежать на заранее расписанные посты, а мы, «командиры», обходить их, проверяя исправность службы. Посты помещались на чердаках

и крышах Эрмитажа и Зимнего. Дни стояли сияюще солнечные, и мне случалось после отбоя тревоги задерживаться на крыше с Александром Николаевичем Болдыревым или с кем-нибудь из пожарных, любуясь городом и отдыхая от гонки прошедших месяцев.

Александр Николаевич Болдырев (1909—1993), близкий друг В.М. Глинки до конца жизни, известный ученый-востоковед, иранист-филолог, представитель старинной дворянской семьи. Оба деда А.Н. были генералами и героями Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, отец и два дяди — петербургскими профессорами. С 1931 по 1936 год А.Н. Болдырев провел в Таджикистане, занимаясь сбором фольклора и литературных материалов в высокогорных селениях Западного Памира. Сотрудничал и дружил с известнейшими таджикскими писателями, составлял учебники для таджикских школ. С 1936 года — сотрудник отдела Востока Эрмитажа и преподаватель персидского и таджикского языков в университете. Автор замечательного блокадного дневника «Осадная запись», изданного в 1998 году.

Но бывало, что за сутки тревога по радио объявлялась до пятнадцати раз. На наше счастье, ни разу не случилось, чтобы бомбы-зажигалки, которые в ту осень немецкие летчики бросали на Ленинград, попадали бы на охраняемые нами крыши. Но со своих постов мы видели, как горели ярким факелом «Американские горы», а другой раз — как сразу несколько

зажигалок тлело за Невой, на крыше здания Кунсткамеры, и наши коллеги из Музея этнографии Академии наук тушили их песком и сбрасывали с крыши на тротуар.

К слову сказать, все показания И.А. Орбели на Нюрнбергском процессе — сплошной вымысел. Немецкие артиллеристы никогда прицельно не били по зданиям Эрмитажа из дальнобойных пушек, стрелявших из Красного Села и обстреливавших любой район по выбору, а их летчики не старались специально разбомбить или зажечь Эрмитаж с воздуха. И академик отлично знал это, хотя все-таки попадание артснарядов в Зимний дворец и имело место после отъезда его в Ереван, последовавшего в марте 1942 года.

Осенью 1941 года поблизости от Эрмитажа разбомбили два дома — на Дворцовой набережной, 12—16, и на углу Запорожского — Халтуриной (Мошкова — Миллонной). Но разве из этого следует, что бомбили Эрмитаж и Зимний? На все районы города в это время падали, бомбы и до 1945—1947 годов во многих районах стояли руины. Вспоминаются дома, в которых за отвалившейся дверью, открывающей комнату, ветер колебал где-то на высоте повисшие одеяла и полотенца: на углу Кирпичного и ул. Гоголя, на Марсовом поле, на Моховой, угол Фурманова (Гагаринская ул.). А Кировский театр? (Мариинский). А госпиталь на Суворовском? А жилые дома на канале Круштейна и на Невском, угол Фонтанки?

Но как было упустить официальному мастеру картинного гнева академику И.А. Орбели единственный в жизни случай порисоваться перед всем миром седой бородой патриарха и сверкающими кровавым гневом глазами? Немецкие летчики упорно били по мостам и кораблям, стоявшим у набережных

под камуфляжными сетками и без них. Летом 1942 года они угодили-таки в крейсер «Киров». Попадание в мосты было бы удачей, так как затруднило бы сообщение в осажденном городе. Но попадания артснарядов в здание Зимнего были все-таки случайны и не причинили значительных разрушений. Наибольший ущерб дворцу нанесла, пожалуй, тяжелая авиабомба, грохнувшаяся летом 1942 года на Дворцовую площадь между Александровской колонной и садом, значительно ближе к последнему. Она также очевидно предназначалась Дворцовому мосту и, будучи сброшена с меньшей высоты, вероятно, угодила бы в него. Ее падение сопровождалось страшным сотрясением, грохотом и последовавшим за ними громким и чистым звоном. Взрывной волной были полностью высажены все выходящие к площади окна Адмиралтейства, Зимнего дворца и Главного штаба. Я долго хранил большой кусок бледно-фиолетового зеркального стекла из окна Зимнего. Несколько дней мы сгребали в кучи-пирамиды эти сверкающие осколки и грузили их на машины. А потом неделями зафанеривали-латали окна. Вероятно, фашистские летчики были бы точнее, если бы с самого начала наша зенитная артиллерия не встречала их самолеты таким ожесточенным огнем. Свою авиацию, как силу нашей защиты, мы стали ощущать только летом 1942 года. Но зенитки в 1941 году били метко и не давали немцам снижаться для бомбометания более точного.

8

Однако одно попадание, намеренное или случайное, принесло жителям Ленинграда огромный, не поддающийся оценке вред. Я говорю о пожаре Бадаевских продовольственных

складов. Трое суток с крыши Зимнего видели мы черный столб дыма, почти вертикально вздымавшийся в голубое небо. Сведущие люди говорили, что горят масло и сахар. А мы, видя этот дым, не могли понять, как можно было эти склады не рассредоточить, а затем, когда они уже загорелись, почему их не смогли потушить. Попробуйте зажечь сахар! Разве это просто? Мы тогда еще не знали, что с этим дымом в августовское небо уходит жизнь сотен тысяч нас, ленинградцев, но понимали, что этот пожар доказывает преступную нераспорядительность городского руководства. Враг начал налеты на город, как же первым делом не подумать о возможных бомбежках, пожарах, о рассредоточении пищевых ресурсов? Большого вреда, чем этот пожар, не могла бы нанести ни одна диверсия. Возможно ли было, чтобы Сталину об этом не доложили? Или он знал о таком факте, но почему-то считал возможным оставить его без последствий? Остается только гадать, почему за это вопиющее обстоятельство ленинградское руководство никакому суду не подверглось...

В течение всего августа гражданские учреждения Ленинграда высылали к местам предполагаемых боев большие группы граждан, в основном женщин, вооруженных лопатами и кирками. Они должны были по указаниям тылового военного начальства подготавливать укрепленные оборонительные рубежи для отступавших на Ленинград войск. Не знаю, пригодились ли где бойцам вырытые ленинградскими женщинами окопы, но, по рассказам многих участниц этих почти никем не руководимых работ, в ряде случаев сами землекопы едва успевали спастись на попутных машинах от прорывавшихся сквозь наш фронт немецких частей. При

этом на местах бесполезных трудов бросали все, что было с собой: лопаты, пальто, продовольствие, даваемое этим трудягам из учреждений. Меня от участия в этих бестолковых работах освободило то, что я был командиром в противопожарной команде, но не раз мне случалось провожать своих коллег-эрмитажников около Малого подъезда. Их размещали на скамейках в грузовике, часть которого была занята ящиками с хлебом, крупой и консервами, заботливо укрытыми брезентом. Я бы, верно, забыл об этом грузе, но уже в конце октября один из стариков-швейцаров Эрмитажа Кузьма Петрович Акчурин, к которому подсел на Малом подъезде побеседовать поздно вечером после отбоя вечерней тревоги, сказал мне:

— Помирать мой возраст начал. Вчера Виктор Павлович Павловский, электрический мастер, помер, нынче Никулин — начальник охраны. Завтра или на этой неделе и я не встану. А когда племянница окопы рыть ездила, так сколько хорошей еды немцам бросали...

Этот Кузьма Петрович, умный и наблюдательный старый служитель из обрусевших татар, был неисчерпаемым кладезем рассказов о характерах и нравах предыдущих поколений эрмитажных корифеев. Он всю сознательную жизнь служил здесь и до революции числился придворным лакеем, состоя в штате Эрмитажа. В его рассказах оживали Липгарт, граф Толстой, Вальдгауэр, Троицкий, Яремич. Но теперь наступило время других повествований. Со слов своей племянницы или внучки, тоже работавшей кем-то в Эрмитаже, он рассказал мне, что та два раза ездила на окопные работы. Их сначала подвозили под Лугу, потом на Мгу, и оба раза их группа потом спешно

снималась с места и драла в Ленинград, бросая все свое снаряжение, одеяла и привезенное продовольствие.

Конечно, брошенные в никому не нужных окопах буханки хлеба и пшено — капля в море по отношению к необходимому Ленинграду, но голодным людям вспоминалось все это особенно контрастно. Я сам никак не мог забыть два мешка засохших хлебных кусков и горбушек, которые моя жена незадолго до блокады отдала женщине из Тайцев, возившей нам молоко. А когда раненный под Ленинградом брат Сергей Михайлович в госпитале обнаружил, что отправляемый из части в санбат в спешке забыл захватить приготовленные для нас три банки консервов, я едва удержался, чтобы его в этом не упрекнуть. А сколько раз я слышал сетования разных людей, выехавших было на дачу в мае и июне и бросившихся в Ленинград при приближении немцев, что они оставили там, на дачах, все закупленное впрок — сахар, крупы или еще что-то...

Итак, 8 сентября кольцо немецких войск замкнулось. Началась девятисотдневная блокада, о которой говорил весь мир и о которой легенды говорят: «Никто не забыт, ничто не забыто», хотя всем известно, что забыто очень многое, и забыто намеренно. А об именах и говорить нечего — они заняли бы сотни томов. Слишком много было подлости и глупости, о которых запрещено было вспоминать — авось забудется со смертью уцелевших свидетелей. Но на месте этого остается бесконечная ложь и потребность болтовни вроде пустого названия «подвиг века»...

К примеру, в августе была произведена массовая эвакуация остатков учреждений. Маршрут этой эвакуации был разра-

ботан со времен финской войны, но руководители бездумно приказали выполнять его в 1941 году, будто не зная, откуда, с какой стороны наступает враг. В результате на многих станциях (Старая Русса, Дно, Бологое) скапливались составы, в том числе поезда с детьми, порой десятки их, и там, ничем не защищаемых, их бомбили и расстреливали из пулеметов немецкие летчики. Конечно, это было зверством, потому что если поначалу летчики могли думать, что под ними воинские эшелоны или составы с боеприпасами, то потом, видя разбегающихся детей, они продолжали их косить на бреющем полете. Кто и где писал об этом? И не в равной ли мере виноваты как эти немецкие летчики, так и те, кто слал наши эшелоны не в тыл, а в сторону фронта?

9

Приближение голода в Ленинграде умные, вернее, практичные люди явственно почувствовали в августе. Город «сел» на карточки сначала только для выдачи хлеба, но из магазинов в первую же неделю исчезло всякое продовольствие — сахар, масло, крупы, консервы. Практичные люди, у кого имелись свободные деньги, поняли необходимость делать запасы. Моя семья и наши друзья к этой категории не принадлежали. Мы жили в обрез, на зарплату, а когда в сентябре я получил гонорар из Детгиза за книжечку «Бородино», купить уже было нечего. Мы купили драповое пальто Марианне Евгеньевне³ и отрез на костюм мне. И так, мы — простаки. Ведь уже столько раз за свою жизнь переживавшие введение и обрезку карточек, мы должны бы были почувствовать приближение голода, но спохватились мы

лишь в сентябре, когда норма выдачи продуктов уже резко уменьшилась. Считаю себя грешным, что далеко не сразу осознал опасность. Впрочем, кто же мог тогда предвидеть масштаб катастрофы, которого достиг этот новый, далеко не первый в нашей жизни голод? Кто мог знать, что именно на этот раз идет подлинный «царь-голод»? Впрочем, что все литературные и даже исторические ассоциации по сравнению с тем, что приближалось к нам...

Как я почувствовал, уже работая над этими записками, время все-таки притупило мою память — я не могу восстановить последовательность всего пережитого с сентября до середины декабря. Отчасти это потому, что записывать было и некогда и не за чем. Выбора-то ведь ни в чем не было, а суеты и работы — хоть отбавляй.

До второй половины сентября мои близкие жили дома в Басковом переулке, и я бегал туда три-четыре раза в неделю с ночевкой и там брал ванну. Туда же до ранения приходил мой брат Сергей, воевавший под Колпином, точнее, на окраине Колпина. Потом среди других бомбоубежищ, оборудованных в подвалах Зимнего и Эрмитажа, было создано одно для семей сотрудников, и Марианна Евгеньевна с восьмилетней Лялей перебрались в него. Ольга Филипповна⁴, мать Марианны Евгеньевны, работала медсестрой в одном из отделений Онкологического института, помещавшегося в Мечниковской больнице. Когда институт стал сворачиваться, уступая место госпиталю, а транспорт в те далекие края города стал ходить нерегулярно, Ольга Филипповна взяла расчет и перебралась в убежище. Большинство врачей Онкологического института было мобилизовано, но наш друг Александр Иванович Раков,

живший в казенной квартире на территории Мечниковской больницы, продолжал работу в нескольких оставшихся палатах онкологических больных и в госпитале, где нужны были хирурги.

Друг В.М. Глинки, врач-онколог Александр Иванович Раков (1902—1972), родился в Астрахани в состоятельной интеллигентной семье. Семья была с театральной жилкой: отец пел, брат стал актером. В семье были приняты розыгрыши и шарады, оттуда, видимо, неумная склонность А.И. к веселости, жизнелюбию, празднику, которыми он сопровождал, несмотря на специфику профессии, всю свою жизнь. Детство провел в Нижнем Новгороде, вступил в скауты и потом всю жизнь был кладезем множества полезных сведений и многое умел сделать сам — зашить, починить, наладить, придумать, осуществить электропроводку, спилить дерево, зажечь мокрые дрова. Медфак университета также окончил в Нижнем. Три года медпрактики (конец 1920-х) в деревне Криуши. Оттуда рассказы земского врача: «Что беспокоит?» — «Скрозь-наскрозь пронзает, и дыху нет...» — «Ясно, воспаление легких». Затем ординатор в Мечниковской больнице. Слова академика Н.Н. Петрова, в ординатуру к которому он попал:

— На чем специализироваться? Как фамилия? Раков? Так о чем разговор? Сообразно фамилии!

Видимо, через Н.Н. Петрова знакомство с Глинками. Сразу же подружился с В.М. и Марианной Евгеньев-

ной, с А.И. Корсуном. С Ольгой Филипповной занимался английским еще до войны. А.И. вообще всегда тянулся к культуре — литературе, театру, массу всего читал.

Огромное количество операций во время войны. На этом материале защитил докторскую диссертацию. Виртуозность работы хирурга, несмотря на то что руки были для этого как будто совершенно неподходящие (широкая лапища с короткими толстыми пальцами), была исключительной. Работал с самыми маленькими швами, самыми тонкими иглами и нитями. Ни разу в жизни не обхамил больного.

В 1949-м (видимо, в период подготовки ленинградского дела) был вызван в Большой дом и провел семь часов на допросе — с него требовали материалы на В.М. Глинку, у которого двое друзей — Раковых. И один из них (Лев Львович, директор Публичной библиотеки) — уже подследственный. Не родственники ли?

Величайшая трудоспособность. Работал, кроме места службы (операции, исследование срезов опухолей, гистология), и дома. Думал за столом. Чай, чай и еще раз крепкий чай. Объездил весь мир: Париж, Лондон, Дания, Германия, Австралия, Америка, Бразилия, учил врачей на Кубе. Член Всемирного противоракового комитета. Стал директором Института онкологии на Березовой аллее лет за пять до смерти. Выполнял самые сложные операции. Имя А.И. Ракова стоит рядом с Блохиным. При этом смешливый, готовый на шутку.

Любил петь (Русалка, Кармен, Аида) даже на улице, чем смущал спутников.

Высказывания:

«Нет ничего страшнее советской медицины — пользуйтесь, пока я жив» (хотя всю жизнь работал именно в сфере этой медицины).

«Друзья — это воры времени» (хотя был вернейшим и преданнейшим в дружбе).

«Ты больной? Что делать? Ничего. Лежи и стони» (хотя делал все, чтобы облегчить больному его долю).

Вот опять изменяет память! Я совсем не помню, ночевал ли я сам в эрмитажном убежище. У меня была койка в пожарной команде, а команда помещалась в антресольных комнатах над директорским коридором. Должно быть, я спал там и тогда, когда не был дежурным.

В убежище под двадцатиколонным залом, где жили семьи сотрудников Эрмитажа, было тепло, проходила теплофикационная труба, и было светло — круглые сутки вдоль всего убежища горели электролампы. По сторонам от срединного прохода у стен образовывались отгороженные занавесками отдельные семейные каморки, заполненные принесенными из дома вещами — посудой, одеждой, бельем. Тут поддерживались добрые отношения, велись вечерние беседы, оказывались друг другу услуги. В семье Султан-Шах, перебравшейся в убежище, одна из сестер была парализованной, и мы с Александром Николаевичем Болдыревым через день выносили ее на носилках в садик, чтобы подышала воздухом. Софья Александровна

Пиотровская занималась с нашей дочерью-второклассницей арифметикой. Академик архитектуры Александр Сергеевич Никольский, живший тут же, рисовал ей забавные картинки с забавными стихотворными подписями. Из живших рядом моя семья особенно дружески и, как могла, опекала Екатерину Андреевну и Ивана Ивановича Корсун. Судьба этих стариков (ему было 79, ей — 76) одновременно вполне исторична и трагична. До мая 1941 года они жили в Кисловодске, где Иван Иванович был членом казенного суда, а затем юрисконсультom и где в средней школе учился их сын Андрей⁵ — единственное дитя, рожденное Екатериной Андреевной, когда той было уже за 45. Потом Андрей Иванович уехал в Ленинград, учился в Институте истории искусств, затем работал в библиотеке Русского музея и Эрмитажа, переводил французских поэтов. Был не очень удачно женат на поэтессе Лидии Аверьяновой⁶, наконец, одиноко жил в довольно большой комнате, предоставленной ему в эрмитажном доме. И вот когда наконец его родители для того, чтобы соединиться с одиноким своим сыном, распродав в Кисловодске все имущество, приехали в Ленинград, то через месяц началась война. И Андрей Иванович сразу после объявления войны ушел в солдаты, а старики остались одни в незнакомом городе почти без друзей и знакомых...

Не знаю, как другие, но, повторяю, я сам очень долго не сознавал той страшной грани, к которой все приближались. Да, паек становился все скуднее, порции в столовой Эрмитажа, куда я бегал с судками, все мизернее, потом она и вовсе закрылась, начали что-то варить на плите, устроенной в убежище. Да, как и все окружающие, я непрерывно хотел есть и все туже перетягивал ремнем пожарный комбинезон, под

который теперь в быстро наступившие холода уже без труда поддевал пиджачный костюм. Но дежурства на крыше, ходьба в Басков переулочек, откуда нужно было что-то принести в бомбоубежище, требовали затрат сил, которых уже не было. А еще была возня с ящиками, возвращенными с товарной станции. Это были ящика из третьего эшелона, так и не ушедшего из замкнутого блокадой города. Все это отнимало столько времени и сил, что некогда было сосредоточиться, а может быть, инстинктивно не хотелось. И никто из стольких собеседников не говорил о надвигающейся катастрофе. А когда кому-то и случалось обмолвиться, как старику Акчурину, то от этого отмахивались. Ну что, мол, об этом думать — все равно ничего не изменишь. Чтобы занять время между тревогами и заглушить чувство голода, многие из нас записывались в пожарные команды и команды ухода за ранеными. Быстров, Пиотровский, Борисов, Шер, Крутиков, я — делали, как говорится, что могли и что придется.

10

Предпринимались и общественные, так сказать, меры, чтобы отвлечь людей от страха перед тем, что явно приближалось. В юбилей Навои и Низами отдел Востока устроил торжественное заседание с чтением докладов и переводов стихов этих поэтов. А в ноябре проводился концерт в зале заседаний (в конце директорского коридора). Номера, которые исполнялись, я не помню, кроме одного, воспоминание о котором мне до сих пор тягостно. Это была молодая пара из Театра музыкальной комедии. Они разыграли какую-то сценку с диалогом, дуэтом под рояль и танцем вроде танго.

И в диалоге, и в пении, и в танце все было глупо — обороты речи, остроты, опереточные страсти и заключительный поцелуй... При этом она была в бальном, очень открытом платье, а он — во фраке. И оба худы и бледны ужасно, просто призраки какие-то в костюмах с чужого плеча. Видимо, у них, бедняг, не было никаких запасов, и они из последних сил выделявали свои заученные телодвижения, болтали чужие слова, пели нелепые куплеты о любви и блаженстве. И опять скажу: я жалел их, мне было тяжело на них смотреть, но я не понимал, что мою семью и меня самого в ближайшем уже будущем ждет то же самое — переход к почти последней черте.

Среди живших в нашем убежище находилась сестра моего близкого друга (тогда замдиректора по научной части Павловского дворца-музея) Станислава Валериановича Трончинского и ее муж, ведущий комик театра Радлова, Константин Михайлович Злобин, замечательно исполнявший роль Труфальдино в «Слуге двух господ».

Как показатель того, насколько далеко были многие из нас от мысли о собственной гибели, мне вспоминается разговор с Костей. В начале ноября, после очередной тревоги, я встретил его, когда, выйдя из подвала, они с женой пересекали большой двор. Я спросил, у кого они были в гостях — под Зимним тогда устроили несколько бомбоубежищ, комендантами которых были сотрудники Эрмитажа, а в общежитиях ютилось множество интеллигентов разных профессий. Но Костя ответил, что они ходили смотреть костюм, который продает одна дама. Собирается эвакуироваться, поэтому срочно...

— Подошел? — спросил я.

Он ответил, что костюм — черный, бостоновый, сшит отлично, просто мечта солиста и подошел идеально. При этом Костя, игриво подмигнув, поклонился мне, прижав руку к сердцу. Но просят что-то очень дорого. И надо будет в театре у кого-нибудь перехватить.

Через неделю он сказал мне при встрече в убежище, что костюм уже у него. При этом дама, что продавала, спустила цену, когда узнала, что назначен день отлета театра.

— Хочешь покажу?

Я видел, что ему доставит удовольствие показать обновку, и зашел с ним в их закуток. Костюм действительно был очень красив и элегантен, но явно мешковат, о чем я ему и сказал. Но Костя уже и сам был в растерянности.

— Когда первый раз надел, показался как раз, а теперь что-то широковат...

Вечером того дня мы снова столкнулись, и Костя сказал в сердцах, что женщина, продавшая ему костюм, соврала. И муж ее вовсе не воюет, а она схоронила его две недели назад...

И мы оба, как страусы, отвели свои мысли от того, что вот-вот уже и сами подходили к рубежу черных дней, и заговорили о другом.

Через месяц едва живого Злобина вывезли самолетом вместе с другими актерами театра Радлова, и мы встретились снова только через несколько лет, когда он уже работал в Театре комедии.

— А как «концертный» костюм? Уцелел? — спросил я.

Он только махнул рукой. Я знал, что Злобиным, бросив все, удалось чудом убежать через перевал из Кисловодска при наступлении немцев. У С.Э. Радлова была другая судьба.

Едва ли не первым в нашем убежище умер скромный и милый Иван Иванович Корсун. Все последние дни он жил тревогами о своем Андрюше, зная, как не приспособлен тот к солдатскому быту. Делясь с Марианной Евгеньевной и Ольгой Филипповной этими тревогами, он судил об этой солдатской жизни, правда, по тем буколическим временам, когда сам отбывал год вольноопределяющимся в какой-то артиллерийской бригаде и жил на частной квартире в Полтаве или Чернигове. С женой он своими тревогами не делился, чтобы ее не волновать. И она приходила к нам в закуток с теми же тревогами. Умер он без жалоб и слов, как заснул. Что он увидел в конце своей жизни? Тревоги, голод, чужих людей, угол в подвале-убежище...

Мы его похоронили еще, как должно друзьям сына. Эрмитажные плотники сделали гроб и дубовый крест, на котором вывели: «Отец солдата Иван Иванович Корсун». На эрмитажной машине отвезли на Шуваловское кладбище. За двухдневный паек хлеба вырыли могилу на склоне близ церкви. С Болдыревым и еще с кем-то из востоковедов помогли снести и опустить гроб в чужую для Ивана Ивановича землю. Теперь на месте его могилы стоят ряды солдатских захоронений 1943—1944 годов. Не помогла и надпись — «отец солдата»... Впрочем, в блокадную зиму деревянные кресты массой пошли на топливо.

Вторым умер или, вернее, был убит голодом сотрудник центральной библиотеки Эрмитажа Георгий Юрьевич Вальтер, молчаливый и неприветливый человек, замолчавший и слегший в постель раньше всех, то есть сложивший раньше других оружие жизни... Я едва его знал, но говорили, что он доблестно воевал в 1914—1917 годах, от прапорщика дошел

до штабс-капитана, имел ряд боевых орденов. И еще — что за все эти заслуги получил он в предвоенные годы что-то такое, что надломило его духовно. Слышал еще, что в июле 1941 года он просился на фронт хотя бы рядовым, но получил в военкомате отказ.

Потом умер Владимир Александрович Головань, кроткий и обходительный старик, фалерист-искусствовед, библиофил, скрипач. Он тоже работал в библиотеке Эрмитажа. Царскосел, ученик Иннокентия Анненского, он много бывал за границей и в своем Царском Селе собрал большую библиотеку, которую потом передал Эрмитажу. При нем в убежище жил племянник — средних лет инженер, к этому времени уже заболевший голодным психозом. За сутки до смерти Владимир Александрович попросил меня сходить в его квартиру в эрмитажном доме и принести ему скрипку, лежавшую на рояле. Шла середина ноября, и стояли уже холода. Несмотря на подробные наставления, я с большим трудом открыл двери квартиры. Мелькнули корешки книг в стальных шкафах, пустая ваза для фруктов, подстаканник... Как иллюстрация к какой-то книге о Петрограде, за окном замедленно катилась Нева. Скрипку я нашел сразу. Дерево ее футляра холодило руки.

— Она насквозь промерзла, Владимир Александрович. Подождите. Дайте ей согреться, — сказал я хозяину, передавая скрипку в его руки.

— Ничего. Мне хочется ее скорее отогреть... — тихо сказал он.

Визави с его лежаком на своем топчане сидел племянник и что-то злобно ворчал.

Наутро Владимир Александрович был мертв. Подушка его лежала на футляре со скрипкой. Говорили, что он вечером трогал струны рукой.

Среди первых умерших был Павел Павлович Дервиз, заведовавший античным серебром. Незадолго до начала войны его выпустили из-под ареста, где он провел три года. Выпустили полупарализованного, с затрудненными движениями. Как он стосковался по любимому делу, видно было по тому, как он принялся за работу над заказанной ему академиком Орбели книгой. Не знаю, дошла ли до нашего времени его рукопись. Вина, за которую Павел Павлович не раз садился в тюрьму, состояла в том, что он — Дервиз и что в конце войны 1914—1917 годов недолго служил младшим офицером в гвардейской пехоте.

11

Кажется, еще в начале сентября до нас дошло письмо, отправленное моей мамой из Крестец. В нем говорилось обо всем, что мы уже знали от брата Сережи. Что когда мама и семья брата уже погружали какое-то имущество в эшелон, эвакуировавшийся из Старой Руссы, железнодорожные пути на окраинах Руссы разбомбили, и из горевшего города пришлось уходить пешком, катя перед собой детскую коляску с каким-то наскоро схваченным имуществом. Маме 64 года, брату и его жене — по 42, детям — 15, 6 и 4 года (на самом деле 15, 7 и 5. — *М.Г.*). Близ реки Пола брата мобилизовали и как командира запаса (до того он три года провел в заключении по делу о военно-конных заводах) и с командой отправили в Ленинград, куда он поспел приехать, пока

еще не перекрыли дороги. А остальные шли до Крестец, откуда уже поездом выехали на Горький. На этом сведения обрывались. И только в ноябре, уже по воздуху, пришла открытка, извещавшая, что все добрались до города Кологрива Костромской области, что с жильем и продовольствием сносно, что жена брата работает агрономом, дети в школе и детском саду, но очень плохо с теплыми вещами. Нет одеял, подушек, нет никакой утвари... То есть живут полураздетые в Костромской области, где зимы так суровы. Нам стало ясно, что если удастся эвакуироваться, то надо ехать в Кологрив и везти туда все, что можно, из тряпок, а значит, нельзя ехать налегке.

В конце ноября — начале декабря из Ленинграда шла эвакуация по воздуху работников искусства, писателей, композиторов. Улетели мои друзья Шварцы, с которыми простился накануне отлета, уже не зная, увидимся ли... Готовился к отлету Театр комедии, и Николай Павлович Акимов привез в Эрмитаж на саночках папку со своими рисунками, которые считал удачными, и нес сумку с фарфоровыми фигурками персонажей «Теней» и «Двенадцатой ночи», работы Н.Я. Данько. Он не застал меня и передал свой груз на хранение Марианне Евгеньевне и сказал: «До встречи, если такая произойдет». За неделю или десять дней до этого Николай Павлович прислал мне записку, в которой предложил включить меня, жену и дочку в состав труппы и вывезти самолетом на большую землю. Но мы не могли бросить Ольгу Филипповну. К тому же лететь можно было лишь с минимальным багажом. Прибыть к семье брата в Кологрив налегке мы не могли.

Я был еще так подвижен, что на другой день (это было в первой декаде декабря) пошел проститься с Николаем Павловичем. Театр комедии квартировал тогда в помещении Большого драматического театра. Все, кого я видел в этот вечер за кулисами, а я многих знал по своей работе консультанта, были едва узнаваемы, это были тени и призраки. Они упрекали меня, что не захотел лететь с ними, и прощались со мной как с обреченным. В этот вечер шла пьеса «Давным-давно», и когда я во время антракта проходил через фойе, меня за рукав удержал некто в костюме генерала 1812 года. Вернее, это был призрак генерала, хотя у него все было, как у генерала, даже ляжки были обтянуты лосинами и шея охвачена шитым золотом воротником мундира. Я с трудом узнал в этом призраке своего друга драматурга и переводчика Владимира Дмитриевича Метальникова⁷. Н.П. Акимову удалось включить его в состав труппы, чтобы увезти на большую землю и тем спасти от верной смерти, к которой Владимир Дмитриевич был уже так близок. Кстати, много лет спустя весть о внезапной кончине Николая Павловича буквально увлекла на тот свет и Метальникова, который не смог эту смерть пережить. Но это история уже другого времени. А в тот вечер в театре я прощался со всеми, кого встречал. В ту же ночь они улетели.

Смерти в бомбоубежище следовали одна за другой. Умерла старушка Султан-Шах, еще накануне бодро угощавшая меня особым способом приготовленным клеевым соусом. До сих пор помню ее прочувствованный голос, произнесший это слово, «соус», как молитву. Умерла и ее дочка Белочка. И ту и другую мы вынесли в гараж, служивший

Эрмитажу моргом, правда, я не помню уже, с кем вместе это делал. Но помню, что явно стал сдавать, уже не мог не только бегать, но и ходить по лестницам без остановок. И «по тревоге» шел едва-едва. Мои близкие заметили это. Ольга Филипповна под предлогом получения пайка, что будто бы там оставила, через силу сходила в Мечниковскую больницу и упросила Александра Ивановича Ракова положить меня в стационар, где в те дни еще регулярно кормили и где бы я не должен был бегать на бесконечные «тревоги».

Накануне моего ухода в больницу 17 декабря мы с Марианной Евгеньевной пошли с саночками нашей Ляли в Басков переулок за какими-то зимними вещами. За те десять-двенадцать дней, что я не выходил в город, после вечернего похода в Большой драматический театр, город сильно изменился. Снегу стало еще больше, его никто не убирал и не разгребал, так что на тротуарах и мостовых он лежал сугробами, утопанные дорожки были лишь вдоль домов. Но главное отличие было в поведении прохожих — видимо, именно за эти десять дней множество людей дошло до последней черты. Попадавшиеся нам навстречу еле брели, многие опирались на палки. Те, кто падал, больше уже не вставали. Бредет мужчина таким нетвердым шагом, приостанавливается и опять шагает. И вдруг садится на снег, ложится и вытягивается во весь рост. Иной еще намеревается встать, пытается что-то сказать, когда к нему наклоняются, а другой сразу замирает, закрыв глаза и сомкнув губы в седой щетине. Я упоминаю мужчин, потому что в эти дни первыми были мужчины. И нескольких таких, едва

живых, закутанных в зимнюю одежду, везли на салазках или детских саночках такие же бледные и серые, едва передвигающиеся люди — то, что так верно изобразил на одной из своих литографий А.Ф. Пахомов. В начале нашего похода мы с Марианной Евгеньевной пытались поднимать упавших. Двоих как-то посадили на ступеньки попавшихся подъездов, но только отошли немного и оглянулись — один уже упал, скользнул по косяку и лежал на тротуаре. Потом перестали поднимать и шли, стараясь не смотреть по сторонам. На обратном пути, везя тяжелые саночки по проезжей части, старались не смотреть на тротуары, но тем яснее видели лица тех, кто вез нам навстречу своих близких на саночках, и они нас видели. Попалось нам навстречу и несколько санок с мертвецами, обряженными, как мумии, в одеяла, и перетянутыми шнурами от штор. Едва живые близкие везли их на кладбища. На улице Радищева нас застал артобстрел этого района. Страх и стремление уйти от него прибавили нам сил, и мы спешили, уже не глядя по сторонам. Когда добрались до Эрмитажа, спустились в убежище, и Ольга Филипповна с Лялей пошли к плите греть нам чай, Марианна Евгеньевна легла лицом в подушку и безудержно заплакала, кажется, первый раз у меня на глазах. А потом сказала, чтобы завтра я шел в Мечниковскую, а она будет молиться, чтобы я дошел благополучно.

12

На другой день после того, как получил дневную дозу хлеба, я тронулся в путь, унося свои продовольственные карточки, по которым, кроме 300 граммов хлеба в день, ничего не вы-

давали, но без сдачи которых меня бы в больнице не приняли. Хлеб в те дни был больше похож на оконную замазку или глину. Уж бог его знает, из чего его выпекали на хлебозаводах. Хвоя? Древесина? Жмыхи? Что еще?

Те же картины, что накануне, я увидел, когда отправился в больницу. Путь был длинным. Трамваи уже не ходили, несколько вагонов с раскрытыми дверьми стояли на занесенных снегом рельсах. Один был без стекол, видимо, вылетели от разрыва близко упавшего снаряда. Когда я шел по Арсенальной набережной, то увидел, что шедший метрах в пятидесяти впереди меня мужчина упал и остался неподвижен. А другой встречный остановился около упавшего, опустил на колени, стал расстегивать у лежавшего пуговицы на пальто и полез рукой за борт. Умиравший слабыми толчками отталкивал руки грабителя. Я ускорил шаги, но меня обогнал шедший вслед красноармеец. Он добежал первым и ударом сапога повалил на снег не успевшего еще встать грабителя. Когда я проходил мимо, то оба лежали, слабо шевелясь. Мы с красноармейцем пошли дальше, и я слышал, как он негромко матерно ругается. Впрочем, по своему виду он не сильно отличался от тех, над кем только что стоял. Помню лицо, смотревшее из-под зимней шапки с опущенными ушами, которое походило на серую вату, и фиолетовые губы, плохо закрывавшие оскал зубов. И все же он шел быстрее и обогнал меня. Когда шагов через двадцать я оглянулся, то увидел, что побитый солдатом опять навалился на умиравшего и роется в его карманах. Ну и что же, думал я. Все равно ведь кто-то вынет эти продуктовые карточки — этот ли, другой, какая разница... И я подумал, что и я бы мог ими воспользоваться — тогда я мог

бы отправить свои обратно в Эрмитаж, а сдать в больницу эти... Но разве я дойду до Эрмитажа опять? А мне надо сегодня если не поесть, то хотя бы зачислиться на довольствие в больницу...

Пусть не лгут те, кто прожил в Ленинграде блокадную зиму, что не думали о карточках людей, умиравших на их глазах.

Передвигаясь как автомат и опираясь на трость, я дошел-таки до Мечниковской больницы, разыскал Александра Ивановича Ракова и был водворен им в палату-бокс на двоих, где поставили для меня третью койку. Оба соседа лежали тут уже давно. Они относились к числу немногих онкологических больных, оставленных здесь с осени. И оба оказались интересными и приятными в общении людьми.

С одной стороны моим соседом был ученый-лесовод, преподаватель Лесотехнической академии, некий Иван Иванович, фамилия которого, к сожалению, не сохранилась в моей памяти. Второй, имя которого я много раз слышал и встречал в газетах, был профессор теории связи Николай Алексеевич Рынин. Рынин лежал в толстом пижамном костюме и шлеме, охватывавшем голову до низа лица.

Николай Алексеевич Рынин (1877—1942), выдающийся ученый и практик в весьма различных областях. В круг научных интересов Н.А. Рынина входили: начертательная геометрия (многократные издания и переиздания с 1904 по 1939 год), строительная механика, аэродинамика, воздухоплавание, авиация, ракетостроение, космонавтика, организация воздушных сообщений, история науки.

Практическая деятельность Н.А. Рынина также чрезвычайно разнопланова: он участвовал в работах по переустройству Николаевского (Московского) вокзала, в создании Всероссийского аэроклуба, в выпуске первого номера журнала «Аэромобиль». Рыниным осуществлено множество полетов на воздушных шарах (в том числе рекордный подъем на высоту 6400 м над Финляндией), дирижаблях и первых аэропланах. Н.А. Рынину были выданы удостоверения: на право управления воздушным шаром — № 3, на право управления аэропланом — № 24, на право управления дирижаблем — № 1.

В 1920 году Н.А. Рынин организовал в Институте инженеров путей сообщения факультет воздушных сообщений.

Еще до революции Н.А. Рынин в течение полутора десятков лет объездил с целью изучения зарубежного опыта, кажется, чуть ли не все страны, известные своими техническими достижениями, — во Франции и Германии изучал воздухоплавание, в США — проектирование мостов, в Англии знакомился с аэродинамическими лабораториями, в Голландии и Бельгии читал доклады по теме «Давление ветра на здания».

У лесовода голова была обмотана полотенцем. В палате было холодно — батареи чуть теплые, так что я все время пребывания тут не снимал меховую шапку. Александр Иванович как лечащий их врач представил меня им как тяжелого дистрофика и как

своего друга, что сразу сделало наши отношения дружескими и доверительными. Оба стали меня расспрашивать, что делается в городе, какие вести с фронта, правда ли, что через Ладугу везут много продовольствия и что вот-вот начнут прибавлять карточные пайки. Потом лесовод сказал мне, что сильный голуд — одно из средств борьбы со злокачественными опухолями и даже вылечивает рак желудка. Я запомнил эти слова — в них звучала надежда на спасение при помощи средства, которое остальным несет всеобщее бедствие. Такой ход мысли показался мне чудовищным, но обстановка слишком не подходила для морализации, и я сказал, что слышал от своего отца-врача, что рак желудка иногда вылечивался в тюрьмах, где сидели на скудном пайке. Я солгал. Отец говорил мне, что рак только замедляет в таких условиях свое разрушительное действие... Потом Рынин, когда мы остались одни, сказал, что оценил мои попытки успокоить соседа. Что было нам делать?

Эти декабрьские дни были самые короткие, а свет давали такой слабый, что читать было совсем невозможно. Лежи и жди, сколько осталось до еды. Или, может быть, до смерти. В первые же дни я заметил, что Рынин что-то шепчет, отбивая такт рукой под одеялом. На мои вопросы он сказал, что это вроде гимнастики мозга и он учит наизусть «Конька-горбунка» Ершова, который ему всегда очень нравился. Каждый день он выучивает тридцать строк и декламирует себе все, что выучил до сих пор. А выучил уже около трехсот строк и может мне их прочесть, а то другому соседу — его звали Иваном Ивановичем — уже надоело его слушать. Я с детства люблю «Конька-горбунка» и с удовольствием прослушал чтение Рынина, хотя образ чтеца не очень связывался с подобной книжкой.

Н.А. Рынин был не только знаком, но находился в многолетних — научных и дружеских — контактах с такими людьми, как С.А. Чаплыгин, С.К. Джевецкий, В.П. Ветчинкин, И.И. Сикорский, Р. Амундсен, У. Нобиле... Можно сказать, что по роду своей деятельности и уровню своих научных работ Н.А. Рынин был, несомненно, одним из главных связующих звеньев между той генерацией ученых, которая может быть представлена именами Н.Е. Жуковского и К.Э. Циолковского (с которым контактировал более двадцати лет), и теми, кто уже непосредственно участвовал в практическом запуске первых спутников.

Перу Николая Алексеевича Рынина принадлежит более двухсот пятидесяти печатных работ совершенно, повторяем, необъятного научного диапазона.

Владислав Михайлович пишет, что Рынин лежал в морозной палате Мечниковки в шлеме, охватывающем всю его голову... Деталь почти символическая — возможно, если не сказать наверняка, это был тот самый шлем, в котором его владелец осуществлял свои полеты, каждый из которых мог стать последним... А «Конек-горбунок» — это ведь такое произведение, которое можно воспринимать и как сказку, и как протокол о намерении создать совершеннейший из летательных аппаратов...

Потом уже перед сном мы уговорились, что будем по вечерам по очереди что-нибудь рассказывать по своей специальности, если Иван Иванович вытерпит наш «общеобразо-

вательный семинар». Оба мои соседа располагали большим опытом лекционной работы, говорили гладко, понятно и толково отвечали на вопросы слушателей после лекций. А мне не свойственна такая манера рассказа, когда заранее очень и очень обдумывают, что будут говорить, приготавливаются по конспекту с часами, весь материал расставляют в должной последовательности. Конечно, я теперь не помню их лекции на чуждые для меня темы, но из их рассказов я впервые услышал о ракетах межпланетного сообщения, созданных воображением Циолковского, а точнее, пополнил свои скудные представления об устройстве различных типов летательных аппаратов, их скорости и предельной высоте полета. Словом, для профессора, который привык читать лекционный курс исходя из нулевого знания среднего слушателя в аудитории, я вполне как слушатель подходил.

Иван же Иванович с каким-то, я бы сказал, возбужденным увлечением рассказывал о лесе, о защите его от вредителей, о болезнях разных типов деревьев, о вреде деревьям от внедрения человека в их жизнь, начиная от хищнического сбора березового сока до того, как влияет на растения автотранспортный выхлоп, промышленные дымы, газы, прокладка трубопроводов. И в качестве дополнения рассказывал, как погибает лес от артиллерийских обстрелов и рытья окопов. Иван Иванович воевал пехотинцем в 1914—1917 годах, долго сидел где-то в Мазурских болотах и утверждал, что и такой, казалось бы, насмерть израненный лес, где избиты стволы, кроны и корни, все же оживает, если только дать ему покой на несколько лет.

А я рассказывал о крепостных артистах XVIII—XIX веков, о шереметевском оперном театре, о романе графа Шере-

метева с его крепостной Жемчуговой, о ее смирении и доброй бестолковости, об аракчеевском имении Грузино... Ах как пришлась к месту идея Николая Алексеевича Рынина об этих ежедневных рассказах! Ведь с каждым днем нам было все труднее жить — температура падала, свет мигал и часто вообще гас, еда становилась все скуднее. Иногда после вечернего обхода военных палат и прослушивания вечерних новостей к нам заходил Александр Иванович Раков, подсаживался на одну из коек и с полчаса слушал наши рассказы. Однажды он принес с собой и поставил в угол палаты двуручную пилу. Оказалось, что с ходячими ранеными был в парке, где пилил сосны, а потом надо было тащить дрова к госпиталю. Он рассказал, что в дополнение к почти негреющим батареям и установке буржук с трубами, выходящими в окна, в некоторых палатах раненые настроили себе кирпичные печи. Но для своих самых тяжелых больных ему приходится промышлять дрова самому.

13

А в нашей палате, где печи не было, становилось все холоднее. Как объяснил Александр Иванович, в кочегарке больницы один за другим слабели и умирали у топок кочегары. Из шести или восьми «штатных единиц» к концу декабря едва работали двое, которых, очевидно, ждала та же участь... Кажется, в это время в соседнюю с нашей палату привезли обессиленных студентов 4—5-го курсов Санитарно-гигиенического института, учившихся на базе Мечниковской больницы. Первые два курса были отправлены сразу же, как началась война, санинструкторами в войска, а старшекурс-

ников оставили, чтобы доучить, и теперь, не доученные и не эвакуированные, дошедшие до дистрофии, они умирали один за другим. Их товарищи, которые их привозили, чтобы через неделю или через два дня за ними последовать — сначала на койку в эту страшную палату, а затем в мертвецкую, — эти самые товарищи говорили, что покойники лежат в мертвецкой уже в несколько слоев.

Иногда после привоза новой партии обреченных мы слышали возню в полумраке холодной соседней палаты. Эти шорохи сопровождали почти каждый новый привоз. Причину этих звуков я узнал позже. Привезя полуживого товарища и уложив его, заботливый на первый взгляд сопровождающий, уходя, чистил карманы своей ноши — и уносил с собой бумажник, перочинный нож, авторучку или еще какую-нибудь мелкую собственность уже безропотного смертника...

Через несколько дней моего пребывания в палате отопление начисто прекратилось. Пар от нашего дыхания поднимался над койками, как на улице. В палату беспощадно входил мороз. Мы лежали в шапках и пальто, укрываясь несколькими одеялами, и только благодаря настойчивости Рынина, неустанно твердившего своего «Конька», кое-как продолжали по вечерам свои беседы. Спасибо Николаю Алексеевичу. Он не позволил себе поддаться апатии и заставил не поддаваться ей и нас. А так тянуло отключиться от всего вокруг. Эта тяга к покою была роковой и по своему разрушающему действию еще сильнее разрушавшего нас голода. Мы не говорили об этом, но смерть все ближе подбиралась к нам.

В соседних палатах становилось все меньше занятых коек. Одни умирали, другим, меньшему числу, все-таки удавалось вставать и уходить в город к родным в надежде там как-то вытянуть или хоть умереть возле своих. А здесь, в больнице, уже не было ни тепла, ни горячей пищи, ради которой стоило оставаться на этой заваленной снегом окраине Ленинграда. В эти дни Николай Алексеевич Рынин послал через пришедшую к нему женщину (поговору старую домработницу) три письма в Институт путей сообщения с просьбой эвакуировать его в тыл. Писал он долго, поминутно отогревая руки под мышками, чтобы слова были разборчивыми, и потом просил меня прочесть для страховки, чтобы все было понятно. Из заявления я узнал, что Рынину было присвоено воинское звание не то дивизионного, не то даже трехзвездного генерала. Он предлагал свои услуги военно-авиационному учебному заведению, если институт не может его использовать по специальности. Судьба этих обращений мне неизвестна. Но Александр Иванович Раков впоследствии говорил мне, что научное имя Рынина было столь значительно, что по специальному приказу он был вывезен весной в Казань, где, однако, умер уже летом.

Собирался уходить из больницы и лесовод Иван Иванович, но его квартира находилась где-то в конце проспекта Сталина (Московский пр.), близ прифронтовой полосы, дом был частично занят какой-то военной частью, и он не был уверен, не попадет ли «из огня да в полымя» настильных артиллерийских обстрелов.

Думал и я, не возвратится ли в бомбоубежище Эрмитажа. Все-таки там еще было тепло и горел свет, что подтверж-

дала как-то добравшаяся до Мечниковской больницы Ольга Филипповна, которая все не могла получить какие-то бумаги о своей службе в Онкологическом институте. Она зашла ко мне и перечислила целый список умерших научных сотрудников Эрмитажа и Русского музея: А.Н. Кубе, А.А. Ильин. А.Н. Зограф, С.А. Розанов и так далее... Ольга Филипповна горько сетовала, что в августе не ушла из Онкологического института и не эвакуировалась куда угодно в тыл вместе с Марианной Евгеньевной и маленькой Лялей. Она сказала мне, что я за эти дни постарел, а я глядел на нее — выглядела она сморщенной старушкой и плакала, дав себе волю, с содроганием смотря на меня и моих соседей. А я думал — зачем я сейчас вернусь в эрмитажное убежище? Только буду объедать своих, которые, конечно, будут подсовывать мне свои крохи еды, отрывая их от себя... С этим вопросом я обратился к зашедшему за Ольгой Филипповной Александру Ивановичу Ракову.

— Подождите несколько дней, — сказал он. — Может, мне удастся несколько улучшить ваше существование. А нет, так и отпустим к своим...

Но что он мог сделать? Перевести в другую больницу, где все же топят и чуть лучше кормят?

Так безнадежно, более того, с чувством неотвратимо приближающейся смерти пришел новый 1942 год. Мне в этот вечер, проведенный, как и все предыдущие, запомнилась реплика Н.А. Рынина, сказанная по поводу того, что нас ждет:

— А видите, немцам не удалось с ходу взять Ленинград и Москву. Блицкриг, на который они рассчитывали, не получился. Время и пространство работают на нас, как работали в 1812 и в 1709 годах.

Я помню, что это было сказано то ли в ночь на 1 января, то ли вечером 1-го, так как Рынин пытался подводить итоги прошедшего года. Подсознательно в то время все размышления о войне тяготели к мыслям о судьбе России. Но все объективные стороны отступали на задний план перед мучительным ощущением голода и не менее губительным чувством бездействия. Голодные годы в жизни моего поколения случались нередко, но голод никогда не достигал такой катастрофической степени, и люди могли работать, искать выхода и на что-то надеяться. А тут все сходилось на том, что жизнь оканчивается, и в этом мире голода гибнут все мечты, все планы. И все чувства потухнут, как свечи от дуновения сквозняка. Почему-то этот образ меня преследовал. Как-то видел я в старом соборе, как две стоявшие передо мной женщины поставили перед блеклой иконой две тонкие горящие свечи. Но случилось это в конце обедни, и через какие-то пять минут подошел псаломщик, он, кажется, был нетрезвый — и задавил огоньки обеих свечек, сломал их и сунул в какую-то лоханку, где уже лежали другие, такие же не догоревшие. Мама тоже это заметила и сказала, что все эти свечи снова пойдут на переплавку и опять из них наделают свечей. Но мне было жалко именно тех свечек, которые с такой грустью поставили две женские руки. Я думал о том, что теперь неминуемо погибнем все мы — Марианна Евгеньевна с Лялей, и Ольга Филипповна, и я, а там где-то в Кологриве, может, уже умерли от голода, болезней и бед мама, Кэт и ее дети. А если мама еще жива, то как она тревожится за нас, узнав о кольце окружения Ленинграда, и как она переживет нашу гибель? Но жива ли она? И тут мои мысли от Кологрива

невольно улетали в Старую Руссу. Я знал, что там шли долгие бои, а город горел еще тогда, когда из него уходили наши... Что же от города осталось сейчас?

И мысли снова возвращались сюда, в Ленинград. Почему, почему я месяц назад отказался эвакуироваться с Театром комедии? Как я мог оставить здесь Марианну Евгеньевну и Лялю, вместо того чтобы увезти их на юг, к теплу и хлебу? Надо, надо было упросить Николая Павловича Акимова взять и Ольгу Филипповну... Билетершей, костюмером, да кем угодно, но надо было ее пристроить, потому что оставить ее все равно было невозможно... А я бы мог превратиться в актера на выходах или что-нибудь написал бы... Нет, видно, нам суждено на роду умереть здесь...

Вот такие или примерно такие мысли мучили меня в новогоднюю ночь 1942 года на койке в промерзшей палате Мечниковской больницы.

14

И вдруг именно в эти дни мерзлой январской мглы пришла помощь друга. Утром пятого января заглянувший к нам в палату Александр Иванович попросил меня встать с койки, выйти в коридор и спросил, возьмусь ли я ежедневно или хотя бы через день читать лекции раненым бойцам и командирам, если за это меня переведут в эвакогоспиталь и поставят на военный паек? Военный паек отличался от того, который получал я, тем, что на военном не умирали. Но только я никогда не читал лекций.

— Вот и попробуйте, — сказал Александр Иванович. — Вот так, как нам вы здесь рассказывали... О крепостном праве,

о войне 1812 года, о Бородине. О Денисе Давыдове, про его подвиги...

Я усомнился, что мое изложение подойдет для красноармейцев.

— Так упростите, — сказал он. — Жить хотите?

Он не добавил, что раз речь идет о моей жизни, так, следовательно, и о жизни моей семьи.

— Не понимаю ваших сомнений, — сказал Александр Иванович. — Я неделю обрабатывал комиссара госпиталя, чтобы добиться для вас такой возможности. Он меня понял, постарайтесь понять и вы. Речь не только о том, чтобы дать вам выжить, а о том, как вы можете нам помочь. Люди там лежат в темноте, свет только от печки. Разговоры друг с другом только про свои беды или похабщина... Надо отвлечь их чем-то, но никакого кино нам сейчас не организовать. Ну что? Беретесь? Долго мне вас уговаривать?

Так, благодаря заботам и хлопотам Александра Ивановича, я на другое утро простился с двумя добрыми своими соседями и, пройдя дворами между наваленными повсюду кучами дров, вошел в тот больничный корпус, где разместился один из военных госпиталей.

Палата, в которой мне предстояло провести следующие полтора месяца, была очень большой, и посередине ее стояла также большая, видимо, только что сложенная кирпичная печка с чугунной плитой без конфорок. На середине плиты стояло несколько чайников, а по самому краю кружки. Александр Иванович привел меня в палату сам, водворил на койку, представил как своего друга и будто бы известного литератора

политруку тов. Орлову и ушел. Рука политрука висела на пояске. Палаты в то время были еще общие для командиров и красноармейцев.

На переход из корпуса в корпус я, видимо, истратил все силы и прислушался к говору раненых уже лежа. А говорили почти все о новом устройстве своей палаты, и можно было понять, что несколько дней только этим все и заняты, и главный человек тут, вплоть до доставки кирпича для печки, доктор Раков. Ах, и любили же за то его все его пациенты! И мне во время пребывания в этой палате досталась часть этой любви и уважения. А я там оттаял. Уже то, что мог снять пальто и шапку и умыть лицо и руки теплой водой с мылом — уже это было блаженством. А потом засел за конспект первой лекции — о Северной войне. Выбрал эту тему потому, что в свое время много читал о ней и хорошо помнил не только главные этапы, но и описания многих эпизодов этой войны. А некоторые аналогии с нынешней войной были очевидны — неудачи под Нарвой и победы при Полтаве и Гангуте. Читал я около двух часов, сидя сбочку непрерывно топящейся печки, окруженный обсевшими ее со всех сторон бойцами и командирами. Дым от самокруток и папирос тянулся в печку, и только подкидывание дров иногда прерывало мой рассказ. Несколько лежачих раненых повернулись ко мне лицами, и я, рассказывая, старался сесть так, чтобы эти лица все время видеть. Слушали образцово и после окончания дружно хлопали. Потом товарищ Орлов сказал несколько слов, обычных для его должности в подобных случаях. Во-первых, что с Гитлером будет как с королем Карлом, во-вторых, что товарищи, присутствующие

на лекции, благодарят за нее, а в-третьих, что товарищи интересуются, когда будет следующая лекция и о чем. Затем попросил слово некий боец на костыле и сказал, что все было понятно и, главное, он теперь знает, насколько иными были тогда пушки и ружья, как их заряжали и сколько они весили. До нынешнего дня он хоть и слышал о Полтаве, хотя бы у Пушкина, но по части тогдашней высадки десанта узнал только сегодня. Так чтобы и впредь лектор про такое не забывал рассказывать.

Засыпая в этот вечер, я был почти счастлив. Состояние пассивного ожидания конца сменилось ощущениями совершенно иными. Я снова был кому-то нужен, больше того — на полтора часа мне удалось отвлечь их от своих страданий и треволнений за близких. Я не мог дать им больше, и каждому из них еще предстояло сделать многое для счастливого исхода войны, и, конечно, не всем предстояло до него дожить, да и сам я лишь приостановился у рокового порога... Надолго ли? Снова заскребло на сердце, но я верил, что в эрмитажном убежище тепло и светло — хоть это было там еще по сравнению с той ледяной палатой, откуда я чудом вырвался...

А сейчас, раздетый почти до белья, я засыпал и сквозь сон слышал, как кто-то подкидывает в печку очередную порцию дров.

На другой день Александр Иванович отвел меня в сторону и сказал, что слушатели очень довольны и его благодарили. А к следующей лекции я был подготовлен еще лучше — недаром написал повесть про 1812 год. Говорил я с увлечением

и после этой лекции и по собственному ощущению, и по вопросам слушателей понял, что продолжение просто необходимо — надо было довести рассказ до взятия русскими войсками Парижа. К началу третьей лекции палата была полна, на койках сидело по несколько человек. Рассказ о военных действиях я постарался дополнить картинками победных торжеств — сценой капитуляции, торжественного въезда в центр Парижа и так далее. После лекции ко мне подошел командир в ватной телогрейке, представился Збронским и сказал, что прослушал все три лекции, а теперь рад со мной познакомиться и считает, что доктор Раков склонил его на хорошее дело — и он не жалеет, что дал согласие на эти лекции. Заметил ли я, что на последней было более семидесяти человек — ходят послушать даже из других палат. Кто был этот Збронский, я так и не узнал, может быть, комиссар всех трех госпиталей, размещенных в Мечниковке, или главврач.

15

Соседом, с которым нас разделяла общая тумбочка, был молодой кадровый военфельдшер Алексей Иванович (у этого соседа была какая-то сербская фамилия), тяжело раненный в обе ноги под Лугой. Он явно поправлялся, тем более что получал добавочный подкорм от своей жены. Она выменивала продукты, как говорила, где-то на углу Обводного канала и Лиговки и хоть раз в неделю приносила ему то сухари, то пряники, то сушки. Сосед был очень любознателен и интересовался вопросами истории России, а я, как мог, отвечал, за что, видимо, Алексей Иванович и угощал меня дарами супруги. Вопросы были хоть и по истории, но на тему дня —

например, была ли еще где-то блокада, подобная той, как наша?

Но из многих повестей о жизни, услышанных за полтора месяца в этой палате от раненых, мне особенно врезался в память рассказ моего второго соседа, койка которого была вплитык к моей. Фамилия его была Малышев — имени и отчества его не помню. Сравнительно легко раненный в ногу в конце ноября под Пулковом, он плохо поправлялся, потому что был очень истощен — тогда и на передке в окопах паек был скуден донельзя. А в госпитале Малышеву, как он говорил, «прокинулся» еще и голодный понос. Посадить его на диету Раков не мог — какая тогда могла быть диета? И Малышев выдерживал характер — голодать надо было по три-четыре дня на одном каком-то белом порошке, который пациент называл «мукой». У Малышева долго хватало воли это выдерживать — во всяком случае, все то время, как я лежал в этой палате. Днем он часто дремал, а ночью маялся от голода или от поноса и охотно шепотком рассказывал мне под храп соседей о своей жизни, которая не во всем была обыкновенной.

Родился и вырос Малышев в деревне Пулково, обыватели которой лет двести не имели запасек, а только сады и огороды и поставляли для Петербурга овощи, яйца, плоды и цветы. Этим с детства был занят и Малышев. При чем занят не только по необходимости, но и по призванию. О садоводстве и огородничестве он говорил, как поэт. В его рассуждениях оживали и яблоки разных сроков созревания, сладких или кислых, различных сроков хранения; и клубника, разложенная в корзиночках на листьях на продажу;

и испанские вишни, самые лучшие ягоды которых любят склевывать воробьи... Исто́во, с увлечением искусствоведа он повествовал мне об обмазке стволов яблонь известью, говорил, что даже до сего дня они удобренные, а именно от этого плоды, выращенные им, приобретают основные свои качества. В его рассказе придорожное пыльное Пулковое сверкало блестками гордости и любви, и слышалась тоска по утраченному раю. Ведь он видел, как оно горело, и как от домов оставались одни трубы, а потом рушились и они, и как артиллерия косила плодовые деревья. Но главное в рассказах Малышева заключалось в его повествовании о скитаниях по свету в течение восьми лет. В 1915 году его из запасной артбригады, квартировавшей в Луге, назначили к отправке во Францию, в корпус особого назначения⁸. Он проделал путь по суше, который шел через наш Дальний Восток, а потом по морям и океанам под конвоем французских кораблей. Он рассказывал о морозах в Сибири, жаре, которую несет ветер из Сахары, о высадке в Марселе, об отправке вместо Вердена в Македонию... Там встретила русская дивизия весть о перевороте 1917 года. После октября отказались воевать. Радио у них не было, а все-таки всё узнавали, хотя французы и скрывали от них, что могли. После тщетных попыток уговорить сражаться и угроз всех расстрелять французы распустили дивизию, выдав всем какие-то документы и скудные деньги на дорогу. Дальше каждый существовал как мог. Малышев с приятелем, тоже родом из Пулкова, перебрался в какой-то городок в Северной Африке, где нанялся работать на ферме у некоего господина Жуля смотрителем сада и огорода. Здесь он увидел

такие плоды и растения, «которых и в Божьем саду нету». В 1920 году, когда приятель, заработав наконец на дорожку из Африки, решил податься на родину, Малышев не поехал с ним, а застрял работником на ферме, потому что влюбился насмерть в дочку этого самого Жуля. Два года они крутили любовь, пока Мадлен не сказала: «Либо женись, либо проваливай в свою Россию». А тут Малышев получил письмо от отца, звавшего на родину, в Петроград. Писал о хороших ценах на все, что можно вырастить на огороде. Был 1924 год, НЭП. Читал, перечитывал отцовы строки, затосковал по родным и по Пулкову. А тут случилась размолвка с Мадлен, которая стала торопить с женитьбой. Грозилась связаться с каким-то прежним своим ухажером, раз Малышев так тянет. Поссорились очень крепко, и он сгоряча взял расчет и уехал. Добирался до России чуть не полгода. Ехал и тосковал по Мадлен — хоть назад возвращайся. Тосковал и по винограднику, который уже считал было своим, и по доброму старику Жулю, и по соседям, которые к нему привыкли и которых он полюбил. А как вернуться? Может, она уже с тем со зла загуляла? Нет уж! Приехал в Пулково, погряз в хозяйстве, женился через два года на соседской дочке, которую помнил девочкой. Спустя время родились две дочки. А Мадлен долго не мог забыть, нет-нет да и засосет под ложечкой, как от болезни, и встанет она в глазах в красном платочке, как на фотографии. В кино однажды увидел похожую барышню, так каждый день потом ходил, пока показывали этот фильм, а потом ночи не спал, а если засыпал — снилась. И думал: зачем, зачем уехал от своего счастья, дурак? И особенно винил себя, когда в 1930 году

все обширные участки у огородников отобрали, превратив старожилов-огородников в дачников. Им оставили при домах лишь небольшие участки, чтобы только на себя выращивали. А что это за дело для настоящего огородника? Отец с матерью скоро померли от огорчения. Поступил на «Треугольник» кузнецом. И стал мотаться между городом и своим Пулковом.

А когда началась война, то Малышева, ушедшего добровольцем, послали с частью на Карельский перешеек. Потом перебросили под Ленинград, и он побывал в Пулкове, но никого из своих там уже не нашел. И где теперь его жена, где девочки — неизвестно... Солдатское дело — не своя воля... Писал куда-то, пытался узнать, куда эвакуировали, но ответа не получил — блокада.

— А теперь забыли Мадлен? — спросил я.

— Куда там, Михалыч... Как новую войну начали, я все думаю о том, что мы с Францией опять вместе, и, может, мы им опять будем помогать... Вы не знаете (он назвал округ в Северной Африке) — его заняли немцы?

Этого я не знал. Признаюсь, не знаю и теперь...

Сколько раз через десятки лет вспоминали мы с Александром Ивановичем Раковым тогдашних раненых: Николая Алексеевича Рынина, лесовода, серьезного огородника Малышева, политрука Орлова, выпускавшего стенгазеты на плохой оберточной бумаге. У Александра Ивановича была удивительная память на пациентов, и, будучи врачом по призванию, он помнил все касавшееся медицинских аспектов каждого из этих людей.

Полтора месяца этой палаты были для меня памятни еще и тем, что за это время в ней никто не умер. Тяжело приходилось двум раненым в легкие, когда ветер задувал в палату дым. Они кашляли и проклинали тех, кто неумело сложил печку. Но на мой вопрос, насколько им вреден этот дым, Александр Иванович ответил, что мороз и даже просто холод для них был бы несравненно вредней. Не говоря уже о том, что их было двое, а остальных — тех, что поправлялись в большей мере благодаря теплу, тридцать восемь.

Полтора месяца — 40 дней — 20 бесед вечерами у печки... О чем же я говорил, кроме военной истории? Очень пригодились мне, если говорить об умении построить лекцию, недавние уроки профессора Рынина и лесоведа Ивана Ивановича, да и их рассказы также. Вечерами я мысленно строил сюжет, располагая среди общего повествования казавшиеся мне особенно яркими и убедительными детали. Снова пошли в ход уже прокатанные мной в «профессорской» холодной палате рассказы о грозном царствовании Ивана IV, о дворцовых переворотах XVIII века, о несчастном Иоанне Антоновиче и поручике Мировиче, об аракчеевщине и о Грузине с его страшной судьбой, связанной с убийством Настасьи Минкиной...

Не смогу умолчать, что через несколько дней — меня уже не было в палате — умер так долго державшийся Мальшев. При мне, помню, он сразу отдавал обслуживающей няньке весь свой паек «чтобы не соблазняться», а тут, видимо, не сумев выдержать диету на своей «муке», съел полный обед в День Красной армии — и, кажется, в ту же ночь кончился.

14 февраля я получил от Марианны Евгеньевны записку, что в бомбоубежище Эрмитажа отключили тепло и свет и надо оттуда перебираться в Басков переулок. Перетаскивать пожитки и оборудовать нашу маленькую комнату под жилье женщинам было не под силу. Мне надо было возвращаться. Очень сердечно простился я с новыми друзьями, и они подарили мне на память номер стенгазеты с заметкой о моих беседах. Номер этот я храню вот уже 36 лет как дорогой памятный предмет, напоминающий о людях, большинство из которых снова ушло на фронт. До победы дожили, вероятно, лишь немногие.

Еще раз скажу, что, если бы не покойный мой друг Александр Иванович Раков, не будь этой печки и военного пайка, я наверняка бы не пережил эту зиму. С кусками и кусочками хлеба, которые подарили мне новые друзья и которые я не стеснялся брать, так как шел к тем, кто жил на карточки иждивенцев, я бодро прошел дорогу до Эрмитажа. Падавших на улицах ни разу не увидел, но несколько трупов в одеялах и простынях провезли мимо меня на санях и детских саночках, как узнал позже, в направлении открытого городскими властями морга. Шел и гадал, кого еще недосчитаюсь из близких. Едва поспев поцеловать, казалось, предельно похудевших и плохо видимых мне в полутьме освещенных коптилкой Марианну Евгеньевну и дочку, как я задал этот вопрос. И услышал имя самого близкого друга, моего товарища по университету — Михаила Александровича Шпакова. И буквально не поспел еще дух перевести от этой вести, как подошла опухшая от слез жена Крутикова

Лидия Сергеевна Пискунова. Мы обнялись, и она сказала, глотая рыдания:

— Некого об этом просить... Если еще можете, то помогите вынести в гараж тело Миши. Он умер сегодня...

Так, через минуту после прихода я уже нес носилки, на которых передо мной лежало тело Михаила Захаровича. Этот хоть умер неожиданно. В это утро встал, побрился, оделся, как всегда очень тщательно — чистый воротничок, галстук, брюки со складкой, даже коричневые гетры в цвет костюма на чищенных ботинках. И вдруг прилег на топчан и без стона, без слова кончился. Смерть приходила тогда во всех видах — и в долгих муках голода, и вот так — разом, от остановки сердца. Накануне Михаил Захарович увязывал бечевкой сделанную в эрмитажной мастерской железную печку-буржуйку, укладывал чемоданы и портпледы — собирался в тот же день, что и мы, перебраться на свою квартиру. Может быть, от этого труда и надорвался. Когда мы несли его тело, то из одного полутемного угла убежища слышали рыдания. Потом узнали, что только что скончалась мать нашей сотрудницы — Тани Эристовой...

Татьяна Николаевна Эристова (1905 — после 1980-го), сотрудник Эрмитажа, близкий друг Владислава Михайловича и Марианны Евгеньевны Глинка. В служебной анкете Т.Н. Эристовой, хранящейся в архиве Эрмитажа, мать Татьяны Николаевны — Анна Доримедонтовна Чижова — обозначена как домохозяйка. В точном значении этого слова запись верна, Анна Доримедонтовна действительно была хозяйкой,

владелицей дома, при этом одного из лучших домов на самой аристократической улице Петербурга — Сергиевской (теперь ул. Чайковского, 40).

Отцом Т.Н. был Николай Клавдиевич Чижов (1865—1935), архитектор, профессор Института гражданских инженеров, автор первого проекта канализации Петербурга (1916) и председатель Комиссии по канализации и водоснабжению Петербурга. Архитектором был и дед (отец матери) Татьяна Николаевна — Доримедонт Доримедонтович Соколов (1837—1896), профессор архитектуры, директор Института гражданских инженеров, который построил множество зданий в Петербурге, Москве и в провинции.

В гимназию на Греческий проспект Таню возили на пони. Когда Танина мать в бомбоубежище Эрмитажа стала пухнуть от голода, она вспоминала, на каких приемах бывала в молодости. Перед смертью (февраль 1942 года) Анна Доримедонтовна потеряла рассудок и, забыв русский язык, говорила по-итальянски. Понимал ее лишь кто-то из отдела западной живописи, случайно оказавшийся рядом.

Мужем Татьяны Николаевны был Виссарион Сардионович Эристов (1905—1976), профессор Московского инженерно-строительного института, заслуженный строитель РСФСР, один из ведущих строителей Туркменского канала и других «строек коммунизма», дважды лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета и пр. и пр. Овдовев (Москва, 1976 год), Та-

тьяна Николаевна в письме к Владиславу Михайловичу писала, что институт, профессором которого был ее муж, пытается добиться, чтобы пенсию ее увеличили с 51 рубля до 60.

В конце жизни Татьяна Николаевна передвигалась по квартире, переставляя перед собой стул, на спинку которого опиралась — коленный сустав ноги был неподвижен. Последние письма Татьяны Николаевны в Ленинград полны беспокойства за престарелую родственницу, оставшуюся жить в коммуналке в бывшем чижовском доме на Чайковского, 40. Та, судя по всему: болезни, старость, коммуналка, безденежье, хищные, подстерегающие оказию на захват ее комнаты соседи — была в положении не лучшим.

С тех пор прошло тридцать лет. Судя по меняющимся вывескам, неутраченная борьба теперь идет за первый этаж этого замечательного дома.

Поставили тело Миши, простились с ним и вышли из гаража, где в ряд стояли два десятка таких же носилок. Лидия Сергеевна, плача, перечислила мне умерших товарищей из сотрудников ИБО: Пигореву, Юдину, Труханову, Понтошкину, Ростовцева. С одними я был более дружен, с другими — менее, но все мы дружно пережили те волнения за судьбу отдела, которые я описал в начале этих воспоминаний, все так радовались каждой удаче — и вновь тревожения и страдания за бесовские оттяжки и волокиту. И вот наконец отдел приняли в Эрмитаж, это казалось началом нормального осмысленного существования... Но так только казалось.

— А Валентин Борисович жив? — спросил я о Хольцове.

— На той неделе был жив, но Нина Алексеевна с Алешей плохи... — ответила Лидия Сергеевна. — А моя мама и сестра Веры умерли на той неделе, их уже из морга увезли, теперь отвозят сразу...

Наши вещи были наконец уложены, железная печурка, сделанная едва живым эрмитажным кровельщиком за мои ботинки, — связана. В середине февраля мы тронулись на двух санках, одни из которых надо было привезти обратно.

Если я думаю об этом периоде жизни, то прежде всего вспоминаю так или иначе доходившие до нас известия о смерти друзей и близких. Несколько лет назад я рассказывал дочери и племяннику о моих соображениях, касающихся смертности в блокадном Ленинграде. А потом взял лист бумаги и стал дополнять имена тех, кого не мог сразу вспомнить. За полчаса без напряжения памяти я набрал 130 человек. А на другой день еще 80. Конечно, тут были не только интеллигенты. Моими приятелями были музейные сотрудники, но в мой список попали и реставраторы, столяры, маляры, экспозиционщики, переплетчики, швейцары, муляжисты, вахтеры, охранники — они тоже вошли сюда. И я уверен, что если бы попросил Марианну Евгеньевну называть тех, кого она помнит, то список бы еще удвоился, если не утроился. Но довольно и того, что снова и снова вспоминаю лица, слова этих дорогих и, как правило, очень разных людей.

Выйдя из госпиталя, я узнал, что в городе открыты так называемые стационары — род оздоровительных санаториев для больных дистрофией — тогда, едва ли не впервые,

я услышал название этой всеобщей тогда болезни. Там щедро давали масло, мясо, икру, шоколад. И большой процент тех, кто туда поступал, умирали через два-три дня. Скоро, но отнюдь не сразу, как рассказал мне в 1943 году знакомый доктор-терапевт, организаторы этих стационаров узнали, что людей, перенесших такой голод, надо держать на строгой диете, очень постепенно увеличивая дозу питательных веществ. В следующие годы ряд ученых-теоретиков писали научные работы о дистрофии, приводя цифры умерших в стационарах. Я читал одну такую работу. В ней между прочим говорилось, что в стационарах было холодно, больных приносили туда завернутыми в одеяла и даже в пальто. А также что там не было теплой воды для умывания, не говоря уже о душе. Облегчение же тела от одежды и от грязи помогло бы лечению. В гостинице «Астория» был устроен стационар для художников, архитекторов, композиторов. И сколько же их там умерло от грубого невежества тех, кто был поставлен во главу этого, казалось бы, нужного начинания! Список этих погибших тоже можно было бы приложить к уже упомянутому сборнику «Подвиг века». Почему-то там нет списка умерших от голода писателей, литературоведов. А почему нет музыкантов, музыковедов? Ведь это тоже строки мартиролога ленинградской творческой интеллигенции?

17

Среди вестей о кончине друзей и знакомых меня особенно поразила весть, которую я услышал на другой день после нашего исхода из бомбоубежища, когда я привез обратно чужие

санки. Мне рассказали о смерти Федора Федоровича Нотгафта и его жены Елены Георгиевны. Кончина обоих не была для меня неожиданной, оба были немолоды, не очень здоровы и очень мало приспособлены к тому, чтобы искать продовольствие необычными для них путями, но обстоятельства этой кончины представились мне даже для того времени особенно трагическими.

Его инициалы и фамилию я запомнил после большой посмертной выставки работ Б.М. Кустодиева в Русском музее. На ней был показан написанный маслом поколенный портрет дамы с этой фамилией, акварельный портрет самого Федора Федоровича в рост, в халате, держащим в руке одну из работ Кустодиева, и несколько пейзажей с надписями под ними «Из собрания Ф.Ф. Нотгафта».

Меценат, коллекционер, решил я. Видимо, и сейчас живет в Ленинграде, раз выставлены предметы из его собрания.

Потом принадлежащие Нотгафту живопись и графика появлялись на выставках работ Рылова и Остроумовой-Лебедевой. И всегда это были превосходные по качеству и небольшие по размерам вещи.

Но познакомились мы только весной 1941 года, когда я стал научным сотрудником Эрмитажа, в котором Нотгафт заведовал издательским отделом. Неизменно элегантный, тщательно, но предельно скромно по цветам и покрою одетый, Федор Федорович располагал к себе спокойным выражением лица и ненавязчивой приветливостью, свойственной хорошо воспитанным людям. Разговорились же мы и несколько сблизились в сентябре, когда у меня начались суточные дежурства в противопожарной команде, а Федор Федорович работал на

связи — в первом от Малого подъезда кабинете, опустевшем после мобилизации заместителя директора по научной части. Кроме того, он оставался вечерами в кабинете директора ответственным дежурным у телефона, готовый принять сигналы и распоряжения свыше и в любую минуту разбудить академика Орбели, спавшего поблизости на антресолях над коридором. Так как наши дежурства часто совпадали, то как-то после очередной тревоги, спускаясь с крыши, я встретил вышедшего в коридор Федора Федоровича, и он пригласил меня выпить с ним чаю. Вспомнив о портрете на выставке, я рассказал Федору Федоровичу, что летом 1922 года Б.М. Кустодиев лечился на курорте в Старой Руссе у моего отца. Рассказал и о том, как мы с приятелем возили его в кресле на колесах по набережной моей родной речки Перерытицы, где он рисовал вековые ивы бульвара и уходившие от него захолустные улочки, позже увиденные мной на литографиях, присланных в подарок отцу.

Тут раздался звонок — оповещали о новой воздушной тревоге. Мы должны были прервать чаепитие, но потом я спустился к нему, и мы в разговоре провели часа два. Собеседник он был интереснейший. Разговоры наши повторялись потом еще и еще. Вернее, впрочем, называть их расспросами. Я раньше слышал, что Ф.Ф. состоял единственным членом общества «Мир искусства», не будучи художником, но ведя его издательскую деятельность. И теперь я стал задавать Ф.Ф. вопросы о выставках «Мира искусства», о характере его членов, об их взаимоотношениях. Ф.Ф. отвечал охотно, умно, но корректно по отношению ко всем упоминаемым. Однако между строками можно было прочесть его симпатии, дружеские отношения,

оценки деловых и душевных качеств. А однажды, уже в конце сентября, он пригласил меня в воскресенье — мы оба были свободны от наших дежурств — прийти к нему в гости в Кирпичный переулок (угол Малой Морской), чтобы посмотреть собрание принадлежащих ему картин. Можно и после работы, пока еще светло вечером.

— Приходите, — сказал Федор Федорович. — Посмотрите недурные работы.

Мы все еще вовсе не представляли себе, к чему идет Ленинград.

Я был приглашен к часу дня, и то воскресенье я вспоминаю как последнее «медовое» воскресенье. Еще бы! Это был последний воскресный визит с нарядно поданным завтраком. Сначала мы смотрели картины, их было много — около сорока. Кажется, Федор Федорович с женой Еленой Георгиевной занимали три смежные комнаты по одну сторону коридора, но я-то был в двух (очевидно, кроме спальни). И все стены этих двух комнат были увешаны в два, а то и в три ряда первоклассными, но небольшими полотнами. Здесь были Бенуа, Лансере, Сомов, Бакст, Серебрякова, Кустодиев, Добужинский, Сапунов. По скромности Ф.Ф. тогда не сказал, что многие из этих работ были подарками друзей-художников, о чем впоследствии я узнал по подписям на обороте. А кроме живописи было еще большое собрание рисунков. И каких! Взять хоть маленькую акварель А.Н. Бенуа — кусок парижской боковой улочки в солнечный день с фиакром, кучер которого явно дремал, разомлевши от ожидания... Скажу в скобках, что до революции Ф.Ф. был состоятельным человеком, много раз ездил в Европу в студенческие годы и взрослым уже человеком,

отлично знал ее музеи. После неторопливого осмотра — тут грех было торопиться, я был приглашен к завтраку — какая-то запеченная в тесте рыба, сухое кавказское вино и кофе. Скатерть была слегка подкрахмалена, и столовое серебро отменное, но в стиле модерн, как и вся почти мебель. Когда мы сидели за столом, то без звонка, открыв дверь своим ключом, пришла сотрудник Русского музея Анастасия Сергеевна Боткина — оригинал одного из двух портретов работы Серебряковой, висевших тут же в столовой-гостиной, что я не сразу понял. Об этом сказал Федор Федорович, сообщив ей, что мне понравилось ее изображение в его коллекции. Анастасия Сергеевна разумно заметила, что позировала лет двадцать назад, что, мол, и видно по оригиналу. Но и в тот день она была еще очень хороша, хотя цвет лица и синева под глазами выдавали возраст. Я заметил, что дама умна, остроумна и не без язвительности. Рассказывая о делах Русского музея, она очень презрительно охарактеризовала поведение бедного Григория Михайловича Пригова при обстреле Михайловской площади.

Позднее я узнал, что Ф.Ф. был женат трижды. Первый его брак с француженкой Рэне Ивановной был прерван ее отъездом в 1921 году во Францию, куда Ф.Ф. эмигрировать не захотел. Уехала она вместе с сыном Ф.Ф. Колей. Второй женой была Анастасия Сергеевна Боткина. Злые языки говорили, что Ф.Ф. не выдержал ее неровного и недоброго характера. Третья — Елена Георгиевна, сотрудница отдела рисунков Эрмитажа, гостеприимная хозяйка и отменная кулинарка — маленькая, тоненькая, худошавая дама, напоминала хрупкую птичку не только станом, но и манерами, и голоском.

Наши вечерние разговоры с Ф.Ф. происходили еще не раз, и на моих глазах он, как и все, худел и бледнел. Как умный человек, он раньше других понял нашу обреченность.

— Не догадался я в августе или сентябре передать в Эрмитаж картины из своей квартиры, а теперь и сил нет ... — как-то сказал он.

— Бойтесь бомбежки или обстрела? — спросил я.

— Нет. Это все-таки маловероятно, но посмотрите на нас, эрмитажных, куда мы идем... — Он не сказал, куда мы идем, но то, что имел в виду, уже было явно. Я, конечно, сказал, что готов ему помогать, он поблагодарил, но больше к этой теме не возвращался.

Повторю, что манеру Ф.Ф. вести себя я бы определил как высшее проявление благородной скромности. При взгляде на него вы сразу чувствовали, что это человек отменного воспитания — хорошее образование, привычка одеваться у хорошего портного, знание цены себе и другим, манеры. И все на нем: костюм, обувь, шарфы, белье — было очень чистых тонов. Серое, пепельное, белое, черное. Он держался свободно, но не развязно и независимо со всеми. Естественность и непринужденность были во всем его существе, начиная с лица с мягкими чертами. Ум, ирония, сочувствие, всепонимание. И при этом предел скромности.

Помню, как в одну из наших последних встреч перед моим уходом в больницу Ф.Ф. сказал, что перечел стих Сервантеса из пьесы «Нумансия», в котором говорится о бедствиях войны, и понимает, что нет их хорошего русского перевода, особенно отрывков «Говорит голод». Мы оба не знали тогда, что их уже отлично перевел Н.С. Тихонов. Упо-

мяну, что в тот же день, повстречав Иосифа Абгаровича, Ф.Ф. просил, «если что», взять в библиотеку Эрмитажа его книги.

А когда я вернулся из госпиталя, мне сказали, что Ф.Ф. в конце декабря не появлялся в Эрмитаже три дня и Орбели послал кого-то дойти до Кирпичного, благо близко, и узнать, живы ли они с Еленой Георгиевной, тоже долго не появлявшейся в Эрмитаже.

Посланец вошел в квартиру без труда — дверь была отперта, и в квартире был такой же холод, как на дворе. Ф.Ф. и его супруга лежали на диване рядом, укрытые пледом и давно уже умершие. А на двери, на перекинутом через нее шнуре от оконной занавески, привязанном к медной ручке, висела Анастасия Сергеевна Боткина. Рядом лежал поваленный стул. Очевидно, добралась их навестить, нашла мертвыми и, не став дожидаться своей очереди, тут же покончила с собой. А на стенах висели десятки холстов и гуашей, и в папках лежало множество рисунков, цена которых составляла в предвоенное время многие сотни тысяч рублей.

По приказу Орбели тела были отвезены в морг, находившийся в «церкви на крови» Александра II, а картины, рисунки и книги Нотгафтов перенесли в Эрмитаж.

Понятно, я больше не надеялся побывать в этой квартире, но судьба судила иначе. Почти через год, осенью 1942 года, когда я уже работал в Институте русской литературы, Виктор Андроникович Мануйлов⁹ получил письмо от находившегося в эвакуации с осени 1941 года известного литературоведа М.К. Азадовского. Азадовский просил Ма-

нуйлова побывать в его квартире и, буде шкаф с книгами, оставленный в коридоре, уцелел, как и вся квартира, задвинуть его в комнаты и там запереть. И вот втроем — Мануйлов, Михаил Иванович Стеблин-Каменский и я — пришли в ту самую квартиру на Кирпичном, где я провел последнее воскресенье сентября около года назад. Оказалось, что Нотгафты с Азадовским делили квартиру пополам, по двум стенам коридора.

Я заглянул в комнаты Нотгафтов. Там было пусто, мебель уже всю куда-то вывезли, на паркете мелкий мусор и пыль. Но на стенах с бронзовых штанг, укрепленных над карнизами, свисали крученые бечевки. У Федора Федоровича картины висели не по-дилетантски на гвоздиках, а подвешивались. И тут сказывался вкус и достаток коллекционера. В эти комнаты солнце не заглядывало. Может быть, «уплотняя» свою квартиру семьей Азадовских, Федор Федорович обдуманно уступил им комнаты по другую сторону коридора, куда солнце светило по утрам. Но все же и в комнатах Нотгафтов кое-где на стенах обрисовывались не выгоревшие от света прямоугольники на обоях, оставленные «недурными» картинами...

Одна из двух комнат Азадовского была изнутри закрыта на крючок, но по указанию Марка Константиновича мы ее «высадили», т.е. попросту вырвали скопом задвижку и задвинули туда три шкафа из коридора. Да ведь не просто задвинуть! Надо было выгрузить все книги на пол, передвинуть шкафы и снова поставить в них книги. Потом мы ввинтили в дверь кольца, повесили замок — взяли его из музея института — и, наконец, наложили на все двери печати института.

Уже перед уходом я заглянул в кухню, мимо двери которой мы проходили. Здесь у плиты я увидел полную наволочку от подушки, наполненную какими-то бумагами. Заглянув в одну из них, я прочел начало протокола одного из заседаний «Мира искусства» о приеме в члены общества Нарбута. Очевидно, что это была часть архива «Мира искусства», и, вероятно, как не очень важная часть его, эти бумаги предназначались на растопку. Но я все-таки захватил их с собой и в 1950-х годах передал В.Н. Петрову, от которого они впоследствии перешли в архив Русского музея. Потом и все собрание Ф.Ф. поступило в отдел истории русской культуры.

Через несколько лет мы разговорились о судьбе Нотгафта с Г.С. Верейским, и я спросил, почему Ф.Ф. не уехал в Париж с Ренэ Ивановной и сыном. В те годы при помощи Луначарского и Горького многие люди, связанные с искусством, уезжали за рубеж. Не потому ли, что жалел расстаться со своей коллекцией?

— Может быть, отчасти, — сказал Георгий Семенович со свойственной ему неторопливостью. — Хотя я знаю, что он вел тогда переговоры с Петром Ивановичем Нерадовским о передаче коллекции в музей, как делали многие уезжавшие. Но главное, думаю, в чувстве неразрывной связи с Россией. Как-то он сказал мне: «Что бы я там стал делать? Положим, языки знаю, есть кое-какие знакомства, работал бы в каком-то издательстве, вроде Гржебина... Но как бы тосковал по Петербургу! Я ведь каждый раз из-за границы ехал как будто на свидание с возлюбленной... И тут мне всегда находилась работа по вкусу... Уверен, что и Бенуа, и Сомов, и Серебрякова иногда от тоски воют...» Вот что он сказал. Тоска по

родине — не выдумка поэтов. А потом... — Георгий Семенович немного замялся. — Его же любила Анастасия Сергеевна. Она ведь была и красавица, и умница. Но характер! Не тем будь помянута покойница... А потом, кто же мог предвидеть блокаду?!

В 1962 году перед тем, как передать большую часть коллекции Ф.Ф. в Русский музей, в Эрмитаже, в фойе театра, была открыта выставка произведений живописи и графики из собрания Нотгафта. Выставка была первоклассной. Тогда же Эрмитажем был издан и каталог этого собрания, открывающийся портретом Ф.Ф. работы Б.М. Кустодиева и статьей друга Ф.Ф. Владимира Францевича Левинсон-Лессинга. На обложке каталога был черно-белый силуэт Петропавловской крепости работы Остроумовой-Лебедевой — графическая часть экслибриса Нотгафта. Несколько экземпляров этого каталога были отправлены сыну Федора Федоровича во Францию.

«Расшифровав» эту главу в рукописи В.М., я позвонил Константину Марковичу Азадовскому, и мы встретились. Я показал ему текст, и Костя сказал, что у его родителей в той квартире также была живопись, и имена художников примерно те же, и родители были с Нотгафтами не просто соседями, а находились в близких приятельских отношениях. И по этой причине кое-что из живописи — особенно в коридоре — висело вперемешку, и он помнит, что на выставке работ из собрания Ф.Ф. Нотгафта, на которой он был со своей матерью, она, указывая на некоторые работы, говорила: «А эта вот — была нашей».

Но возвращаюсь к рассказу о нашем возвращении в Басков переулок. В одной комнате 14 кв. метров поместились Ольга Филипповна, Марианна Евгеньевна, Ляля, я и (часто) Мария Степановна¹⁰ (или тетя Маруся), проводившая с нами все свободное от работы на заводе время. В дверцу круглой печки вывели трубу от железной буржуйки, по сторонам стояли два ложа — оттоманка без подушек и валиков и кровать, а к окну примыкал мой письменный стол, и донизу стояли стеллажи с книгами. Окно, зафанеренное еще в октябре, давало скудный свет через чудом уцелевшее стекло фрамуги. Придя из госпиталя, с радостью узнал, что на Эрмитаж есть письмо от брата. Брат сообщил, что хотя не попал в прежнюю часть, чего добивалось его начальство, но служит опять в Колпине помощником начальника штаба 65-го стрелкового полка и получил из Кологрива письмо, где исправно получают от него деньги по аттестату, и все здоровы. Письмо, дошедшее до нас из Кологрива, читалось, правда, между строк, куда печальней. По счастью, детский сад, в который удалось устроить моего племянника, находится близко, и близко до школы, в которую пошла племянница, так что в летней обуви они туда все же добегают. Мама смотрит за детьми дома, а Екатерина Александровна служит, но худо то, что работа в основном по деревням, а одета она не для зимы в Костромской области...

В нашей семье еще и еще раз обсуждалось, как быть, если не удастся добыть машины, чтобы добраться от Мантурова до Кологрива — ведь, отправляясь в эвакуацию, надо было везти с собой много одежды и предметов быта. По благородству

и доброте Марианны Евгеньевны и Ольги Филипповны и речи не было о том, чтобы уехать куда-то в другие места, что было нетрудно сделать. Не помню, как стало известно, что военврач Олег Михайлович Корсаков со своей частью стоит в Тихвине. Отец Олега Михайловича был другом отца Марианны Евгеньевны и в детстве часто и помногу живал в семье Таубе. Вот ему и было послано письмо, не сможет ли он прислать грузовик, чтобы вывезти Ольгу Филипповну, Марианну Евгеньевну, Лялю и тетю Марусю с максимальным количеством поклажи. Мария Степановна теперь не оставляла моих близких и разделит с ними эвакуацию, хотя все еще тянула работу на заводе. Объяснялось это сравнительно сносным пайком, который в феврале и марте был несколько повышен, так что у одинокого человека появлялись шансы выжить. Не будучи родственницей, тетя Маруся была членом нашей семьи и готова была самоотверженно разделить с Марианной Евгеньевной все тяготы эвакуации с заботами о разрозненной семье. Все понимали и то, что Екатерина Александровна, и так некрепкая от природы, перенесла в июне 1941 года серьезную операцию, а затем все тревоги и труды бегства. Надеяться на ее силы особенно не приходилось. Забегая вперед, скажу, что она прожила недолго — гибель брата в 1942 году ее доконала, и она сломалась...

В наших обсуждениях в Басковом переулке в конце февраля было окончательно решено, что я пока остаюсь в Ленинграде, чтобы сохранить квартиру. Кто знает, может, из эвакуации придется привезти все семейство, ибо старорусское владение уже едва ли существует.

В марте от Корсакова было получено известие, что он постарается вывезти мое семейство на большую землю.

Корсаковы — отрасль древнего литовского рода Корсак, переселившихся в Москву в конце XIV века. Из этого рода были воеводы, дьяки, митрополиты, генералы. Врач Михаил Алексеевич Корсаков в молодости был помолвлен с Ольгой Филипповной Королевой, и в этом качестве они оба: он — начальником санитарного поезда, а она сестрой милосердия — отправились на японскую войну. Однако через какое-то время Михаил Алексеевич был увлечен другой барышней (также сестрой милосердия), и предыдущая помолвка была разорвана. Трагедии, однако, вслед за этим разрывом никакой не последовало, и Ольга Филипповна уже вскоре вышла замуж за начальника другого санитарного поезда — Е.П. Таубе. Более того, две образовавшиеся семейные пары были впоследствии в столь тесных и теплых отношениях, что супруги Таубе были крестными родителями одного из детей Корсаковых, а в трудные 1920-е годы, когда семья Корсаковых стала погибать (умер отец, а вдова с тремя сыновьями остались без жилья и без средств), этот мальчик, Вадим, несколько лет жил в семье Таубе. Подрастая, Вадим влюбился в Марианну, дочь Ольги Филипповны (впоследствии вышедшую за В.М. Глинку), и, хотя никаких последствий эта любовь не имела, дружба семей сохранилась на всю жизнь.

Младший брат Вадима — Олег Михайлович (1912—1987), продолжая медицинскую традицию фамилии, стал военным врачом и в этом качестве в 30-е годы был участником событий на озере Хасан и на Халкин-Голе. Война застала его в должности начальника гарнизонного лазарета Гатчины, эвакуацию которого при приближении немцев он провел столь успешно, что получил

за это награду. Именно его военно-медицинский статус позволил ему в конце зимы 1942 года помочь семье Таубе-Глинок, и он вывез из осажденного Ленинграда Ольгу Филипповну, Марианну Евгеньевну и маленькую Лялю.

К слову сказать, вывезя из блокады семью Глинок, Олег Михайлович не успел или не смог вывезти своего брата — Григория. Тот был видным специалистом по языкам народов Крайнего Севера — чукотскому и корякскому. Защитив во время блокады диссертацию, он затем умер от голода.

Начались приготовления к отъезду — сборы и упаковка чемоданов и тюков — что-то брали с Баскова, что-то носили с Чайковской, где была комната Ольги Филипповны. Собирали все, что может быть необходимо, главное, одежду, необходимую кухонную утварь и посуду. Все постепенно упаковывалось и увязывалось.

Решение разделиться и мне не ехать со своими в Кологрив было для нас не из легких. Но как иначе было поступить? Что я в эвакуации мог бы делать? Чем добывать паек и деньги? Что я такое? Музейный работник чисто ленинградской принадлежности. Почти полтора десятка лет вся моя работа, все дни проходили в музеях, в среде музейных работников. Но и оставаясь в Ленинграде, надо было переходить на другую работу, где полагалась бы рабочая карточка с 400 г хлеба. Ходить ежедневно в Эрмитаж с Баскова переулка было тяжело, тем более что там порой приходилось участвовать в работах, которые трудно назвать разумными. До сих пор помню яркий

солнечный день, когда всем нам приказано было с ломami и лопатами очищать тротуар по набережной перед эрмитажными зданиями. Смысл этой работы был нам непонятен: стучали три часа ломami, а что толку? Но, заметив мои невольные передышки, на меня накричал Адус Ионович Вилкус, бывший помначштаба обороны Эрмитажа, к чему-то наблюдавший за работавшими. Назвал еще бездельником и притворщиком. Кстати, пожарная команда к этому времени сама распалась за смертью большинства «бойцов»: А.Н. Болдырев, обессилев, отлеживался дома, Б.Б. Пиотровский, тоже обессилев, едва переставлял ноги. Он никогда не жаловался, но при встречах, словно прощаясь с чем-то самым замечательным в мире, мечтательно говорил о Ереване, где когда-то в молодости начал раскопки. Мы все еле двигались, а нам, как новобранцам, которых надо обязательно чем-то занять, еще придумывали ежедневную работу вроде скалывания льда или уборки залов, галерей и коридоров на случай попадания зажигалок. Иногда же мы были заняты просто перемещением за чем-то с места на место отдельных экспонатов или даже экспозиций. Такая работа забирала остатки сил.

19

Видя, в каком жалком состоянии добираюсь я до дому, Ольга Филипповна попросила друга своего покойного мужа Николая Николаевича Петрова взять меня в свой военный госпиталь санитаром. Это давало рабочую карточку при суточном дежурстве, после которого следовали свободные сутки. Надо сказать, что Николай Николаевич жил с семьей в здании ГИДУВа на Кирочной, и как маститый хирург и директор

Онкологического института шефствовал над хирургическим отделением открытого академией в ГИДУВе эвакогоспиталя № 78. Конечно, я был рад такой перспективе — работа в Эрмитаже стала физически тягостной от выдумываемых в его штабе абсурдных работ, кроме того, уж слишком много моих друзей и товарищей ушли там в небытие. Пребывание в холодных залах с пустыми рамами без картин и постаментами без скульптуры было лишено смысла.

Я подал заявление об уходе и в первых числах марта был зачислен санитаром приемного покоя 78-го эвакогоспиталя. Но непрактичный и всегда далекий от «мелочей быта» Николай Николаевич не понимал, чем отличается служба санитаром в приемном покое от санитаров в отделениях, и оттого вышло, что попал я «из огня да в полымя». В то время как в отделениях мои коллеги работали главным образом на перевязках и операциях, лишь подвозя раненых, следовательно, в пределах своего этажа, и после ухода врачей, кроме дежурных, отходили к отдыху и набирались сил, нам, санитарам приемного покоя, за свою рабочую карточку приходилось выполнять двойную, а то и большую нагрузку. Днем нам с напарником полагалось напилить и наколоть дрова на душевую установку приемного покоя, которая должна была работать всю ночь, когда из фронтовых санбатов привезут раненых. Для этого требовалось напилить и мелко наколоть от кубометра до полутора кубометров дров, в зависимости от их сухости и от того, сколько раненых поступит. А потом разгрузить этих раненых из автобусов и после мытья развезти по отделениям. Напарник мне достался не из легких — мариец Ваня, едва говорящий по-русски, очень нескладный, с низким тазом и длинными, как у обезьяны, руками

и с плоским неподвижным лицом. Он после ранения в ногу был оставлен в госпитале и очень дорожил этим местом, спасшим его от фронта. Был он силен, а главное, вынослив, как верблюд. Пилить с ним дрова было очень трудно, хотя до этого я думал, что хорошо умею пилить. Он буквально загонял меня, беря очень быстрый темп движения пилы, и когда я невольно замедлял его, подчеркнуто злобно покрикивал:

— Ну ты, шибко образованный, шевелись!

Понятно, что я лез из кожи вон, чтобы не слышать этих презрительных понуканий. А ночью, когда обычно прибывали раненые, бывало еще тяжелей. Носилки в автобусах, переделанных из городских, размещались в два яруса. Чтобы вынести верхние, нужно было вынуть за ручки верх и одновременно отстегнуть карабин на цепочке, которой пристегивались эти самые ручки. Потом вынести носилки из автобуса, не тряхнув, не стукнув и тем более не зацепив за боковины довольно узких дверей. Но еще тяжелее приходилось, когда после мытья мы разносили их по палатам, размещавшимся во всех трех этажах здания. Когда надо было поднимать носилки с первого на второй или на третий этажи, то каждый вдох и каждый шаг разрывал сердце. Но надо было нести без остановок, и опять же очень бережно — не тряхнуть лишний раз. Да, тяжелая это была работа, самая тяжелая из всех физических нагрузок за всю мою жизнь... И как сейчас слышу этот скрипучий и монотонный голос Вани, негромко понукающего:

— Ну чего, чего? Сдох? Давай, давай, образованный!

А дома был голод, холодина, бледные лица, тонкие пальцы Марианны Евгеньевны, разрезанный на крошечные кусочки хлеб, который еще надо было чуть подсушить на печке, такой

он был сырой и клейкий. И я бывал себе отвратителен, потому что не раз был готов сказать:

— Дайте мне побольше, ведь я так тяжело работаю...

Подкормом к микроскопической городской выдаче крупы и еще чего-то случайного были для нас пять кило столярного клея и некоторое количество лаврового листа, который должен был отбивать запах от этого клея. Это богатство было добыто для нас Исааком Яковлевичем Кальфой¹¹, многолетним нашим другом. Бог мой! Что за отвратительное это было кушанье! И все-таки я съел его не одну тарелку. Но потом, верно, лет десять после этого не мог без содрогания и порывов к рвоте слышать запах столярного клея. Чего же в то время не ели люди? Я не говорю о голубях, воронах, кошках и собаках — их к февралю в городе не было. Вываренные ремни, ручки портпледов, гомеопатические лекарства ложками, горчицу, растворенную в кипятке. Сухая, плесневелая корка, завалившаяся за ящик буфета, казалась желанным подарком.

Поспав после дежурства, я уходил бродить по городу, придумывая себе дела, ведь я почти ничем не мог помочь своей семье, а в госпитале неоднократно слышал, что если хочешь выжить, то нельзя лежать. Бродить без цели — но двигаться! Однако вскоре придумал себе дело или хотя бы его призрак. В эти яркие солнечные дни в различных частях города открылись книжные лари, и я тщетно искал среди продавцов знакомых букинистов — Шилова, Наумова, Лебедева и других, чтобы предложить свои книги. Все-таки на деньги, хоть, правда, небольшие, на рынке можно было купить кое-что из продовольствия... Несколько раз мне пришлось сходить в Эрмитаж за своими документами и за какими-то вещами, оставленными

в противопожарной команде, и в один из таких походов, когда я брел около цирка, меня кто-то окликнул. Это оказался мой давний знакомый еще юношеских лет Макс Рейтер. Мы много лет не виделись, но еще студентами мы как-то целую зиму жили в одной комнате на Загородном, 34. Как он сейчас узнал меня — бог весть! И этот старый знакомый, спеша куда-то по делам, сказал, что работает на таком-то заводе в конце Большого проспекта Васильевского острова и если я туда приду в ближайшие дни, то он даст мне что-нибудь съестное.

— Взамен того портсигара, который, дело прошлое, я тогда не потерял, а на самом деле проиграл в карты... — сказал он мне на прощанье.

Да, дело было действительно прошлым. Два десятка лет назад он как-то взял у меня, чтобы «шикануть» в компании, серебряный портсигар с окошечком из слюды — такие были модны перед войной 1914 года, и, вернувшись под утро, сказал, что на него напали хулиганы, пришлось драться, и портсигар в этой драке он потерял. Я тогда поворчал, но поверил. И вот теперь он вспомнил этот случай, бывший в 1922 году.

Через день, после дежурства, я добрался до его завода, и он угостил меня кружкой крепкого чая с сахаром и отдал буханку полубелого хлеба, которого мы не видели с сентября. А когда я отрезал от нее треть, а остальное стал заворачивать в газетку, Макс неторопливо развернул ее, положил передо мной большую часть, а завернул и завязал бечевкой меньшую.

— Ты — кормилец, и ты пришел сюда, — сказал он наставительно. — Но я же вижу — если как следует не поешь, обратно тебе не дойти. И мой тебе совет — если есть возможность, эвакуируйся поскорей со всем семейством. Когда

ты меня встретил, я шел как раз хлопотать, чтобы выехать с женой и детьми. Если придешь скоро еще раз, то застанешь меня, а то я уеду...

Половину буханки до дому я, конечно, донес, но, признаюсь, моего самообладания для этого едва хватило. Понять меня, наверно, смогут только блокадники.

Через несколько дней я снова с надеждой отправился на Васильевский остров. Но вахтер на проходной завода, спросив, к кому я хочу пройти, сказал:

— Максимилиан Михайлович с семьей утром уехал.

20

Все приданое моей первой жены Лидии Ивановны я после ее кончины возвратил ее родителям. Супружество наше продолжалось лишь четыре месяца (тиф, 1926 год), к тому удару я не был приготовлен и был в такой горе, что видеть вещи покойной было для меня мучительно. Но как-то случайно задержалась у меня одна небольшая плюшевая скатерть с цветами посередине. Так она и лежала всегда без употребления. И вот накануне Марианна Евгеньевна на Мальцевском толкучем рынке увидела, как за похожую скатерть дали целую буханку хлеба. Мои домашние воодушевились, и на другой день Марианна Евгеньевна и Маруся понесли скатерть на рынок.

Я дремал тогда после дежурства и проснулся от горького плача чуть не всех четверых. Оказалось, что рыночный опыт моей жены и нашей Маруси мало чего стоил, и, хотя обмен совершился и за скатерть был получен большой бумажный пакет муки, но когда муку принесли домой и попытались что-то испечь, то выяснилось, что мука насыпана лишь сверху, а глубже

лежит мел. Плакали все четверо, а Маруся особенно корила себя за то, что перед этим ей давали за скатерть полбуханки хлеба и десяток кусков сахара, а она польстилась на муку. Такой обман был обстоятельством для тех дней не редкостным, но дотоле он как-то обходил нас стороной.

Плакали мои женщины, как я понимаю, не только оттого, что нет ни скатерти, ни муки, но еще и оттого, что с женщиной, которая их обманула, Маруся и Марианна Евгеньевна какие-то минуты радовались как бы вместе. Женщине на радостях сообщили, кого именно хотят накормить, то есть старушку и девочку, и одна рада была еду как бы послать, а другие двое эту еду доставить, но поддакивания и улыбки обернулись холодным актерским обманом, и это было особенно горько... Скорее всех успокоилась Ляля и стала со мной успокаивать остальных. Вообще, вспоминая ту страшную зиму, не могу опустить, что она держала себя так, как мне, к примеру, себя держать не удавалось. Как она старалась подсунуть мне свои кусочки хлеба!

К середине марта милиция, управдомы и дворники отвезли в морги те трупы, что лежали по улицам в сугробах и в подъездах. Остались они только в дальних дворах, где плохо таяли сугробы, или в квартирах, где семьи вымерли целиком. Через окна первых этажей я видел не одну такую страшную комнату с трупами на кроватях, например на улице Пестеля и на Кировской. Кое-где под весенним солнцем стал подтаивать снег, и на улицах открывались останки убитых зимой животных. В одном месте увидел отрезанный собачий хвост и кишки — видно, тут же на улице беднягу и свежевали. В другом — из-подо

льда показалась кошачья голова. Когда мы гуляли с Лялей, я старался зорко оглядывать нашу дорогу, чтобы оградить ее от таких зрелищ. Как-то вблизи Эрмитажа я все-таки чуть не наступил еще на одну кошачью голову — то было добавочное доказательство, что и кошки, как и умирающие от истощения люди, понимали — эрмитажное убежище перестало быть убежищем, и надо из него уходить.

21

В один из моих свободных от дежурства дней Ольга Филипповна попросила меня сходить в Мечниковскую больницу, к Александру Ивановичу, чтобы принести от него какую-то справку о ее работе в Онкологическом институте, которая могла понадобиться в эвакуации. Неделей раньше, когда Маруся ходила туда с письмом, лед был еще крепок, и, пройдя мимо дома богадельни у Смольного собора, Неву можно было перейти наискосок по тропочке. Тропочка выводила прямо к началу Пискаревского проспекта, ведущего к Мечниковской больнице. Но началась оттепель, уже не позволявшая идти той дорогой — надо было идти через Литейный мост. По дороге же я должен был зайти в комнату Ольги Филипповны на Чайковского, где взять какой-то не то чайник, не то кофейник для передачи Раковым. И вот, двигаясь по Чернышевскому проспекту и повернув за угол на Чайковского, я стал свидетелем картины, которую никогда не забуду.

Дом 46—48 по Чайковского называют то домом Барятинского, то иногда дворцом великой княгини Ольги Александровны, младшей сестры Николая II, которая вышла замуж за своего троюродного брата принца Петра Ольденбургского.

Окна дворца, центр которого двухэтажный, а крылья трехэтажные, были заклеены по-блокадному бумажными полосами крест-накрест. Я шел по наледям на тротуаре вдоль дворца и припоминал имена архитекторов, связанных со строительством этого, собственно, и не дворца, а скорее особняка в стиле модерн — Боссе, Мерца, еще кого-то... Еще издали я увидел большой грузовик, поставленный вплотную к раскрытым парадным дверям, и человека, который чем-то взмахивал, стоя в кузове. Но всюду, как уже сказал, были наледи, приходилось глядеть под ноги, и, опустив голову, я продвигался вдоль тротуара. Поднял глаза я только тогда, когда подошел к грузовику почти вплотную, и надо было его огибать. И тут прирос к земле. В кузов грузили трупы.

Двое стоявших в дверях краснорожих мужиков в добротных куртках и брюках подавали голые трупы в кузов, которые там клали один на другой, как дрова. Некоторые из этих мерзлых тел были скрюченными, и их прилаживали друг к другу так, чтобы побольше вошло. Я заглянул в распахнутые двери, к которым приткнулся грузовик. В глубине вестибюля, занимая всю глубину пространства, ярусами лежали трупы. Несколько плотных мужиков, в таких же куртках, как и те, что были снаружи, покрикивая, разбирали этот штабель, другие стоймя переставляли трупы по конвейеру к входу. Мелькали серые скорченные ноги, серые скрюченные пальцы, серые волосы. В кузове росла гора.

— Шабаш! — крикнул один из дядек в кузове. — Увязываем!

И они с напарником принялись укрывать розовыми одеялами свой страшный груз. Поверх одеял они накинули веревку

и стали затягивать ее о какой-то крюк на борту грузовика. Потом вторую веревку... По тротуару почти рядом со мной проползла вторая машина и остановилась в ожидании рядом с той, что нагружали. Из кабины вылезли двое красноармейцев и закурили самокрутки. Первый грузовик отползал от подъезда...

Я плохо помню свою дорогу к Мечниковской. Встречались тени бредущих по улочкам людей. Сверкал снег, он стал только на спусках к Неве. Когда я шел по Пискаревскому проспекту, меня обгоняли грузовики, и по сторонам их кузовов трепетали края розовых одеял. Они обгоняли и обгоняли меня. Их были десятки. Трупы явно свозили в одно место. То есть понятно было, что их куда-то свозят, а что создают особое кладбище и что во всех районах города власти получили указание — везти именно туда, это я узнал потом при встрече в один из ближайших дней, когда рассказал об увиденном Исааку Яковлевичу Кальфа.

— Мера необходимая, — сказал Исаак Яковлевич. — Вот-вот станет тепло, и надо оберечь город от возможных эпидемий. А везут на Пискаревку. Там создается новое кладбище. И этих грузчиков, которые грузят трупы, прислали с большой земли. Их кормят на убой и притом, говорят, в день дают по поллитра водки...

А я, перейдя Неву, брел тогда по этому прямому проспекту, по сторонам которого стояли тогда редкие деревянные дома, и несколько раз останавливался, сил не хватало. Когда в тот вечер я рассказывал об увиденном Марианне Евгеньевне, она сказала:

— Да, я знаю, все говорят...

Попасть в дом 46—48 по Чайковского мне довелось лет через тридцать, там помещалась бухгалтерия райсобеса, и туда привели меня пенсионные дела. Отделка комнат была обезображена и во многом уничтожена. И все-таки в той комнате, куда я попал на прием к своему инструктору, сохранились панели серого клена, какие-то теперь, как и сам дом, потускневшие. И были еще какие-то старые полочки... Что это было — то ли остатки гостиной, то ли будуар великой княгини, впоследствии доживавшей свой век с любимым человеком в Канаде... И, сидя на стуле в ожидании, когда же со мной займутся, я стал представлять себе эту комнату в прежние времена... Когда-то здесь у младшей сестры сживал император Николай II и с ним, возможно, особенно друживший с сестрой его брат Михаил Александрович, тот самый Михаил Александрович, которому в марте 1917-го Николай пытался передать престол...

Но я еще не окончил рассказа о моем походе в Мечниковскую больницу. Ведь когда я попал на Чайковского, то все же забыл захватить то, что должен был передать Александру Ивановичу... Поэтому пришлось идти в Мечниковку вторично. Мой путь туда прошел вполне гладко, я прошел по Кирочной до Суворовского и добрался через Неву на Полюстровский. Но только, как и в первый раз, по Пискаревскому все шли и шли грузовики с поклажей, покрытой одеялами...

Благополучно дойдя до больницы, я был гостеприимно принят Александром Ивановичем, снабжен им куском хлеба и даже экипирован меховой шапкой. Но на обратном пути меня ждало новое испытание.

Очевидно, спускаясь с берега на Выборгской стороне, я выбрал не ту дорожку — тропку по льду, которой шел два часа

назад. И вдруг где-то в середине дороги к Смольному, в сторону от тропки, увидел лежащий труп мужчины в черном пальто с меховым воротником. Ну что же — в те дни к мертвым не то что привыкли, а были готовы к таким встречам. Но рядом с ним что-то зеркально сверкало на солнце. Что это могло быть? Я шагнул в сторону трупа. Лучше бы я этого не делал. Пальто было накинуто на тело сверху, тело же было без ног. А рядом лежала сверкнувшая мне отблеском пила-ножовка и одна из отпиленных ног, видимо, сил унести обе у пилившего не хватило...

О том, что увидел на льду, я не сказал и Марианне Евгеньевне. Ужасающим было зрелище погрузки трупов на Чайковского, но встреча с этим единичным телом была уже из следующего круга представлений, каков мог быть конец каждого из нас... Рассказал я об этом только в мае своему давнему товарищу по юрфаку университета Александру Матвеевичу Арвану. Он и до войны работал на какой-то привилегированной работе, а при начале войны, как член партии, был направлен для работы в военную прокуратуру Волховского фронта. В студенческие годы мы были дружны, и теперь, призванный в армию и командированный в штаб фронта, он зашел как-то в Эрмитаж, и ему дали мой адрес. По этому адресу он меня и нашел и принес две банки мясных консервов и буханку хлеба. Тот, кто был в Питере в ту зиму, знает, чего это тогда стоило. Я был тогда уже в Ленинграде один, семья уехала в эвакуацию, и мы коротали долгий вечер с Александром Матвеевичем, вспоминая студенческие годы, и, конечно, норовили обсуждать то, что происходило у нас на глазах. От него я узнал многое о трагедии армии генера-

ла Власова, подтвердившееся несколькими месяцами позже, летом 1942 года. Между другим я рассказал Арвану о трупе без ног, о пиле-ножовке на льду Невы.

— Говоришь, не можешь забыть... — сказал он. — А у нас знаешь, сколько таких дел? Но трупоедство еще не самое страшное... В прокуратуре есть дела и пострашней — по людоедству. Да-да, убивали людей, варили их мясо и ели... Правда, большинство арестованных медицинская экспертиза признала психически больными...

— А другие? Те, что признаны психически нормальными?

— Тех расстреливают. Это уже не люди. Их нельзя оставить даже в обществе заключенных... — ответил мне Саша. — А еще, если тебе интересно, есть дела по управдомам, которые приканчивают жильцов.

— Зачем? Чтобы завладеть продкарточками?

— Не только. Золотом, мехами, шубами... Мне сегодня товарищ в прокуратуре такое порассказал, что я даже тебе лучше не буду пересказывать...

Он говорил, а я вспоминал нашего управдома Бехову. Эта баба с ухватками и словарем кабака в это страшное время, в феврале 1942-го, нисколько не похудела, а приобрела еще более начальствующий голос и стала, не стесняясь уже никого, ругаться матом. Как-то, когда мне случилось быть свидетелем того, что она выносит из соседней, вымершей начисто квартиры чемоданы и узел, она бросила мне, очевидно, на всякий случай:

— В кладовую несу. Чтобы в собес сдать...

Квартиру опечатали. Ни о каком собесе тогда и речи быть не могло.

И вот в это страшное время, когда мы, казалось, окружены только смертью, обманом, алчностью и грабежами, в нашу жизнь на четверть часа вошли два совсем чужих человека, навсегда оставив чистый свет беспорочности и сострадания. Их появление было для нашей семьи, пользуясь избитыми выражениями, подобно глотку свежей воды для мучимых жаждой. Или согревающим светом.

А произошло это вот как. В тот морозный день я, поспав после дежурства, вышел из дому без определенной цели, только бы не сидеть и не видеть бледные лица моих близких. Брел я к Литейному и с горечью думал о том, что всю жизнь был уничтожающе непрактичен, и эта непрактичность оборачивается для моей семьи трагедией. Вот оказался же Макс Рейтер чуть ли не директором хлебозавода, кормит же Александр Иванович Раков свою жену и детей. А я? Должен же и я не оставаться пассивным, надо додуматься, чтобы делать что-то такое, что позволило бы приносить в эту мрачную комнату хоть немного съестного. А пока Олег Михайлович пришлет машину, мы все перемрем... Было в моей каждодневной ходьбе и еще одно объяснение — то, что я делал до поступления в госпиталь инстинктивно, теперь получило обыкновение. Я в эти дни не раз отмечал, что те, кто покорно ложится, думая, что этим сэкономит свои силы, в действительности тем самым приближает себя к концу — пассивность и разобщенность с происходящим ведут к упадку духа, а это — конец. Словом, дистрофикам не надо лежать, кроме как во время сна. И я упорно заставлял себя ходить.

Итак, я вышел из дома и скоро оказался около ларя букиниста, расставляющего свой товар на цоколе ограды церкви Симеона и Анны и на двух прилаженных к ограде досочках. Продавец — старик с зеленоватым лицом и с седой щетиной, не закрывавшей синие губы дистрофика — на мое робкое предложение принести книги для комиссионной продажи прохрипел, что берет за наличные одни переводные романы.

Этого разряда книг у меня было немного, но все же я собрал бы кое-что, хоть и немного. А за те деньги, что выручу, можно будет что-нибудь съестное достать на рынке. Но тут перед лотком остановилась военная машина, и из нее вышли двое военных в черных полушубках, перетянутых ремнями с низко висевшими на них пистолетами, и в черных ушанках с крабами. Один сразу стал листать книги, другой, с набитой чем-то сумкой от противогаза через плечо, подошел к продавцу.

— Нет ли «Трех мушкетеров» или «Монте-Кристо»? — спросил он.

Помню, что «Мушкетеров» не оказалось и букинист предложил их продолжение — «Двадцать лет спустя».

— На что без начала-то? — возразил моряк. — А романы переводные? Про любовь? Но чтобы с приключениями?

Букинист предложил «Анну Каренину». Переводного у него явно ничего не было. При этом он все время смотрел на сумку моряка.

— Да нет... — откликнулся моряк. — Позабористей надо. Ну, хоть о Шерлоке Холмсе?

Но не было и Шерлока Холмса. В это время второй моряк подошел к продавцу, протягивая томик Пушкина с иллюстрациями Билибина, вынул бумажник и расплатился.

— Ребятам в эвакуацию пошлю, — сказал он удовлетворенно, — красивое издание...

— У меня есть дома несколько романов, переводы с французского и с английского, — отважился сказать я.

— Далеко живете? — спросил тот, что с сумкой. — У нас времени в обрез.

— Совсем близко. Два квартала по Некрасовой.

— Съездим, Валя, — сказал купивший стихи. — Садитесь живо в машину.

Когда сели и тронулись, моряк спросил:

— А сами чем занимаетесь?

Я соврал, что служу научным сотрудником Эрмитажа. Но месяц назад я еще был таковым, а что такое Эрмитаж, никому объяснять было не нужно.

— Что же не уехали с коллекциями? — спросил тот, что с сумкой. — Нам в части говорили, что все ценное вывезли.

Я ответил, что надо же кому-то и здание сберечь, поскольку оно само по себе великая ценность. Да и коллекции увезены далеко не все. Самое ценное увезли, но остальное-то в подвалах... Два этажа кирпичных сводов никакая бомба не пробьет. А потом, кто знал, что таким голодом все обернется...

Когда мы вошли в нашу полутемную комнату, Ольга Филипповна и Ляля лежали, закрытые одеялом и пледами. Марианна Евгеньевна возилась с полупустой кастрюлькой на печурке. Рядом с кастрюлькой подсушивался маленький квадратик хлеба.

Я пригласил моряков присесть к моему столу и стал доставать с полок книги — Джека Лондона, Уэллса и другие, кото-

рые, мне казалось, им понравятся. Моряк сидел, сняв шапку, но глядел не на книги, что я клал перед ним, а осматривался и качал головой.

— Почему вы до сих пор не увезли девочку? — почти сурово спросил он.

— Ждем машину от знакомых военных, — ответила Марианна Евгеньевна. — Если дождемся...

— А сколько девочке лет?

— Девять, — ответила сама Ляля, высунув из-под одеяла бледное личико.

Моряки переглянулись, и тот, у которого была сумка, стал выгружать из нее и класть на стол буханку хлеба и одну, две, три банки мясных консервов, потом горсть кусков сахара, потом оба встали и, как по команде, надели шапки.

— Вот, чтобы дождалась. Подкрепите девочку до отъезда, — сказал тот, что опорожнил сумку. — Пошли, капитан!

— Но вот же книги, книги-то вы не взяли...

— Не надо. Обменяйте их на что-нибудь, а нам вообще-то и читать на батарее некогда... Пошли, комиссар... Девочку поскорее увозите.

— Ну хоть по одной-то книжке возьмите на память, — взмолился я.

— На память? Это можно... — Капитан оглядел стеллаж. — Вот эта, синий корешок, на котором серебром «Казачьи»...

Это был справочник по казачьим частям перед войной 1914 года. В нем же имелись исторические справки про время образования каждой из частей, краткая их история.

— Подходит, — сказал капитан. — Мы ведь оба из донских казачьих мест. — Он взял вынутую мной книгу и сунул

ее в опустевшую сумку. — Счастливо вам оставаться и скоро уехать.

Когда они были в дверях, лежащая под пледом Ольга Филипповна подала голос:

— Скажите хоть, как вас зовут, господин моряк?

Капитан назвал фамилию.

— Поминайте нас обоих, мамаша, если вы, как моя бабушка, верующая, — добавил он и с этим вышел.

Когда я возвратился в нашу комнату, все втроем плакали.

— Как его фамилия? — спросил я. От того, что произошло, я еще не совсем опомнился.

— Веснянкин, — ответила лежащая Ольга Филипповна.

Ляля стояла у стола и считала кусочки сахара.

В один из дней, когда я устроился на новую работу и, возвращаясь с нее, входил в ворота нашего дома, меня окликнула управдом Бехова:

— А вы рази не уехали? А к вам тут командир приходил. Так я сказала, что уехали. На Большую землю. Это, значит, не вы вчера грузились? А он грустит... Не уехали, значит? А я сказала, уехали...

— Ничего не передавал? — спросил я.

— Так я же думала, что уехали... — Бехова хитро смотрела на меня.

— Как же мог я уехать, когда моя жена вам говорила, что уедет только она одна. И вы это знаете... Справку же выдавали?

— Да рази всех упомнишь... Много вас тут прописано. Напишут, что уедут, а сами...

Добавлю, что сколько я ни просил двоих своих школьных друзей, ставших в конце войны контр-адмиралами¹², помочь мне в поиске офицера береговой обороны по фамилии Веснянкин, они оба со временем отозвались, что по их каналам найти его не удастся. После войны, уже в 1947 году, я просил навести подобные справки вице-адмирала Юрия Федоровича Ралля. Обязательный и точный Юрий Федорович записал в блокнот все, что я мог сообщить, но и ему через месяц ответили, что такого офицера в Балтийском флоте во время войны не значилось. И тогда у меня вкралось предположение, что из скромности добрый человек наскоро придумал себе псевдоним, соответствующий времени года.

Такое предположение находилось в соответствии с тем радостным и благодарным, что внесли оба моряка в нашу жизнь своим поведением, своей добротой. Но много лет спустя мне в руки попал изданный в 1962 году сборник статей «Воины Балтики», и я встретил упоминание о командире батареи капитане Меснянкине. Тотчас я послал в архив Министерства обороны запрос о командире с такой фамилией и вскоре получил ответ, что Меснянкин Всеволод Николаевич ушел в запас в 1953 году в звании подполковника и после демобилизации куда-то уехал. Но куда? Как хотелось бы мне увидеть его снова и узнать хоть что-нибудь о дальнейшей жизни этого человека, навсегда оставшегося в памяти нашей семьи...

Когда разбирая по фразам, а то и по отдельным словам рукопись дяди, я добрался до страниц, посвященных капитану Меснянкину, но как только прочел его фамилию, вспомнил, что в папке с фотографиями, оставшимися от

В.М., на глаза неоднократно попадался снимок морского командира, в кителе еще без погон (значит, до 1943 года), на обороте которого почерком, правда, не В.М., а его вдовы Натальи Ивановны написано — «Мяснянкин». Видел ли этот снимок В.М.? Едва ли. Скорее всего, снимок этот уже после его смерти случайно обнаружила в каком-нибудь архиве сама Наталья Ивановна и, видимо, помня устный рассказ дяди (он писал «Блокаду», когда они были вместе в Эльве), запомнила эту фамилию. Но спросить — точно ли так? — уже поздно...

В 2004 году вышла толстая книга большого формата В.К. Красавкина и Ф.С. Смуглина «“Здесь град Петра и флот навеки слиты”. История морских частей в городе на Неве (1703—2003)». Спб.: БЛИЦ, 2004. В алфавитном списке в конце этой книги я нашел В.Н. Мяснянкина. Командовал он «19-й отдельной железнодорожной артиллерийской 180-мм батареей», а транспортеры его стояли первой блокадной зимой на станциях Охта-товарная, Московская-сортировочная и Шоссейная. На странице 314 В.Н. Мяснянкин значится как капитан (январь 1942 года), на странице 319 — уже как майор (май 1942).

Еще из книги можно узнать, что тяжелые орудия 19-й железнодорожной батареи 1 мая 1942 года принимали участие в мощном артобстреле полутора десятками подобных батарей вражеских прифронтовых гарнизонов. Обстрелу тогда подверглись Слуцк, Пушкин, Урицк, Красное Село, Константиновка, Стрельна,

Новый Петергоф, Знаменка, Володарский, Немецкая колония, железнодорожный узел Мга.

Таким образом, реальность существования этого человека, которого так хотел разыскать В.М., подтвердилась. Как жаль, что они так большие и не встретились! Как жаль! Это ведь был, судя по всему, тот самый тип человека, которого В.М. все время искал и в реальной жизни, и среди архивных бумаг.

Зная дядю, уверен, что если бы он разыскал Меснянкина, то нашел бы такую форму дружбы с ним, которая позволила бы им быть близкими людьми до конца дней.

23

За несколько дней до отъезда моих близких, когда мы находились в напряженном ожидании прихода машины из Тихвина и в тысячный раз обсуждали вопрос, ехать ли мне с ними или не ехать, к нам неожиданно пришел случайно встреченный мной на улице огромный и страшный в своей устрашающей худобе некий мой товарищ по средней школе.

До сих пор недоумеваю, почему ему пришла в голову мысль приобщить именно меня к этому источнику питания. До войны мы виделись очень редко и всегда не у меня, а у его сестры, бывшей замужем за моим близким другом. Но так или иначе, он пришел и сказал мне, что идет к некоему лицу, начальнику гужевого обоза, развозящего хлеб по торговым точкам, у которого за ценные вещи можно выменять хлеб и конину. На вопрос, какие ценности идут в ход, мой знакомый ответил, что хорошо идут золото и серебро, а также от-

резы на пальто или костюмы. Он сам несет серебряные ложки и стаканчики.

Ворота, в которые мы вошли, были на Обводном канале. Из будки выглянул привратник, и мой спутник сказал:

— К Олейникову. К Роману Артемьевичу.

Мы шли через двор, на двор выходили однотипные сараи, за растворенными дверями которых стояли ломовые телеги. Дальше следовали конюшни. Мы подошли к какому-то деревянному строению в глубине двора, и мой вожатый постучал костяшкой пальца в дверь.

— Войдите! — крикнули изнутри басовым голосом. — А! (Роман назвал моего товарища по имени-отчеству.) С чем пришли? Хорошо...

Быстро, но тщательно Роман осмотрел принесенное моим приятелем.

— Три кило конины, два кило хлеба. Идет?

— Мало, Роман Артемьевич...

Они торговались, а я рассматривал Романа Артемьевича. Ему было лет под пятьдесят, он был не то чтобы очень толстый, но круглый и широкий в плечах, в отличном теле не без брюшка, лицо круглое, черты бесформенные, взгляд черных глаз самоуверенный и острый. Движения неторопливые, но твердые. Одет в защитный суконный китель, в такие же галифе и хромовые командирские сапоги, как бы в униформу ответработника.

Я принес Олейникову отрез бостона на костюм, купленный перед войной на гонорар за первую мою книжку «Бородино», и золотые часы моей бабушки Анны Алексеевны, очень изящ-

ные, правда, стародавней конструкции с ключиком, но на ходу. Осмотрев принесенное мной, Олейников сказал:

— Два кило хлеба и два конины.

Я не спорил. Это было богатство. Роман Артемьевич вынул из тумбочки письменного стола две буханки хлеба и передал нам, после чего, не торопясь, позвонил в настольный звонок с пружинкой. Только мы успели спрятать свой хлеб, как явился некто с бородой и в белом фартуке и застыл на пороге.

— Евсеич, отвесь мяса... Упакуй и принеси сюда.

Пока Евсеич ходил за кониной, Роман спросил меня, чем я занимаюсь. Я ответил, что работал в Эрмитаже, а сейчас в госпитале для рабочей карточки. Он уловил то, что я сказал о карточке, и добавил, что готов помочь с продовольствием. Когда, неся свои пакеты, мы вышли из калитки, я спросил товарища, откуда у Романа столько съестного. Мой приятель пожал плечами:

— Чудак. Очень просто. Он — начальник гужевого обоза...

И мой приятель рассказал, что с каждого возчика, а их в обозе Олейникова до тридцати, тот получает в день килограммовую буханку хлеба, а раз в неделю в обозе забивают коня, т.е., как говорит сам Олейников, «режут лошадь». Составляют акт о том, что пала от истощения, и требуют из воинских частей новую, взамен.

Принесенное мной показалось нам с Марианной Евгеньевой богатством. Это подкрепление мы экономно растягивали до самого отъезда в Тихвин моих близких. Часть они взяли в дорогу через озеро, часть оставили мне.

Через несколько дней после отъезда моих близких до меня дошла страшная весть. Некто лейтенант Белаш сообщал в открытке, что 13 марта погиб мой брат Сергей. Он был убит наповал снайпером.

Сергей был перед этим ранен и после перевязки, не надев каску на перебинтованную голову, вышел на крыльцо домика в Колпине, где был медсанбат. Снайпер, совершенно очевидно, поймал в прицел белую повязку.

Белаш нашел мой адрес в полевой сумке брата и написал открытку. По интересам и возрастам мы с Сергеем никогда не были особенно близки, но я любил его как брата и глубоко уважал за прямоту, стойкость и мужество и за благородство характера. Просидев три года под следствием в 1937—1940 годах, он, несмотря на то что ему переломали три ребра и выбили почти все зубы, не подписал ни одного протокола против кого бы то ни было и тем спас от приговора своих «подельников», многие из которых сразу во всем «сознались». При смене Ежова Берией был краткий период, когда часть незаконченных дел было приказано считать вредительски организованными Ежовым, и потому «пересматривались». Брата освободили, как и его соучастников, с предложением этому полуживому человеку возглавить прерванную ответственную работу. Предложение было смехотворным — человек действительно был полуживым. Едва-едва за год, проведенный в Старой Руссе, он начал было приходить в себя от трехлетнего заключения и следствия, и тут началась война. Его призвали в армию, хотя со всеми своими травмами он был, конечно, годен к службе лишь ограниченно.

И вот он убит.

Впрочем, я знал, что перенесенное им в 1937—1940 годах притупило его волю к жизни. И я понимал, что жить в таком состоянии духа, как у него, — это сознательно идти к гибели. Но одно дело — прийти к такому выводу, другое — узнать о гибели близкого человека.

Несколько дней я маялся мыслями о нем, припоминая тысячу детских происшествий, я слышал его голос, видел его жесты. Сергей был на четыре года старше меня, но в какие-то периоды мы вдруг словно становились ровесниками: так, в 1920—1921 годах мы оказались одновременно на кавалерийских курсах, потом, еще через несколько лет, — студентами... Несколько дней я не мог думать ни о чем, кроме его гибели. Я плохо спал и, сознавая, что надо хотя бы через силу ходить, топтался в своей полутемной комнате, но в госпитале в передышке между перетаскиванием носилок лежал, обессилев, ничком или сидел неподвижно в приемном покое. Мои сослуживцы, узнав о случившемся, относились ко мне очень бережно — старшая сестра приемного покоя Анна Анатольевна крепко приструнила Ваньку, и тот на какое-то время перестал понукать и тиранить меня. А я ощущал, что силы мои на исходе, протяну я недолго и, конечно, если хотел жить, надо было уезжать вместе с моими. Да и город был полуживым. Но в то же время теперь, после гибели Сергея, я понимал, что мое присутствие тут — это единственное, что может сберечь место, куда всех — не только Марианну Евгеньевну и Лялю, но и семью брата — можно будет взять после войны из Кологрива. Ведь в Старую Руссу¹³ без Сергея как хозяина не к кому будет возвращаться — я-то навеки связан с Ленинградом.

И еще я думал о том, что вот-вот известие о гибели Сережи дойдет до Кологрива, до мамы и Екатерины Александровны¹⁴. Из нас, троих братьев, Сергей был мамин любимец — как-то выходило, что ему всегда доставалось больше других в жизни. В детстве он больше всех болел, в юности и зрелости при его прямом и бескомпромиссном характере «пишки» доставались ему отовсюду. И вот мама узнает, что его уже нет. Я даже не мог себе представить, как она это переживет. Разве что дети его помогут. А вот как Катя? Я знал, как тяжело она переживала его заключение, и как ожила, когда он вернулся... А теперь что с ней будет?

В шестидесятых—семидесятых мы с женой ездили в Колпино, где было небольшое военное кладбище, тщетно пытаясь добиться в местном военкомате разрешения написать на одной из пирамидок, где стояла надпись «65-й стрелковый полк», имя моего отца. В начале восьмидесятых кладбище срыли, на его месте сразу что-то выстроили, и было сообщено, что все останки перенесены в Красный Бор, где будет общий мемориал.

Услыхав это, дядя зло махнул рукой, а в очередной раз, когда я сказал, что мы собираемся в Красный Бор добиваться того же, что не удалось в Колпине, рассказал мне следующее.

Однажды он был приглашен участвовать в комиссии по перенесению прахов знаменитых людей с разных городских кладбищ в некрополь мастеров искусств Александро-Невской лавры. Не помню, го-

ворил ли он, в каком виде были доставленные в некрополь останки, но сохранилось в памяти, что речь шла не об одном, а о нескольких прахах. И около каждого праха лежала придавленная камешком бумажка с именем. Дядя их называл. Имена сейчас не помню, но ведь перезахороненных в разное время было много. И Дельви́г, и Куинджи, и Шишкин, и Крамской, и Витали до революции покоились отнюдь не в лавре, а кто на Смоленском, кто на лютеранском Волковом, кто еще где... Процедура перезахоронения была совершена, комиссия при этом присутствовала, но через какое-то время одна из служащих музея в лавре конфиденциально сказала дяде, что бумажки, которые к прибытию комиссии были прижаты камешками, перед этим носило налетевшим ветром между могил, удалось их разыскать не все и пришлось спешно дописывать недостающие по имеющемуся списку, что едва успели к прибытию комиссии. А уж чтобы разобраться, где какая до этого лежала, было не до того...

— Да кабы только это... — сказал В.М.

И предложил мне сравнить старый и новый планы того же кладбища. Почему некоторые надгробия, даже из тех, что там исконно и были, переехали впоследствии с места на место? Группировались по профессиям? Или поступил приказ выпрямить дорожки к очередному приезду начальства? Как я думаю, зная нашу жизнь, спросил он, прах при этом переносили?

— И это, заметь, еще самое знаменитое кладбище города, — сказал он. — А ты говоришь — Красный Бор! У них там что? Другое государство? Нет там праха Сергея...

24

За неделю после получения открытки лейтенанта Белаша я извелся. А тут еще поранил руку. Поздно вечером перед сном при попытке отрезать горбушку хлеба нож у меня как-то сорвался, и я угодил острым концом в какой-то большой сосуд на ладони. Кровь забила буквально фонтаном. Она приостанавливалась только тогда, когда я зажимал артерию у локтя, и вновь била, как только отпускал. Стол оказался обильно политым кровью. При этом я сам не мог даже перетянуть руку — одной рукой узел не сделать, а из второй буквально хлестала кровь, едва отпускал. Было половина второго ночи, после одиннадцати ходить по улице воспрещалось. Я стоял над окровавленным столом и растерянно думал, что же делать? Потом сообразил — в соседнем доме, в Басковом, 16, помещался какой-то штаб. Попробую добежать туда — может быть, там случайно дежурит врач. Как был, без пиджака, в одной рубахе и брюках на подтяжках, не запирая входной двери в квартиру (где я был один — соседка жила на казарменном положении), я выбежал на улицу к соседнему подъезду. На мое счастье, он оказался отперт. И встретил двоих дежурных. Один из них, увидев мою руку, спросил:

— Под обстрел, что ли, попал, гражданин?

Я ответил, что сам случайно поранился, и спросил, нет ли у них дежурного врача. Руку отпустить не могу... Оказалось,

что подсманный доктор в штабе есть, и через десять минут я сидел на белой табуретке в перевязочной, и пожилой врач, умело и ловко обняв мою руку, зашивал ее шелком. Потом забинтовывал, одновременно расспрашивая, кто я и как вышло пораниться. Выйдя в соседнюю комнату, где стояла его койка и столик, он написал мне медицинскую справку, а затем угостил чаем с сахаром и куском полубелого хлеба. Хлеб был с маслом.

Вовек не забуду доктора (тут пропуск, и затем написано: «имя, отчество и фамилия доктора — в моей записной книжке 1942 года». — *М.Г.*).

В самые тяжелые для меня дни после известия о гибели брата Сережи к нам в приемный покой пришло второе такое же горе... В другой смене, не в той, где я работал, была сестра — имени ее не помню — моложавая, лет 35, не больше, проворная и быстрая, несмотря на исхудание. И вот вышло так, что утром, когда я пришел и сменил усталого санитаря, она, эта сестра, задержалась за разговором с Анной Анатольевной. Вот она уже сняла халат, надела пальто и шапку. И тут рассыльный из канцелярии принес письма и бандероли и подал Анне Анатольевне пачку конвертов. Та как-то странно глянула на одевающуюся, хотела что-то спрятать под другие конверты, но та уже поймала этот взгляд и застыла, глядя в лицо Анны Анатольевны. Затем бросилась к ней и вырвала конверт у нее из рук. Да та уже и не сопротивлялась. А потом раздался какой-то нечеловеческий, невероятный, почти звериный крик:

— Вадичек! Вадичек!

Мы все к ней бросились. Кто-то уложил ее, вскрикивающую, на деревянную скамейку, кто-то поднял сползшее с ее плеч пальто...

На другой день я пошел в госпиталь, чтобы представить справку и получить освобождение от работы. В справке доктора было указано, что это необходимо, пока ладонь заживает в течение недели. Добрая старшая сестра, отпуская меня, только сказала:

— Идите отдыхайте, да, может, где выменяете на рынке чем подкрепиться. Вам надо компенсировать потерю крови. Вот возьмите четыре бульонных кубика. Больше ничего не могу дать.

После отъезда моих домашних у меня вдруг образовалось какое-то наполненное мыслями о еде свободное не то время, не то пространство, и я понимал, что падаю духом.

Вот тут-то я и пошел снова к Роману Артемьевичу.

При втором своем визите я видел, как в его кабинет, деликатно постучав, вошел здоровенный бородач и безмолвно положил на стол начальника буханку, которую тот не спеша убрал в ящик письменного стола. Очевидно, частью своих «богатств» он делился с теми, кто принимал от него отчетность об исправной работе обоза. Несомненно, что и возчики, и прочие подчиненные тоже не оставались внакладе. Откуда же брали тот излишек хлеба, который, очевидно, выдавался хлебозаводами, но не доходил до прилавков? Видимо, он отпускался по заявкам булочных или, еще вернее, районного начальства, а число получавших по карточкам

столь быстро уменьшалось, что излишков оказывалось достаточно и для возчиков, и для работников прилавка. Но ведь при серьезном учете смертности, т.е. уменьшении числа едоков и тем самым расхода хлеба, можно бы поднимать паек еще живым. Однако такой гибкостью система снабжения не обладала, да, несомненно, заинтересованных в том, чтобы она сохранялась именно такой, хватало. Очевидно, те, кто планировал расход хлеба на рядовое городское население, сами были сыты, да и управхозы, на обязанностях которых было сдавать в соответствующие органы карточки умерших, задерживали их, сколько могли, чтобы получить лишние продукты.

На этот раз я снес Роману Артемьевичу золотой футлярчик для плоского карандаша, украшенный двумя альмандинами, и висевшую у нас без всякого почета прикрепленную к медной дощечке рамку полированного черного дерева с маленькой акварелькой Айвазовского. Черно-белым были лихо изображены волны с пенистым гребнем и кораблем, круто кренящимся на борт. Таких рисунков маринист, говорят, «нашлепал» сотни для подарков поклонникам и поклонницам.

Роман Артемьевич — я навек запомнил имя и отчество «благодетеля» — сразу узнал меня, пригласил присесть, взял картинку, подошел к окну и стал рассматривать с видом знатока, приблизив рисунок к глазам поближе.

А я рассматривал его. На вид он был отставной военный немалого чина. Он и был отставной военный, правда, с чином не все было ясно. В ожидании, пока Евсеич принесет мне конину, Роман Артемьевич сообщил, что служил унтер-офицером

в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку и делал революцию 1917 года в октябре в Луге. И верно, там стоял запасной эскадрон 2-й лейб-гвардии кавалерийской дивизии, и с февраля по октябрь многие петроградские офицеры и унтер-офицеры дивизию покинули.

К своему удивлению, я получил на буханку больше, чем в первый раз. Олейников оказался «ценителем» изобразительного искусства, полюбовался Айвазовским, поставил акварель на своем столе, оперев на какие-то книги в тисненных золотом переплетах — тоже, очевидно, трофеи этого дня.

Об этом образце нравов блокады, во время которой безнаказанно наживались персонажи вроде Олейникова, я рассказал здесь потому, что в дни, следовавшие за короткой встречей с капитаном Веснянкиным-Меснянкиным и его комиссаром и последовавших затем проявлениях их заботы, я много раз мысленно возвращался к ним как к острову бескорыстного добра. Да, кругом кипел обман, воровство, спекуляция и цинизм, но существует тут же рядом и бескорыстная помощь, и способность раскрыть свое сердце для неизвестных тебе, но крайне истощенных людей. И если иногда внутренний голос тех страшных месяцев и шептал мне, что ведь капитан и комиссар, вероятно, сами-то были сыты, и потому им не так трудно было пожертвовать тем, что отдали, то я вспоминал сытое рыло Олейникова, у которого наверняка дом ломился от золотых вещиц, столового серебра — мой сотоварищ при мне отдал ему дюжину массивных ложек, — и черт знает чего еще, а он все драл и драл с людей что только мог и остался безнаказанным, да еще занимал ответственные посты.

Тот же сорт людей, на более низком, но гораздо более многочисленном уровне представляла уже упомянутая мной управхоз Ксения Алексеевна Бехова, полуграмотная баба, нисколько не похудевшая за блокаду, таскавшая все, что хотела, из квартир умерших жильцов. Между другими делами наживы, она весной 1942 года оформила усыновление восьмилетнего мальчика Левы из соседней с нами квартиры, где умерли с голоду все отдававшие этому ребенку его родители-инженеры и его бабушка. На основании усыновления Бехова начисто опустошила их квартиру, таская куда-то на глазах у соседей посуду, одежду, картины, чемоданы с чем-то тяжелым.

Я никогда не забуду этого худенького мальчика с предельно бледным лицом и большими черными глазами, которого Бехова в то время всюду таскала с собой. В домконторе, где она принимала жильцов и куда я заглянул за какой-то справкой, Лева стоял у окна, на широкий подоконник которого были в беспорядке вывалены из какой-то сумки части детского конструктора, кукольная мебель и посуда. Он не трогал этих предметов, а неотступно смотрел на двор, в ту сторону, где был подъезд квартиры его родителей. Заметив, что я смотрю на Леву, Бехова произнесла фальшивым ласковым голосом:

— Играет в игрушечки Левушка...

Осенью она сдала Леву в детдом. И если олейниковых были сотни, то беховых были тысячи — упитанных, циничных, наглых, а впоследствии, конечно, «героев блокады».

Кстати, вот, картинка, свидетельствующая о своеобразном экономическом следствии блокады. Весной 1945 года

в Ленинград приехала из Тбилиси группа кинематографистов, чтобы снять фильм о Давиде Гурамишвили. Был в XVIII веке такой поэт, служивший офицером в русских войсках и участвовавший в Семилетней войне. Тбилисцам нужны были Нева, Петропавловская крепость и Зимний дворец, его «золотая» парадная лестница да пара его громадных зал. Нужды нет, что при Елизавете дворец только строился, а отделка зал относится к самому концу 1830-х годов. Я был приглашен консультировать этот фильм, главным героем которого являлся Давид и... красавица Елизавета Петровна. Ее играла актриса... (пропуск. — *М.Г.*), вскоре исчезнувшая с экрана и, кажется, из жизни. Но не о них речь. Один из режиссеров фильма — Николай Санишвили — попросил меня сходить с ним в комиссионный магазин в начале Невского. Боже мой! Чего там только не было! Какая бронза, фарфор, мебель, какие картины — чисто музейные, и все это буквально «навалом». Тогда я не слышал этого слова, но оно очень подходит к тому, что мы, пораженные этим зрелищем, увидели. Впрочем, я подозреваю, что, прежде чем пригласить меня, Санишвили побывал в этом магазине уже раньше. Вот уж истинно как наводнение выплеснулось это наворованное имущество! И цены! Разве только в 1935 году, когда ссылали после убийства Кирова «чуждые элементы», бывали такие низкие цены. Словом, я раза три побывал там с режиссером, и он увез из Ленинграда не только кадры будущей картины, но и два вагона антикварного товара. Что же, пусть так, может, это и хорошо, все-таки эта мебель уцелела, и сейчас она где-то в Тбилиси, а не сгорела в буржуйках блокады...

**Свидетельство В.М. Файбисовича, заведующего
сектором новых поступлений Гос. Эрмитажа,
октябрь 2005 года**

Эпизод первый

В 1982 году, когда в Выставочном зале дирекции Объединения музеев Ленинградской области на Литейном проспекте, 57, закрылась выставка «Приютино — усадьба пушкинской поры», одним из организаторов которой я был, мы с Л.Г. Агамаян, моей коллегой, явились к Марии Елизаровне Ф***, вдове известного коллекционера, чтобы вернуть принадлежавшие ей произведения живописи, экспонировавшиеся на выставке.

М.Е.Ф*** жила в доме № 4 по Малой Морской (тогда улица Гоголя), Лариса Георгиевна пришла к ней впервые; ее поразило, что дверь в квартиру Ф*** на лестничной площадке была единственной. Действительно, квартира имела впечатляющие размеры; фешенебельную обстановку дополняли картины, собранные покойным мужем хозяйки.

Марии Елизаровне перевалило за семьдесят; она была простовата и словоохотлива, но обладала манерами гранд-дамы. Приняла нас она гостеприимно. На рояле стояла хрустальная ваза с конфетами; Мария Елизаровна подала их к чаю. Конфеты были необыкновенно вкусными; хозяйка называла их «кремлевскими» и обронила походя, что со времен войны состоит в кремлевском распределителе...

Муж М.Е.Ф*** был главным модельером или главным художником знаменитого дамского ателье «Смерть мужьям» на Невском проспекте, 12. Когда кольцо блокады замкнулось, поведала Мария Елизаровна, в Ленинграде остались неиспользованными

целые залежи превосходных тканей. Тогда со всего города собрали лучших мастериц, и ателье «Смерть мужьям», обосновавшееся, кажется, в Апраксином Дворе, продолжило свою деятельность по изготовлению вечерних туалетов и стильного дамского белья. Демонстрация этих изделий была доверена Марии Елизаровне; по ее словам, с чемоданами, набитыми роскошными платьями и бельем, ее регулярно доставляли на самолете в Москву, где она представляла продукцию «Смерти мужьям» кремлевским дамам. Несколько раз с той же целью она выезжала на позиции наших войск на Ленинградских рубежах, где у нее заказывали туалеты «боевые подруги» крупных командиров. Мария Елизаровна рассказывала об этом с достоинством ветерана великой битвы; по ее убеждению, вероятно вполне основательному, «Смерть мужьям» позволила сохранить жизнь множеству мастериц, получавших, очевидно, неплохой паек. Благодаря «Смерти мужьям» блокаду успешно пережила и чета Ф***.

— Ну, масло-то у нас всегда было, — как бы подводя итог, добавила она...

(Невольно вспомнилось, что в пятнадцати метрах от витрин магазина «Смерть мужьям» — на Невском, 14 на стене дома оставлена навсегда памятная надпись, что «эта сторона улицы наиболее опасна при обстреле». Довольно символично, что мастериц, работающих на таком ответственном участке обороны, как описанный, переместили в более безопасное место. — *М.Г.*)

Эпизод второй

Генуэффа Владимировна Г***, преподававшая иностранные языки в педагогическом институте им. А.И. Герцена и при-

надлежавшая к древнему дворянскому роду, известному со времен Крестовых походов, во время блокады участвовала в строительстве оборонительных сооружений в ленинградском предместье (если не ошибаюсь, где-то около Стрельны). Ездили туда на трамвае; трамвайный маршрут на одном из участков был параллелен железнодорожной ветке, на насыпь которой из эшелонов, везших раненых в госпитали, поутру выкладывали трупы умерших ночью. Генуэффа Владимировна рассказывала мне, что, возвращаясь с работ, видела некоторые из этих трупов изуродованными: из них были вырезаны куски.

Ручаюсь — она не могла этого выдумать...

Я больше не ходил к Олейникову. Но видел еще не раз. Где? Когда? На Невском встречал в конце сороковых — начале пятидесятых. Он ступал не спеша — такой не пропадет, — крепкий, в фуражке и гимнастерке защитного сукна, в галифе и хромовых сапогах. В середине 1950-х годов я оказался рядом с ним в очереди в кассу фирменного колбасного магазина на углу 8-й линии и Большого проспекта Васильевского острова. И, к моему крайнему удивлению, он не только не постеснялся узнать меня и назвать по фамилии, но и пытался возобновить знакомство. Он был одет в серый габардин с орденской планкой. Сообщив, что заведует теперь отделом снабжения какого-то большого завода, он приглашал к себе в гости. Я едва спасся от него почти бегством.

Еще раз скажу, что не утверждаю, будто олейниковых было множество. Но то, что после блокады появилось достаточное число людей из самых разных слоев населения, владеющих ценными вещами, происхождение которых они затруднились бы объяснить, — несомненный факт.

И еще раз повторяю, островком спасения среди этих почти не таившихся беговых и олейниковых, которых доводилось тогда видеть, были капитан Меснянкин и его комиссар вместе с другими, пусть немногими, но все же, слава Создателю, встречавшимися бескорыстными людьми. Они были тогда и навсегда останутся для меня опорой веры в человека, даже в страшных условиях блокады Ленинграда.

25

Как-то уже ближе к весне меня застала дома добрый друг нашей семьи Наталья Михайловна Шарая, долголетняя сотрудница ИБО, а в это время Эрмитажа. Посидели, вспоминая ушедших друзей и товарищей.

Наталья Михайловна Шарая (1896—1989) была дочерью управляющего гербовым казначейством Министерства финансов М.Н. Шарого. Владела французским, немецким и английским. В 1917—1918 гг., находясь в Дании по линии Датского общества Красного Креста, более года работала медсестрой в лагере интернированных военнопленных (в архивной справке место лагеря обозначено как Хельсинор).

В 1920-х и 30-х годах работала в ленинградских музеях, сопровождая коллекцию, которая стала впоследствии основой русского отдела в Эрмитаже. В ведении Н.М. Шарой были ткани с украшением из золота и серебра.

С июля 1937 — по июль 1939, как дочь крупного чиновника царского времени (хотя он умер в 1914 году),

выслана в Красноярский край и была чернорабочей на лесозаготовках. В 1939 восстановлена в качестве научного сотрудника Музея этнографии. С апреля 1941 — в Эрмитаже.

В 1956-м в Эрмитаже отмечали 60-летие Натальи Михайловны. Судя по сохранившимся фотографиям, это многолюдный праздник — как официально разрешенный, так и отмеченный явной теплотой: музыкальный, костюмированный, В.М. Глинка и А.В. Помарнацкий для чтения поздравительных адресов облачились в камергерские мундиры. Наталью Михайловну не только уважали в отделе, все ее знавшие очень ее любили. Она всегда была приветлива, всегда с улыбкой, всегда в хорошем настроении, никогда ни при каких обстоятельствах не нагружала никого своими проблемами... Впрочем, тут же готов оговориться — одна небольшая проблема все же существовала. Еще в молодости Н.М. слегка повредила веко, внешне это было незаметно, но одна из ресниц, подрастая, раздражала время от времени глаз. Выдернуть эту ресничку специальным пинцетиком доверялось только Владиславу Михайловичу, который при всей своей близорукости славился в музее феноменальной способностью разглядеть мельчайшее.

В 1950-х тетя Наташа жила в том же доме, что и мы, на Дворцовой набережной, 32, только по другой лестнице. По стилю отношений с нашей семьей она была кем-то между близким другом и родственницей. Начиная с сороковых годов она постоянно фигурирует

на групповых снимках — как на служебных, связанных с Эрмитажем, так и на наших семейных.

По анкете отдела кадров (хранится в архиве Эрмитажа) семейное положение Н.М. Шарой обозначено жестоким словом — одинокая. Оно, конечно, так и было. И хотя с тетей Наташей вместе жила ее сестра (тоже одинокая), это жестокое слово, витавшее в нашей стране над огромным числом женщин, так жесточайшим и остается. Почему эта нежная, заботливая, несомненно привлекательная, замечательно образованная, безукоризненно воспитанная женщина была одинокой? Кто может это объяснить? Время, на которое пришлась ее молодость, тасовало людей, разлучало, раскидывало по миру... Погибали целые пласты людей — без различия возраста и пола, но, конечно, в особенности мужчины. Какой вопрос можно задать теперь прошлому — тому водовороту, в котором начиная с 1914 года перемалывались человеческие жизни и судьбы? Что можно спросить с того времени, когда какой-нибудь старший лейтенант НКВД не только мог, но (если хотел остаться следователем) должен был отправить женщину с нежными пальцами, так заботливо в молодости перевязывавшую раненых, а теперь заведовавшую в музее хранением уникальных тканей, чернорабочей на лесоповал...

Я давно не был в Эрмитаже и не знал, что в убежище скончалась заведовавшая у нас отделом костюмов и тканей Александра Яковлевна Труханова. Это была дама грассирующая, картавящая, вставляющая в речь французские слова и пого-

ворки (не заботясь о том, поймет ли их собеседник), — словом, с претензией на светскость, любившая напомнить тем, кто это мог стерпеть, что отец ее, Яков Александрович Гребенщиков, был полным генералом и членом Военного совета. При этом она упорно называла его «военным писателем». Ведала Александра Яковлевна хранением большого количества предметов гардероба нескольких поколений княгинь Юсуповых, кое-чем из гардеробов графинь Шереметевых и последних двух цариц. И мне казалось, что постоянное «общение» с этими предметами как-то поддерживало ее манеры и вкусы. Я был весьма равнодушен к этой даме, но почитал ее мужа — Александра Александровича Труханова, скромнейшего и добрейшего человека, смотревшего на жену как на существо высшее. Не знаю, что и когда окончил А.А., но до революции он был небольшим человеком в каком-то министерстве, а после 1917 служил тоже на мелких должностях, но был отменный художник-график, работавший в духе то С.В. Чехонина, то И.А. Шарлеманя. Не имея художественного образования, он, однако, по-моему, немного уступал столь знаменитому Г.И. Нарбуту. В манере своих акварелей, по тушевке и контуру он был подражателен, но обладал, несомненно, хорошим вкусом. Наш отдел постоянно заказывал А.А. художественное оформление диаграмм и досок. Ему же для выставки были заказаны Эрмитажем три большие таблицы, посвященные вооруженным силам России начала XVIII века, петровского и екатерининского времени, которые он выполнил так, что они с успехом могли бы быть напечатаны как наглядные пособия. Работал он, повторяю, с огромным вкусом, трудолюбием и брал за свою работу смехотворно мало.

Жили супруги Трухановы и сестра Александры Яковлевны — Наталья Яковлевна Гребенщикова в части переделанной после революции квартиры генерала Гребенщикова на Преображенской (ныне Радищевой, бог знает почему?) улице. Характерно, что всегда скромненькая Наталья Яковлевна преклонялась перед ученостью сестры. Сама она работала медсестрой с тех пор, как во время войны 1914—1917 годов окончила курсы какой-то общины.

И вот все трое умерли, не дождавшись весны, когда производственное положение сотрудников Эрмитажа было немного улучшено. Улучшено же оно было благодаря хлопотам Михаила Васильевича Доброклонского, которого поддерживал в каких-то верхних сферах заведующий отделом искусства Гослитиздата образованный и добросовестный Борис Иванович Загурский.

По словам Натальи Михайловны, последние слова Александра Александровича были о том, что теперь пропадут его рисунки и их книги. Что хотя он и не сотрудник Эрмитажа, но много работал для Александры Яковлевны и для отдела ИБО. Словом, корил себя за то, что, умирая, чего-то главного не успел. Этот скромный и достойнейший человек ничего не просил, но только намекал, как было бы хорошо Эрмитажу взять под свое ведение их библиотеку и его рисунки. С этим и пришла ко мне Наталья Михайловна. Не сходить ли нам вместе на улицу Радищева? Это ведь так близко. А она потом оповестит Михаила Васильевича (Доброклонского. — *М.Г.*), и можно будет принять меры к охране и перевозу. Вот и ключи от квартиры, которые остались от умерших. Ну что ж. Я надел пальто, и мы пошли.

Я бывал в этой квартире всего раза два-три. Заходил посмотреть в карандаше многофигурную композицию-диаграмму армии Петра I и еще, помню, заходил по просьбе Михаила Захаровича, заказывавшего работу Александру Александровичу в связи с какими-то работами для отдела. И как-то приносил книги, поскольку жил к Трухановым ближе всех сотрудников в отделе, а Александра Яковлевна говорила, что не может носить тяжелые тома. Визит мой продолжался не более 15—20 минут, в течение которых Александр Александрович показывал сделанное, а также и что-нибудь свое, не заказанное.

Проходить в комнату Александра Александровича надо было через столовую, превращенную в библиотеку. В этой комнате метров, вероятно, не менее сорока, стоял (явно от старой генеральской обстановки) очень большой овальный обеденный стол, накрытый скатертью и обставленный стульями в «русском» стиле, и большой буфет с верхней частью вроде «терема» с крышей и резным карнизом. Все остальные стены и простенки были заполнены стеллажами и застекленными шкафами с книгами. Как я понял, эта библиотека была «приданым» Александра Александровича — страстного и осведомленного библиофила. Запомнились стройные ряды комплектов «Русской старины», «Исторического вестника», истории искусств, полков, царской свиты. А также — Соловьев, Ключевский, Шильдер, Татищев... Все в отличных переплетах. И, конечно, русские классики, энциклопедические словари, справочники типа «Весь Петербург», «Вся Москва». Видно было, что собирал любитель и знаток книги.

Однако Александр Александрович должен был показать мне работу, посмотреть которую я пришел, и для этого надо было разложить на столе большую, около метра длиной, диаграмму. Со стола сняли скатерть. И я увидел, что стол этот не в стиле «рюс», а старинный, видимо, конца, если не середины XVIII века, с неразбирающейся верхней доской цельного красного дерева, с такими же основательными, как столешница, чуть изогнутыми ногами, соединенными низко лежащими толстыми брусьями, сильно потертыми многими поколениями ног, которые на них становились. Не стол, а броненосец какой-то, а лучше сказать, фрегат без мачт.

Диаграмма была очень хороша, хотя среди фигурок я узнавал заимствованные у Висковатова, Самокиша, Кордовского, но отлично скомпонованные в красивую и осмысленную панораму. Мне оставалось только ее одобрить и посоветовать Александру Александровичу взять за нее цену, какую, я знал, берут за гораздо менее трудоемкие работы другие художники. Он в непритворном ужасе замахал руками.

На второй раз я пришел к Трухановым теплым осенним вечером, кажется, в сентябре 1939 года. Вежливейший Александр Александрович просил меня зайти, но я увидел, что огромный стол парадно сервирован. В доме ждали гостей.

Я быстро выполнил свое дело, Александра Яковлевна любезно, однако не очень настойчиво приглашала меня остаться, но я, естественно, ушел.

Запомнились мне не крахмальная скатерть, фарфор, хрусталь, серебро — это я видывал множество раз, а то, что по белоснежной скатерти между приборами и посередине были необыкновенно живописно разложены красные, желтые, ко-

ричневые кленовые листья... Это, очевидно, была изысканная затея Александры Яковлевны, воплощенная в материальность Александром Александровичем.

Вот единственное яркое зрительное воспоминание о квартире Трухановых на Преображенской, осмотреть которую с целью перевоза библиотеки Александра Александровича в Эрмитаж мы шли теперь с Натальей Михайловной Шарой. Да и хороший старый фарфор — в основном гарднеровский — мог бы пополнить коллекции русского отдела.

Ключи не понадобились. Дом казался покинутым. Двери квартир первого этажа открыты настежь, также и на втором этаже. Дверь квартиры № 5 оказалась не запертой и не до конца прикрытой. Я помнил, что после прихожей надо было пройти кухню и уже оттуда в большую столовую, по сторонам которой стояли стеллажи с книгами.

— Жаль, если библиотеку уже растащили, — сказала Наталья Михайловна.

Мы вошли в совершенно пустую прихожую, потом в кухню. От дверей в столовую, очевидно выломанных топором, остались лишь висевшие на медных петлях придверные бруски. Мы шагнули на порог и буквально застыли на миг. Ни буфета в виде терема, ни одного книжного стеллажа и ни одного стула в комнате не было. Оставался только знакомый мне огромный стол красного дерева. Он был несколько сдвинут к дверям, вероятно, поначалу его пытались вытащить из квартиры, но когда это не удалось, то его стали разделявать на дрова прямо здесь, и теперь он стоял без медных накладок, с обломанными, отколотыми топором частями кромки, со следами запилов ножовкой, довести которые до конца, очевидно, не хватило сил.

Но не это поразило нас и остановило на пороге. Весь пол сорокаметровой комнаты был устлан толстым слоем растерзанных книг. Их не только сбросили со стеллажей, которые, очевидно, пошли на топливо, но с них были отодраны картонные переплеты, которые могли гореть более стойко, чем бумага страниц. А страницы эти как будто нарочно рвали, кромсали, расшвыривали, топтали. И мало того, на них неделями испражнялись, при этом совершенно явно не один и не двое, а много людей. Следы того, как на книги отправляли нужду, были здесь столь повсюду, что ничего нельзя было даже подумать взять в руки. Кое-где поблескивали осколки стекол от стеллажей.

Тянул сквозняк через выбитые окна.

Но где же рисунки? Мы принялись осматривать то, что было у нас под ногами. Из папки, лежавшей у двери, я попытался вынуть что-нибудь из акварелей Александра Александровича. Среди них были и те, что были мне знакомы. Между разбросанных акварелей были листки с рисунками, вроде васнецовских, но все было испачкано, измято, разорвано. Однако под папкой я увидел чудом не запачканную тетрадку и поднял ее. На обложке тетрадки был наклеен ярлычок с надписью, каллиграфически стилизованной под почерк начала XIX века: «Письма отца из кругосветного плавания к деду. 1874—1875 г.». Тут же были письма и конверты к ним из путешествия в Лиссабон, Рио-де-Жанейро и еще в какие-то порты. И карточки с видами берегов и коралловых рифов. Вот все, что мы вынесли из этой когда-то столь фешенебельной квартиры. Наталья Михайловна утирала слезы.

На нижнем марше лестницы мы встретили пожилую женщину. Она неприветливо спросила, что мы тут ищем. Наталья

Михайловна ответила, зачем приходили и что увидели, а я добавил, что за такое надо судить.

— Судить-то... — без выражения сказала женщина. — А кого?

Глядя мимо нас, она медленно двинулась по лестнице, куда-то на верхний этаж этого, как казалось, уже полностью вымершего дома.

И тогда я задавал себе этот вопрос, задаю его и сейчас: что заставило тех людей так обойтись с книгами? Если замерзаешь, то превратить в топливо все, что способно гореть, еще понятно, но остальное-то, что мы увидели в той квартире, как понять это? Забыл упомянуть, что заглянул и в две комнаты, соседствующие со столовой-библиотекой, но увидел лишь железные остовы кроватей и битую посуду. Гадить жильцы дома приходили только на книги.

Так чему же мы с Натальей Михайловной стали свидетелями? Ненависти к обитателям именно этой квартиры? Но за что? Может быть, они чинились, «задавались», вообще вели себя высокомерно? Но это маловероятно, а уж если говорить о сестре Александры Яковлевны, а тем более об Александре Александровиче, то такого просто быть не могло. Но тогда что же? Почему, погибая от голодного поноса, люди приходили гадить именно на книги? Пока я жив, я буду возвращаться к вопросу, пытаюсь понять, что же именно они ненавидели в этих книгах? Может быть, старорежимный их вид, олицетворяющий для какого-то полубезумного от голода пролетария ненавистный ему царский строй? Или, наоборот, символ знаний, приведших к революции, а она, мол, к этой войне,

блокаде и голоду? И тогда, мол, пусть будут прокляты эти знания... Или так просто, так впрямую выразилась ненависть к интеллигенции? И к книге как символу ее...

Пока буду жив, этот вопрос будет стоять передо мной.

26

Валентина Борисовича Хольцова я встретил уже в мае. Выбритый, подстриженный, в чистом, хотя и мягком воротничке. Даже голос у него посвежел. Шел со службы домой, а я в Эрмитаж, в гости к Наталье Михайловне Шарой. Обнялись, расцеловались, он спросил про мою семью, я ответил, что отправил всех в эвакуацию, рассказал про смерть брата, про то, что в Руссе, наверно, все давно сгорело, что там осталась моя няня. Когда спросил о его семье, голос Валечки задрожал.

— Нина Алексеевна скончалась в феврале, — сказал он. — Мы с Алешей одни во всей квартире... Но держимся, он такой молодец... Так, ничего, кое-что меняем, а паек все-таки прибавляют понемногу... Вот Ниночка-то не дожила... Одно мне трудно — с табаком. Тебе хорошо, что не куришь...

Через неделю он умер. Он упал на Литейном по пути со службы, чуть не на углу Бассейной улицы, где мы в последний раз встретились.

Позже Наталья Михайловна зашла ко мне и, не застав дома, оставила записку с сообщением, что тело Валентина Борисовича находится в Куйбышевской больнице, на Литейном. Об этом же в Эрмитаж позвонили из Музея этнографии.

Тотчас я пошел в больницу, хотелось проститься с другом, пока его тело не отвезли в очередную братскую могилу.

В приемном покое мне сказали, чтобы шел в прозекторскую, где тело Вали уже вскрывали.

Действительно, в пустом зале на цементном полу лежало у стола совсем обнаженное, предельно исхудавшее желтое тело моего друга. На лице его застыло спокойное выражение. Правая рука лежала вдоль тела, левая прижата к груди как раз над тем местом, от которого вниз шел разрез анатома, грубо зашитый стежками сурового цвета ниткой. Я встал на колени, поцеловал холодный лоб. Он был так сиротлив и одинок в этом зале, что я заплакал.

— Вы родственник?

За моей спиной стоял пожилой мужчина в белом халате, стоял и дымил папиросой.

Я ответил, что я друг покойного и его товарищ по работе в музее, и спросил, какая нужда была в анатомировании, ведь и так ясно, что причина смерти — дистрофия.

— Сейчас больше стали умирать от сердца, оно отказывает. Инфаркт миокарда, по-старому разрыв сердца. Он, — врач кивнул на тело Валентина Борисовича, — не родственник был профессору Хольцову, знаменитому урологу?

— Сын, притом единственный. И, вероятно, что придет проститься с отцом внук известного и знаменитого Бориса Николаевича. И увидит отца в таком виде. И на полу.

— Ладно, — сказал прозектор, — скажу, чтобы одели.

Он вышел. Я решил было, что его слова все равно некому выполнять, но пришли две усталые женщины неопределенного возраста с белой, беззвучно двигавшейся каталкой. Я помог положить на нее тело Вали, подержав его голову и холодные пальцы.

Они, не сказав ни слова, увезли тело, а я вышел из больницы и сел на скамейку около скульптурного символа медицины, на том месте, с которого убрали фигуру принца Ольденбургского. И вдруг страшно захотелось курить. Я не курил три с половиной года, а тут вдруг захотелось, и чуть не до тошноты. Я вспоминал бесчисленные часы работы бок о бок с Хольцовым и Крутиковым, наши мечты о создании отдела, наши неудачи и разочарования, и, наконец, начало, как нам казалось, победы — включение отдела в Эрмитаж. Вспомнил, как предполагали вместе написать книгу. И вот нет ни Михаила Захаровича, ни Валентина. Да и я уже не научный сотрудник, а просто санитар эвакогоспиталя...

Алеша Хольцов выжил. Его спасли забота и добрые руки сестры Валентина, а потом он был определен в детский дом для сирот. Я слышал, что он очень хорошо учился и стал инженером-конструктором. Говорили еще, что он хотел быть похожим на отца, но был ли он похож на него душой и стал ли похожим на моего доброго, благодарного и кроткого друга, я не знаю. К сожалению, я больше его не видел.

Дистрофия, если она не убивала, то на некоторое время становилась стабильным состоянием физического существования. Характеризовалась давящим сознанием голода, дистрофия настигала практически всех «иждивенцев» и «служащих» ленинградцев, у которых не было что менять на еду летом 1942 года. Общим было раздражение своей слабостью, у людей же эгоистических и нетерпеливых это раздражение переносилось на окружающих. Дистрофик, бесильный сам, почти с раздражением, а порой чуть не с бешен-

ством отмечал, как другой не может что-то поднять, нести, сделать несколько быстрых шагов. Дистрофики с трудом двигались, но с пеной у рта бранились, а порой и яростно толкались. А уж как пораженных дистрофией раздражали люди физически здоровые и явно не испытывавшие голода, об этом и говорить нечего. Можно даже сказать, что те попросту вызывали ненависть. Их ругали и громко, и про себя, в зависимости от их положения и возможностей, и горячо желали возмездия. Наверно, не отличался от других и я: я ведь тоже почти умирал от голода. К тому же у меня отказывали ноги — больные еще до войны, они плохо сгибались в коленях. Это было тоже следствием дистрофии, и от этого я тоже был в раздраженном состоянии... Справедливо ли это? Резкие стычки, которые я не раз видел на рынке, на остановках трамвая, где затрудненная подвижность одних мешала входить и выходить другим, были обычным делом. Кто-то смог, а кто-то не смог... Дотянуться, подвинуться, дать дорогу... Как ужасны эти всепонимающие глаза дистрофика, которому нужно время, чтобы собраться встать, шагнуть, поднять руку! Пораженный дистрофией понимает все, но у него нет сил даже пытаться жить в нормальном ритме. Как унижительна собственная телесная немощь!

Особенно запомнилось мне одно происшествие в бане на улице Чайковского, которое произошло в апреле 1942 года.

Как ни далеки мы, мелкая научная братия, были в эти блокадные месяцы от ленинградских «отцов города», да и вообще от всякого начальства, но все же косвенные сведения об их

жизни, столь отличной от нашей, нет-нет да и доходили до нас разнообразными путями.

Многие ленинградцы по три-четыре месяца не мылись горячей водой. Вшивость была явлением общим. Я принужден был дважды обриться наголо, первый раз сразу по приходе в Мечниковскую и второй раз при поступлении в санитары. Раненые, привезенные с фронта, которых мы выносили из автобусов, часто имели на себе «зверей».

В апреле по приказу горисполкома было отремонтировано и открыто несколько общественных бань в разных частях города, о чем нас оповестили по радио, так же как о том, что в банях каждому моещемуся выдают кусок мыла. Подарок этот представлял собой небольшой кубик серого стирального вещества, которым, как им ни мыться, мало что можно было помыть. Настоящее же мыло на рынке стоило почти наравне с хлебом.

Будучи санитаром, я мог, разумеется, мыться в душе своего приемного покоя, если выдавались подходящие минуты. Но какое же может быть сравнение поспешного обливания в душе, где тебя понукает Ванька: «А ну давай, давай, образованный!» — с неторопливым отогреванием себя на теплой мраморной скамье, где сидишь рядом с шайкой горячей воды сколько душе и телу угодно!

Как трудно рассказать о наслаждении этой баней... Там можно было сидеть, можно становиться под душ, садиться в ванну... Но смотреть на тех, кто был рядом, было почти невозможно, хоть я и понимал, что отличаюсь от остальных разве что совсем незначительно. А кругом царили предельность худобы, изможденность грудных клеток и спин, вы-

пирающие ребра, конечности с отсутствием мышц — одни какие-то связки, без которых, казалось, все бы это распалось. Мне невольно мерещилось, что ожило увиденное мной у морга на Чайковской, а также почему-то и то, как упаковывал мертвое деревянное тело «восковой персоны». Может быть, эта разборка манекена вспомнилась тут именно потому, что у живых, двигавшихся в банном пару фигур как-то особенно выпирали сочленения локтей и колен, словно узлы шарниров. И еще очень странными были шевелюры дистрофиков. Отраставшие бобрики были какие-то сухие, что ли, они стояли дыбом, нимбами над страдальческими или злобными лицами. Это были нимбы мучеников... Потом, после войны, на фотографиях освобожденных из лагерей смерти я увидел изображения таких же людей и вспомнил эту толпу голых дистрофиков в бане на Чайковской.

Сам-то я всемерно благодарил свою практику санитаря и пильщика, а также и то, что теперь благодаря хлебу и конине, выменянной у Романа Артемьевича, сохранил кое-какие силы. В то первое посещение бани я посмотрелся немощных, помогал им садиться и вылезать из ванны. Сами дистрофики с трудом могли влезть в ванну, ноги плохо слушались, скользили, но еще труднее было им подняться самим из полулежачего положения.

Побывал я в этой бане три раза, потом в нее угодил не то снаряд, не то бомба, и ее закрыли уже до 1946 года. Зато открылась другая баня, поближе к Баскову переулку — на Некрасовой.

Но особенно памятно мне все-таки первое посещение бани на Чайковской, когда впечатлению ада помогал продолжав-

ший мучить голод. И потому впечатления эти были особенно острыми.

В то время как все мы, дистрофики, плескали на себя горячую воду и — не хватало сил — больше обтирались, чем терли себя мочалками, один вошедший в мыльную человек как-то сразу обратил на себя общее внимание.

Это был коротко стриженный молодой человек, или скорее парень с челкой спереди. Но даже по меркам мирного, обычного времени он был толстоват. А еще он был нежно розовый. Зрелище это оказалось для всех в мыльной не только неожиданным, оно было невероятным. Бренчанье тазов смолкло, прекратился плеск воды, впусую шуршали лишь струйки душа.

Вошедший, еще не понимая ситуации, слегка помявшись, скромненько взял тазик, налил в него немного воды, несколько полил из него на пустую скамейку неподалеку от меня, положил мочалку и мыло — не серое, как у всех, а, как и он сам, круглое, розовое. И пошел к крану набирать воду для мытья. Набрал шайку и, уже идя с нею к тому месту, где оставил свои принадлежности, видимо, почуял недоброе. А почувствовать было что. Со всех сторон мыльной к розовому упитанному человеку начали придвигаться, неотрывно глядя на него, серо-зеленые призраки. Он хотел поставить шайку, даже нагнулся слегка над скамьей, держа шайку с водой в руках, да так, полусогнувшись, и замер. Дистрофики, тихо бормоча и по-прежнему не отрывая от него глаз, обступили его со всех сторон.

— Ты откуда такой? — наконец спросил кто-то.

Стоя уже в кругу, он, мне показалось, с надеждой на что-то или на кого-то, так и не отпуская из рук набранной шайки,

стал озираться. Кого он искал? Кого хотел высмотреть? Может быть, хоть кого-то, подобного себе? Но таких больше не было.

Может, если бы он соврал, что командирован с большой земли или что переброшен откуда-то армейским приказом, одним словом, доказал бы, что провел последние месяцы не здесь, не вместе с нами в блокаде, то последующие реакции были бы другие.

Но он то ли с перепугу, то ли по наивности не сообразил. И на повторный вопрос, кто он, стал испуганно и сбивчиво объяснять, что он никакой не начальник, а рядовой красноармеец, при этом добавил зачем-то «необученный», и что он служит поваром в некоей столовой — что за столовая, было неясно, ее название скрывалось за несколько раз повторенной им невнятной аббревиатурой.

Того, что окружившие повара дистрофики начали кричать ему в лицо, повторить не возьмусь.

— Товарищи! — взмолился розовый повар. — Я подневольный, я в столовой, как все, работаю... Как все... У нас просто душ вчера испортился. А мы по рабочему положению в чистоте должны содержаться... Мне приказали... Я бы сам не пришел... Мы по положению... У меня тоже паек...

Этого слова ему произносить не следовало. Но он был повар, просто упитанный розовый неумный повар.

— Паек у него! — заорал в ответ кто-то. — Паек?! Да?!

Толпа угрожающе сомкнулась. Дело пахло самосудом. Все бешено кричали, взлетел чей-то голос:

— А если кипяточком? А?!

Повар вырвался и, озираясь, быстро пошел к дверям. На скамейке рядом с его налитой шайкой остались мочалка и кусок розового мыла.

Я пробыл в мыльной еще довольно долго, но когда уходил, это розовое мыло так и оставалось лежать. Даже своим ангельским цветом этот кусок притягивал взгляды, особенно тех, кто только что входил. На него смотрели, о нем говорили, но никто к нему не прикасался.

28

Так сколько же людей умерло в те месяцы в Ленинграде? Только раз за все прошедшее с тех пор время где-то была названа цифра 900 тысяч. И много раз назывались цифры меньшие.

А вот что я слышал по этому вопросу тогда, во время войны.

Осенью 1942 года я работал уже в Пушкинском Доме. Там часто и ночевал. Но раза два в неделю приходил проведать свои комнаты в Басковом переулке. И отсюда иногда доходил до ГИДУВа, чтобы повидать Николая Николаевича Петрова, семья которого уехала в эвакуацию, а сын был в армии, и профессора хирурга Ивана Дмитриевича Аникина.

Кажется, уже с августа Николай Николаевич просил меня получать для него по доверенности деньги «за звание члена-корреспондента» в главном здании академии, куда ходить только для этого ему было не с руки.

В тот день, о котором идет речь, я как раз получил эти деньги для Николая Николаевича. Встретились мы у подъезда ГИДУВа и вместе вошли в его пустую, большую и сум-

рачную квартиру. В комнатах было очень холодно. Николай Николаевич попросил домработницу после подать нам чаю, а сам положил несколько поленьев в печку и стал ее разжигать.

Мы сидели вдвоем рядом за их большим и в мирное время таким гостеприимным обеденным столом, и я вынул конверт с деньгами и положил перед Николаем Николаевичем. Он рассеянно сунул его в широкий карман халата. Зная, как он рассеян во всем, что не касается его медицинского дела, я посоветовал ему переложить деньги в карман брюк.

— Да, да, конечно, это справедливо, — сказал он и послушно сделал то, что я советовал. Но я видел, что он занят своими мыслями. Дергая шейю из ворота рубахи, он мелко ломал хлеб и совал кусочки в рот.

— Ужасно, папенька! — вдруг тонким голосом совершенно невпопад сказал он и посмотрел на меня строго.

— Что «ужасно»?

— А то, что происходит. Вот был только что на совещании в Горздраве. И товарищ из городского статистического управления или отдела, не запомнил, огласил нам цифру умерших от голода и его последствий с ноября по сей месяц... Знаешь сколько?

— Под миллион, — сказал я.

Такую цифру называли в кругу тех людей, где я вращался.

— Под два! Миллион девятьсот тысяч! Это же государство целое вымерло! Помню, как мой отец с возмущением говорил министру путей сообщения, что при постройке Суэцкого канала погибло 20 тысяч египетских феллахов, и бранил Лессепса за бесчеловечность...

Отцом онколога Н.Н. Петрова (имя которого носит Онкологический институт в Песочной, под Петербургом) был инженер-генерал Николай Павлович Петров (1836—1920), товарищ министра путей сообщения в 1892—1900 годах, автор фундаментальных трудов по теории гидродинамической смазки, теории машин и механизмов, участник строительства Транссибирской магистрали. В 1916 году генерала Н.П. Петрова, человека безупречной репутации, назначают председателем суда над военным министром Сухомлиновым. О генерале Н.П. Петрове см. в мемуарах С.Ю. Витте.

А тут же ничего не строили... Как-то даже не верится... Ведь это примерно столько мы потеряли за всю войну с 1914 по 1917-й год! Но на фронте! На фронте! И за это Николай слетел... Просто не верится... Но этот товарищ вполне серьезный, ответственный. И еще он говорил, что это, мол, без тех, кто перешел из пригородов и не успел тут, что ли, прописаться... И без тех, кого фронт сюда отжал — мол, из Луги, из Пскова, да и из Прибалтики. А они, статистики, только прописанных в Ленинграде учитывают. Просто страшно, что делается... Как тут жить? Я, кого ни хвачусь, из старых сиделок и санитарок здешних — где, мол, они? Нет, отвечают, померли. Я, пожалуй, тоже уеду в Алма-Ату. И еще подумаю, возвращаться ли? И у тебя, наверно, много знакомых умерло?

От Петрова я зашел к Аникину. Он на время войны переехал из своей квартиры в две комнаты в здании ГИДУВа. Взволнованный разговором с Николаем Николаевичем, я невольно заговорил на ту же тему с Аникиным.

— А интересно все же, как этот Горстатотдел определил цифру умерших, — сказал я. — Вряд ли эти грузчики считали, сколько трупов грузят. Или на кладбище все же вели какой-то учет?

— Я думаю, что одним из возможных способов учета является количество выданных эвакуодокументов, — сказал рассудительно Иван Дмитриевич. — Без них на большой земле не брали на довольствие. Вот вам цифра уехавших, которую надо вычесть из количества прописанных в городе перед войной. Другое дело, что, говорят, на той стороне Ладоги целые кладбища умерших после первого же обильного обеда... А теперь сопоставьте количество продуктовых карточек, выданных в городе на данный месяц, с цифрами, о которых мы сейчас говорили. Вот и получите результат... Да, — добавил он, — после такой зимы не просто будет жить в этом городе. У каждого из нас, если уцелел, на каждой улице, где жили и умирали знакомые и друзья, будут вставать они в памяти. У вас много умерло знакомых?

— О том же меня сейчас спросил и Николай Николаевич, — ответил я. — Пока считать боюсь. Но и без счета знаю, что сотни. И притом все люди, которые не умели ни драться, ни бороться. Самые деликатные, скромные и ненужные во время войны — художники, скульпторы, артисты, музейные работники, экскурсоводы. Или старики, которые быстрее других теряют силы.

— Переехать бы в другой город, где не было такого неслыханного несчастья, — размышлял вслух Иван Дмитриевич. — Но просто ли это у нас и с нашими порядками? Я уверен, что Николай Николаевич этого не умеет. Все его дети здесь. И мои

тоже. Жена с родичами и стариками. Звали меня два года назад в Саратов, кафедру давали, квартиру огромную... Большая река, большой город. Нет, не поехал. А из Ленинграда, мне кажется, первыми убыли те, кто уехал с заводами для перебазирования... На Урал или еще куда-то... А нам, кто был здесь, что остается? Работать. Куда денешься?

29

Но возвратимся к цифрам.

Прошло еще полтора года. В январе 1944-го, когда блокада была снята, в Ленинград впервые приехала группа англо-американских журналистов — корреспондентов, обычно находившихся в Москве. Им показывали начисто уничтоженное Лигово, из монументального наблюдательного пункта которого в стереотрубу, да и простым глазом окраина Ленинграда была видна как на ладони. Возили к огромному немецкому солдатскому кладбищу в Красном Селе, к обгоревшим стенам Екатерининского и Павловского дворцов, вводили в полуобрушенный снарядом зал Кировского театра, показывали захлещенный шпиль Адмиралтейства и многое другое, о чем они строчили свои корреспонденции.

Вот к этой группе на все время ее пребывания в Ленинграде — дней на десять — были прикомандированы как бы представители Ленинградского отделения Союза писателей В.М. Саянов и я. Трудно сказать, чем руководствовалось начальство в этом выборе, разве тем, что ни Саянов, ни я не говорили на иностранных языках, или тем, что за столом мы вели себя пристойно и не «ели с ножа». Мы были декорацией, мебелью, приложением, в основном бессловесным, к сопрово-

ждавшим иностранцев офицерам, которые ежедневно что-то им показывали. А также к группе стукачей в военной и штатской одежде, которые следили за тем, чтобы иностранцы видели только то, что было положено, и не входили в контакт с рядовым ленинградским населением. Дурацкая это была роль — одетый в военную форму майора Саянов и я в штатском, представляющие советских коллег, за каждым словом и жестом которых также следили бдительные очи и уши соглядатаев. Ведь по крайней мере половина иностранцев говорила по-русски, порой затевая с нами беседы, и уж понимали русскую речь, конечно, все. Так что порой приходилось притворяться глухими, глупыми или невнимательными.

И все же я благодарен судьбе за эти дни. Без них я не увидел бы картин полного разгрома немцев нашей армией. Журналистам представили огромную массу брошенной техники — орудий, грузовиков, автобусов, что говорило о почти паническом отступлении врага. Мы поднимались по узкой, освобожденной от мин тропке на Воронью гору у Дудергофа, где на бетонных платформах стояли уже полузанесенные снегом огромные 14-дюймовые орудия, обстреливавшие Ленинград. Около этих орудий были с немецкой аккуратностью выстроены тысячи снарядов, каждый из которых был заключен, как в футляр, в аккуратнейшую плетеную корзинку с двумя ручками для удобства подноса к орудию... И вот враг, который был так подготовлен, побежал... Впечатлений, наполнявших гордостью, было много...

Однако за то, как обслуживали наших гостей, не меньше было и стыда. Жили они в «Астории», и их завтрак, обед и ужин представляли собой лживую демонстрацию изобилия — икра,

буженина, красная рыба, дичь, торты, пломбиры... А вино, водка — без ограничения.

— Зачем нам это? — сказал мне как-то английский журналист Александр Верт, бывший в этой группе за старшего. — Мы ведь знаем, что в городе выдают еще очень скудный паек.

Что я мог ему ответить? Верт, прекрасно владевший русским языком, почти ежевечерне доставлял приставленным к журналистам людям из «органов» массу хлопот и тревог. Когда после ужина все садились в номера за пишущие машинки, он, ускользнув из гостиницы по одной из черных лестниц, отправлялся странствовать по городу и разговаривал со встречными, слушая рассказы о блокаде. Мы-то с Саяновым после ужина получали право уйти, как и офицеры-экскурсоводы, а «наблюдателям» доставалась забота, как такого устеречь, а уж если не устерегли, то как выяснить, что тот углядел и что узнал.

Но все это, как говорится, несколько в сторону. Накануне отъезда иностранных корреспондентов привезли в Смольный. Сначала некий артиллерийский полковник, указывая на огромный план Ленинграда, разъяснял, как подло по приказу вражеского командования дальнобойная артиллерия обстреливала мирное население именно в часы, когда люди шли на работу или возвращались с нее. Указывая точки, куда попадали снаряды, он сообщал цифры раненых и убитых — 27 тысяч человек.

Когда шли после этого по длиннейшим коридорам, Александр Верт сказал мне:

— Странно, почему эти варвары не выпустили по городу те тысячи снарядов, которые мы видели на Дудергофской горе? Чем вы это себе объясняете?

Я и сам думал об этом. При современных возможностях прицельного огня и пользуясь подробным планом города, немцы, казалось бы, могли буквально превратить в мусор целые кварталы. Почему же они этого не сделали? И даже в последние дни, когда наши оттесняли их и громили и Ленинград был центром боевого снабжения, исходной базой, откуда или через который шли войска?

И я ответил то, что единственное приходило мне в голову:

— Потому что они были уверены в победе и хотели захватить город, не разрушив его. А потом прорыв нашей армии оказался таким неожиданным, что они бросали все. Вы же видели в Красном Селе трофеи первых дней наступления?

А потом нас провели в небольшой лекционный зал, где по просьбе корреспондентов была устроена пресс-конференция председателя Ленсовета П.С. Попкова. Рядом с Попковым сидел еще какой-то бессловесный товарищ, роль которого заключалась лишь в том, что он на слова Попкова кивал в подтверждение. Зато его шеф развернулся во всю мощь. Надо сказать, что как раз в это время маннергеймовская Финляндия при помощи, кажется, Штатов, разочаровавшись в союзниках-немцах, пыталась сепаратно выйти из войны. Это почему-то не устраивало наше правительство, и когда речь зашла о жестоких обстрелах города, Попков стал утверждать, что и финны «непрерывно громили город тяжелой артиллерией». Для нас с Саяновым такие речи не были новостью. Все те дни то же самое было вменено говорить и всем тем, кто сопровождал иностранцев. Это было до крайности глупо — ведь в городе на домах журналисты видели множество надписей «При обстреле эта сторона улицы наиболее опасна». И всегда это была сторо-

на, обращенная к западу, то есть к немцам. Вероятно, именно поэтому артиллерийский полковник умолчал о финнах.

Но мало того. Когда в ходе беседы один из англичан спросил, правда ли, что в Ленинграде умерло больше пятисот тысяч человек (позднее Сталин официально называл цифру — шестьсот), Попков с какой-то свойственной ему кривой ухмылкой, не задумываясь, ответил:

— Эта цифра во много раз завышена и является сплошной газетной уткой...

Через минуту на вопрос о снабжении населения во время блокады коммунальными услугами он ответил с той же улыбкой:

— Подача электроэнергии и действие водопровода в Ленинграде не прекращались ни на час...

При этом Попков щеголял нарочито простонародным говорком, сообщив, что отец его был «столяр-краснодеревщик», а сам он окончил ЛИСИ — этот «бывший институт гражданских инженеров». Очевидно, хотел подчеркнуть, что и, получив высшее образование, остался близок к рабочему классу.

Конечно, в Смольном и, вероятно, у него на квартире было и светло, и тепло, и вода текла из кранов, в то время как жители города ели столярный клей, варили ремни, меняли семейные реликвии на керосин и гарное масло, ходили с бидонами и чайниками за водой к прорубям и водоразборным колонкам, вокруг которых нарастали ледяные горы...

Карандаши иностранных журналистов бегали по страницам блокнотов. Но что, слыша такие ответы, они думали? Ведь большинство корреспондентов всю войну работало в Москве,

они мотались по фронтам и, повторяю, хорошо, а некоторые и блестяще знали наш язык. Они, несомненно, беседовали со многими эвакуированными из Ленинграда в Москву и другие места.

Во всяком случае, на другой день после прихода в Смольный Александр Верт как бы невзначай показал мне в качестве иллюстрации фотографию. Это был портрет дистрофика. Ввалившиеся щеки и выражение страшной, гипнотической пристальности в глубоко запавших глазах были мне более чем знакомы. На фотографии стояла цифра — «1943».

В 1973 году, вернувшись из туристской поездки в Англию, я рассказал дяде о том, что в Тауэре между могил казненных по приказу Генриха VIII его жен бродят по газонам вороны, и во время войны из обитателей Тауэра военные пайки, как сказал экскурсовод, получали только эти семь воронов и Рудольф Гесс, сидевший здесь как военнопленный. И что, оказывается, в Англии в военное время было лишь два типа пайков — военный и гражданский.

— Да, — сказал дядя. — О том, что у них было только два типа пайков, я слышал от одного английского журналиста еще во время войны. И Черчилль, по его словам, как в это время не военный, военного пайка не получал.

Впрочем, Попкову, казалось, было все равно, верят ему или нет. Но этот цинизм не был характерной чертой именно Попкова или его референта, сидящего рядом. Это было лишь

очередным штрихом картины, уже ставшей обычной. И через пять лет люди, которые были назначены судить Попкова по «Ленинградскому делу», вероятно, могли улыбаться такой же кривой улыбочкой, а правдивы или лживы слова обвинения, следствием которых было вынесение ему смертного приговора, никакого значения для них не имело.

Но, возвращаясь к тому, сколько жителей города погибло тогда, в первую блокадную зиму, хотелось бы знать, фигурирует ли сейчас хоть где-то та цифра, что была названа на совещании Горздрава осенью 1942 года в присутствии академика Петрова? Или она похоронена в секретных архивах вместе с «Ленинградским делом» в 1950 году?

А в объяснение того, как жилось в самое суровое время Петру Сергеевичу Попкову, вот что я услышал летом 1943 года — за полгода до прикомандирования к группе журналистов.

В июле 42-го года я был принят в Союз писателей, и это дало мне право посещать столовую Дома писателей на Воиновой, 18, где давали неплохие обеды, выстригая за это кое-что из пищевых карточек. Мы ходили туда из Пушкинского Дома с В.А. Мануйловым поочередно. Один день он ел обед на Воиновой и нес два на Тучкову набережную — своей матери и мне. Другой день я ел на Воиновой и нес ему и Ольге Викторовне. На участке этого маршрута от Дома писателей до Кировского моста и обратно мой путь часто совпадал с путем Натальи Васильевны Крандиевской-Толстой¹⁵.

Когда во время обеда кто-то представил меня Наталье Васильевне, а затем мы в другой раз вышли вместе из Дома писателей, я напомнил ей, как несколько лет назад она дала мне возможность говорить с Б.П. Позерном.

— Ах, боже мой! А я все думаю, где я вас видела раньше...
Какова судьба вашего музея?

Я рассказал о нашем переходе в Эрмитаж и спросил ее в свою очередь, в прежней ли квартире она живет и что у нее теперь за соседи.

— Соседи из того же круга. Например, Попковы.

И вот, не помню в этом разговоре или в другой раз, когда разговор зашел об этом ее соседе, Наталья Васильевна сказала мне, что в самые страшные блокадные месяцы Попков, возвращаясь из Смольного, привозил своему коту двести граммов свежего мяса.

Добравшись в рукописи В.М. до этого места, я решил, что предыдущие строки надо все-таки прочесть кому-либо из тех, кто знал Н.В. Крандиевскую-Толстую. На Карповке, в квартире Толстых к телефону подошла Наталья Михайловна, вдова Никиты Алексеевича Толстого (сына Н.В. Крандиевской-Толстой). Я еще ничего не успел прочесть, только назвал фамилию Попкова.

— А-а... Это тот деятель... — сразу сказала Наталья Михайловна, — который в блокаду сухой хлеб в помойное ведро на лестнице выбрасывал? А что вас по поводу него интересует?

Наталья Васильевна была человеком правдивым. Да такого и не придумаешь. Попков расстрелян как враг народа, как глава какой-то Ленинградской антипартийной группы, что на их языке является синонимом заговора. Теперь, впрочем, реабилитирован. Вот и весь партийный сказ. Борьба за власть,

чистки, расстрел. Потом приказали считать, что расстреляли ошибочно. Напрасно якобы. И никто не вспомнил о ежедневных 200 граммах свежего мяса для кота.

А что такое были эти 200 граммов мяса в те месяцы? Гарантия жизни целого семейства, вот что. А сколько было этих больших и маленьких попковых? Обобщим их сонм типажом Романа Артемьевича.

После рассказанного Натальей Васильевной мне легко поверить рассказу одного моего приятеля — полковника, работавшего в штабе Ленфронта — о том (он говорил это шепотом, хотя мы были в комнате одни), что в самое страшное время, когда умирали сотни тысяч людей, для тов. Жданова на территории Смольного, в подвале или еще где-то, был оборудован теннисный корт, чтобы Андрей Александрович мог «сохранять форму». Что же, вполне вероятно. Посмотрите на фотографию Жданова в июньском номере журнала «Ленинград» за 1942 год, и вы поверите в это.

Когда я вступил в Союз писателей, секретарем его состоял И.К. Авраменко, тощий до чисто блокадного предела, несмотря на майорское лётное звание. Видимо, с кем-то делился своим командирским пайком. Но до него этот «пост» занимала В.К. Кетлинская, бесконтрольно распоряжавшаяся посылками, приходящими на Союз писателей с большой земли. Ее перу принадлежит лживая книга «В осаде», но здесь речь даже не о книге. В январе 1942 года, в то время когда вокруг от голода и холода умирали писатели и не писатели, Кетлинская праздновала свою свадьбу с А.И. Зониным, состоявшим в группе писателей при Политуправлении Балтфлота. Квартира Кетлинской находилась в «писательском» доме, канал

Грибоедова, 9, и множество людей слышали в этот январский день из квартиры Кетлинской звуки патефона, шарканье танцующих, а по коридору разносились запахи вкусной пищи. Это так чудовищно, что в это трудно поверить... Впрочем, этот брак был и прерван не менее символично. В 1950 году на общем собрании писателей В.К. Кетлинская публично отреклась от своего мужа, который незадолго перед тем был арестован по политической статье. Она клялась, что он обманом, «как змея» (честное слово, именно так!), проник ей в сердце, что она проклинает тот день и час, когда с ним сблизилась. И так далее... Нельзя не отметить, что для Веры Казимировны публично отречься от близких было не впервой. От своего отца Казимира Филипповича Кетлинского, командира крейсера «Аскольд», произведенного при Временном правительстве в контр-адмиралы и убитого в 1918 году при неясных обстоятельствах, она отрелась еще раньше.

Возвращаясь к теме блокады, думаю, что оправданным будет объединить в один ряд эти упомянутые Натальей Васильевной Крандиевской-Толстой 200 граммов свежего мяса, секретный теннисный корт и свадьбу в январе 1942 года.

Блокада со страшной ясностью выявила расслоение по принципу: человеческое — нечеловеческое.

Должен, однако, добавить, что все-таки не во всех учреждениях в это страшное время условия жизни и питания начальства столь разительно отличались от подчиненных. Могу заверить, что в Эрмитаже все были равны. Академик И.А. Орбели, безоговорочным апологетом которого я отнюдь не являюсь, был предельно чист в этом смысле.

Скажу еще раз — тема моих воспоминаний не только позволяет, но даже обязывает это настойчиво повторить — в месяцы самого страшного голода, в которые до середины марта 1942-го Орбели находился в Ленинграде, наш директор был на высоте. Он был худ и бледен, как все мы, то есть не пользовался украдкой особыми видами питания. А если и имел что-то дополнительное, то отдавал это, чтобы распределялось его женами. В эти дни около него были Мария Кирововна — первая его, старшая жена, оставшаяся верной и справедливой; Камилла Васильевна Тревер — долголетняя возлюбленная и сотрудница, которую он провел в члены-корреспонденты Академии наук, и Елизавета Николаевна Ненарокова, с которой он, будучи в эвакуации, зарегистрировался (впрочем, через два года он женился на эксцентричной Антонине Николаевне Изергиной¹⁶).

Итак, в эти страшные месяцы Иосиф Абгарович вел себя в высшей степени достойно — был деятельным директором Эрмитажа, создал в нем ряд бомбоубежищ, в которых эрмитажники, не выходя, могли постоянно находиться. И жил, как все мы, или почти как все, и покинул Ленинград, когда основные ценности Эрмитажа были в безопасности, т.е. находились в далекой эвакуации.

Улетая в эвакуацию в марте 1942 года, он был худ и желт, как те, кто оставался, чтобы умереть или чудом выжить.

30

Читатель вправе спросить — зачем рассказу о блокаде я предпослал длинное повествование о судьбе какого-то ничтожного организма, музейного отдела, кочевавшего из музея в музей целое десятилетие, вплоть до 1941 года?

Во-первых, о самом читателе. Если бы я не надеялся, что у этой рукописи, пусть через много лет, будет читатель, я бы не трудился над ней много месяцев. Когда я начал в начале семидесятых, лжи о блокаде уже накопилось достаточно, и у меня появилась потребность сказать страшную, но полную правду хотя бы об увиденном одним человеком. А в судьбе отдела, пусть ничтожной не только во вселенском масштабе, но даже по ленинградским меркам, мне кажется, отразилась наша система безответственного отношения к культуре, унижавшем даже достоинство государства. Тов. Гуревич «выбросил» из вверенного ему Русского музея наш отдел под предлогом необходимости разместить на его месте произведения советской, новой живописи. Пусть через год его самого выбросили из Русского музея, но ведь до этого никто не остановил его преступные действия в 1934—1935 годах... Более того, он получил поддержку в верхних сферах, в секретариате Союза художников. Логически представим себе, что подобное сделали бы Бенуа, Репин, Сомов... Получила ли поддержку тов. Гуревича и новая формация художников, которые хотели быть показаны в Русском музее? Никого, как выяснилось, это даже не интересовало.

Умолчать же о судьбе ИБО я не могу, потому что с ним связана судьба моих друзей и товарищей, его сотрудников. Я сказал уже где-то, что тени их, не пропадая, постепенно с годами все же отступали и не стояли уже передо мной так настойчиво, как первые годы. Но вовсе они не уйдут, пока я жив. Они всегда со мной, и память о них для меня дорога, а если не бояться слов, то и свята.

Я рассказал, как умел, о тех, с кем был дружен — о Михаиле Захаровиче Крутикове и о Валентине Борисовиче Хольцове. Но ведь кроме них судьба нашего отдела, приобретение его коллекций, мучительные его путешествия до переезда в Эрмитаж, а затем подготовка экспозиций и выставок составляли главное содержание жизни десятков и сотен людей, многие из которых также спят на братских блокадных кладбищах — А.Я. Труханова, А.А. Пигорева, И.А. Ростовцев, Н.Ф. Понтошкина, С.А. Юдина.

О каждом и о каждой из них как о примере скромности, честности и чистосердечия я не хочу и не могу забыть.

Софья Алексеевна Юдина была племянницей известного живописца и прелестного по скромности и доброте человека — Аркадия Александровича Рылова. Кто не знает его «Зеленого шума» и чудесных вятских пейзажей? Именно от Аркадия Александровича я слышал, что, окончив институт Репина (назывался тогда по-другому), Софья Алексеевна отлично писала маслом, в частности, натюрморты — хрусталь, стекло, цветы, фрукты — то, что писал Кальф и другие голландцы. И вот, увидев такой ее холст у Аркадия Александровича, некий предприимчивый коммерсант-антиквар, не посоветовавшись с Рыловым, предложил Софье Алексеевне давать на продажу за хорошие деньги свои работы с тем, чтобы она писала на старом холсте, набитом на старые подрамники, а он — «коммерсант» — будет продавать это под названиями «старых мастеров» — пусть такое искусство забавляет чудаков! Софья Алексеевна не только отвергла это мошенническое предложение, но, мало того, вскоре и вовсе перестала писать. На

вопрос дяди ответила, что не будет больше писать никогда. Мол, художник — это тот, кто может создавать что-то именно свое, ему одному свойственное. А она не может. Делать же натюрморты «под кого-то» не станет. И больше не брала в руки кисти. И самому Аркадию Александровичу убедить ее не удалось — так и не отступила от своего решения. Сказала, что и до предложения антиквара думала бросить живопись, а теперь стала просить дядю пристроить ее куда-нибудь на канцелярскую работу в музей. При посредстве Владимира Константиновича Стоковского — приятеля Рылова — она и попала в инвентаторы ИБО. Я застал ее вечно склоненной над толстыми книгами, в которые она вносила разборчивым аккуратным и красивым почерком описи предметов, их основное, первое описание и размеры, для чего требовался внимательный осмотр каждой вещи. Была она при этом серьезна и спокойна. В описании чувствовалась интеллигентность, образование, умение видеть главное. Работала она, буквально ни на минуту не отвлекаясь. Да и во время перерыва, когда все сотрудники садились за чайный стол, оставалась так же молчалива. А еще из черт ее натуры могу вспомнить, что Софья Алексеевна сразу отзывалась на все, что могло походить на несправедливость к кому-нибудь. И на грустное и неправдивое она также остро отзывалась, и не раз я видел, как ее лицо искажалось болью, вот-вот заплачет. Удивительно ли, что этот нежный, искренний, кристально чистый и остро чувствующавший человек умер в блокаду? Мне говорил кто-то, что Софья Алексеевна перед смертью повредила в рассудке. Я в это верю. Такой, как она, идеалистке увидеть то, что нельзя было не увидеть блокадной зимой, было не под силу. Многие перед смертью сходили

с ума от того, что видели. Жила Софья Алексеевна с семьей брата, члена Союза композиторов. Она мало о нем говорила, но редкие слова ее о нем были полны любовью — застенчивой, нежной — само слово «брат» она произносила так, что нельзя было не понять, как она к нему привязана. Раза два я слышал, как он играет, мило и не очень верно напевая. Не знаю, был ли он в своем творчестве по искренности подобен ей. Но он, несомненно, так же, как и она, был не способен бороться с голодом, выгадывать, менять что-то на толкучках и рынках, ловчить. Вся семья композитора Юдина вымерла в блокаду, и с нею чудная его сестра Софья Алексеевна.

Образ художницы, отказавшейся писать из опасения, что ее работы могут послужить целям обмана, возвращал и возвращал мои мысли к себе, и при очередном посещении архива Эрмитажа я заказал дело Юдиной. Имя Софьи Алексеевны в картотеке значилось, но папки не было, был лишь конверт, и в этом коричневом конверте с ее именем, похожем на письмо, оказалось всего две бумажки. Одна была обычная, то есть для отдела кадров (или от отдела кадров): родилась в 1895 году, окончила Академию художеств в 1925-м... Необычной была вторая бумажка. Из нее следовало, что 16 июня 1945-го, то есть через три с половиной года после того, как, помутившись от голода рассудком, Софья Алексеевна скончалась, она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». При этом слова «посмертно» не было, то есть награждена она была как продолжавшая жить...

Как это так? Не знали, что умерла? Забыли, что жила, а потом забыли, что умерла? Или посреди апокалипсиса массовой смертности было не до отдельного имени? Как бы то ни было, но коричневый конверт, в котором содержится извещение о награждении Софьи Алексеевны, это, конечно, последнее письмо к ней из того мира неправды, которого она так сторонилась при жизни...

Также целиком погибла и семья сотрудника ИБО Ивана Александровича Ростовцева. Он, жена и сын Саша — все трое умерли. Вот, читатель: Трухановы, Юдины, Ростовцевы — три семьи друзей, работавших в одном отделе, вымерли полностью. А сколько еще было таких семей? И что за дело было до них Попкову, объяснявшему иностранному журналисту, как обстояло дело в героическом Ленинграде.

31

И завершить эту главу воспоминаний мне хочется страницей о человеке, чьи знания, склад натуры, образ жизни и судьба, являясь совершенно индивидуальными, тем не менее представляются в значительной степени характерными для той группы людей недавних десятилетий, которые в моем сознании соединены с понятием музейный работник.

Среди музейщиков старшего поколения, с которыми сводила меня судьба, одним из наиболее цельных и привлекательных, по-моему мнению, был Михаил Васильевич Доброклонский. Я познакомился с ним в 1932 году, когда работал в Гатчинском дворце-музее, устраивая так называемую дополнительную экс-

позицию в парадных комнатах Александра III. Мне хотелось включить в нее изображения тех, кто постоянно мелькал на фоне этих стен. То есть наиболее ярких министров-докладчиков: Воронцова-Дашкова, Гирса, Ванновского, начальника охраны Черевина, придворных служителей.

Как сказала мне работавшая больше десяти лет в Гатчинском дворце Серафима Николаевна Балаева, портреты этих лиц, выполненные мастерским карандашом Зичи, хранились в отделении рисунков Эрмитажа, которым заведовал Доброклонский. С просьбой временно выдать их мне для выставки я и отправился к нему, сидевшему, как мне указали, на галерее над Двенадцатиколонным залом. Поднявшись по чугунной гулкой лестнице, я был направлен сидевшим около ее верхней площадки пожилым служителем — тогда еще такие состояли при всех отделах Эрмитажа — к столу Доброклонского, стоявшему слева, у окна, выходящего на канавку.

До этого дня я не знал Михаила Васильевича в лицо. И первое впечатление, которое никогда позднее не менялось, было чрезвычайно приятным от внешности и манер внимательно выслушавшего меня человека. Лицо было хорошо выбрито, с правильными, довольно крупными чертами, без румянца — лицо кабинетного человека, и, что главное, с чрезвычайно спокойным выражением. Над широким, в меру высоким лбом тщательно причесанные на боковой пробор довольно светлые и очевидно мягкие волосы. Под стать лицу были и неизменно серые костюмы Михаила Васильевича — однобортные «тройки» с тонкой золотой цепочкой по жилету. Более темные с осени до весны, более светлые летом. Рубашки

всегда белые, галстуки серые же или темно-синие. Как я тогда и позже воспринимал, наружность Михаила Васильевича была предельно джентльменской, как равно речь и жесты. Все скромное, сдержанное, хорошего вкуса, с неизменным достоинством и доброжелательностью даже к такому мало-заметному, как я тогда, собеседнику. И всего этого как раз в меру. Я воспринял это как выражение сдержанного характера и хорошего воспитания.

Рекомендовавшись, я получил рукопожатие и приглашение сесть напротив, причем Доброклонский опустился в кресло только одновременно со мной. При этом он не спеша отложил в сторону какую-то миниатюру, как бы давая понять, что будет со вниманием слушать меня, человека лет на двадцать его моложе. Выслушал, сказал, что полагает исполнение моей просьбы вполне возможным, и сам проводил к шкафу, из которого служитель, разумеется, с моей помощью извлек нужную папку. Попросил пока не откладывать те, что понадобятся, и оставил меня рассматривать и отбирать. Через час, насладившись отменно выразительными рисунками Зичи, чуть утрировавшего особенности лиц и фигур своих моделей, я возвратился к столу Михаила Васильевича и подал ему список.

Бегло взглянув на мой листок, Доброклонский повторил, что, вероятно, передача не встретит препятствий, и просил прийти через неделю, принеся доверенность на получение рисунков. И попутно сообщил мне, что вся эта серия является подготовительной работой к большой неосуществленной акварели «Коронация Александра III». Эти сведения были для меня важны, они объясняли, почему все изображения в полной

парадной форме и почему среди них я не нашел портрета Витте, еще не ставшего министром. Так, походя, Михаил Васильевич одарил меня полезными сведениями.

Когда я пришел во второй раз, оказалось, что разрешение выдать мне рисунки получено и акт о передаче подготовлен. Я подписал его, и пока служитель упаковывал переданное в папку, Михаил Васильевич сказал мне, что помнит, как лет восемь назад я приходил в одну из комнат отделения гравюр, выходящей на Неву, слушать едва ли не последний доклад Александра Николаевича Бенуа перед отъездом того за границу о пригородных дворцах-музеях. Воспоминание об этом докладе само по себе стоит записи, но сейчас не о нем мой рассказ. Я высказал удивление, как мог Доброклонский запомнить мою более чем скромную особу, я сел тогда сзади всех слушателей у самой входной двери. И услышал, что был единственным слушателем этого доклада — не сотрудником Эрмитажа, притом одет в студенческую университетскую ту-журку дореволюционной формы и слушал очень внимательно. Михаил Васильевич заметил тогда, что привел меня на этот доклад его друг Сергей Николаевич Тройницкий, потом спросил обо мне и запомнил фамилию.

Такой рассказ был мне очень приятен по двум причинам. Во-первых, года за два до этого Тройницкий, как знали многие музейные работники, был выжит из Эрмитажа главным образом стараниями ненавидевшего недавнего директора Иосифа Абгаровича Орбели. Многим, и мне в том числе, было непонятно, как лица, санкционировавшие это увольнение, могли забыть, что десять первых лет существования советской власти Сергей Николаевич с честью возглавлял Эрмитаж. Что именно

он в 1917 году провел эвакуацию его коллекций в Москву, а в 1921-м в еще более трудных условиях руководил возвращением их в Петроград, размещением в прежних хранилищах и частично в ряде выставок, уже в залах Зимнего дворца, начав новую эру жизни Эрмитажа. И уж все знали, что если бы Тройницкий со своим блестящим знанием европейского искусства уехал в середине 1920-х годов за рубеж, как сделали Эрнст, Бенуа и другие, то жил бы там припеваючи. И вот не сделал же этого! А теперь он работал экспертом Внешторга по антиквариату, в каком качестве появлялся в пригородных дворцах, отбирая то, что отправлялось в Европу, проданное за иностранную валюту, необходимую, как объяснялось, для индустриализации страны.

— Вот какой подлец — помогает разбазаривать наше национальное сокровище! — возмущались многие.

Но я, например, знал, что, приезжая в Гатчину, Тройницкий советовался с Серафимой Николаевной, что можно взять из запасов и чуть «разрядить» китайскую галерею для удовлетворения требований Внешторга. Ну и что же тут позорного? Мы-то, работники пригородов, знали, что который год каждый квартал финорганы спускают во все дворцы план, на какую сумму надо выделить так называемых госфондов для продажи по весьма низким ценам всевозможных предметов царского обихода: сервизов, люстр, мебели, ковров, на внутреннее употребление, в основном, конечно, крупным советским чиновникам. И при этом никто не спрашивал, что об этом думают хранители.

Я много раз слышал, как шипели на Тройницкого, будто взялся чуть не за предательство. И мне было радостно, что

Михаил Васильевич назвал его, не таясь, своим другом. Значит, верит ему и в новых обстоятельствах, не обвиняет огульно, как другие, в большинстве, я был уверен, с голоса Орбели.

А во-вторых, не скрою, мне было очень приятно, что через столько лет он, один из самых видных работников Эрмитажа, помнит мое имя.

Таково было наше знакомство с Михаилом Васильевичем, после которого несколько лет мы только раскланивались. Если не ошибаюсь, в 1938 году я услышал, что по представлению Эрмитажа о присвоении ученых степеней без защиты один Доброклонский по сумме напечатанных работ признан доктором искусствоведения. И меня это очень порадовало, он соответствовал моим представлениям о настоящем ученом. Хотя ни одной работы его я тогда еще не читал: все они были о западноевропейском искусстве, до которого я так и не дорос.

А когда ранней весной 1941 года тот отдел Музея этнографии, в котором я работал, влился в Эрмитаж, была образована комиссия по разбору всех наших собраний. Требовалось определить, что из них достойно включения в инвентарь Эрмитажа, а что выделяется в так называемый музейный фонд, из которого черпали нужное им провинциальные музеи.

Мне довелось показывать живопись и рисунки М.В. Доброклонскому и В.Ф. Левинсон-Лессингу. Оба эти знатока почти всегда сходились во мнениях, без подсказки называя и русских авторов, но нередко огорчали меня, безоговорочно бракуя то, что мне казалось стоящим сохранения в Эрмитаже. Посмотрев на предмет, они роняли равнодушно: «Подражательно... Сухо и скучно... Слабый рисунок... Повторение такого-то...»

И после этих оценок я, услышав их аргументы, в большинстве случаев не мог не признать их правоты. А иногда их слова как бы заново открывали мне сущность давно известного изображения. Так случилось, например, с двумя рисунками Куртейля, долго висевшими на выставке «Труд и быт крепостных», по которой я водил экскурсии в 1928—1930 годах. Это были оплечные портреты крепостных актрис. Одна из них была изображена, очевидно, в роли Клеопатры. Лицо, повернутое чистым фасом, волосы, разделенные над серединой лба двумя симметричными волнами, увенчаны диадемой, брови скорбно сведены, взгляд устремлен вверх, губы полураскрыты, будто произносят монолог. А в руке, близ груди, голова змеи, готовой ужалить. Другая изображена в три четверти с несколько поникшей головой в прическе по моде времён Директории. Опущенный взор, мягкие очертания как бы усталых черт.

Всмотревшись в них — я поставил их, наклеенные на картон, рядом — Михаил Васильевич сказал, обойдясь без моей подсказки:

— Да это наш старый знакомый Куртейль! Приятные, выразительные рисунки, хотя слегка выцвели и зря покрыты лаком. Прочтите, пожалуйста, что у вас о них записано...

Я прочел строки из нашего инвентаря.

— Все так, — сказал Владимир Францевич. — Только, по моему, это не два различных лица, как у вас сказано, а одна и та же женщина. Одна в роли, другая в жизни, вне сцены.

— Пожалуй, — подтвердил Доброклонский. — Там хорошо выражен трагический пафос предстоящей тирады. А тут усталость, женственность и поникшая подневольность... Верить, что эта бедняжка — крепостная...

И я увидел, что они правы, хотя два года выдавал эти рисунки за портреты двух различных лиц, и никто мне ни разу не возразил. Но черты лица и вправду были так схожи... Да, надо уметь видеть!

Эти замечания запомнились мне потому, что под их влиянием я стал фантазировать о том, что Куртейль был, наверно, в эту женщину влюблен. Ведь она, чтобы стать актрисой на главные роли, получила какое-то образование, как это бывало у Шереметевых при графе-меломане Николае Петровиче. Ей подробно втолковывали роли, чтобы играла, осмысленно передавая чувства героинь. А может, была возлюбленной барина, и он заказал запечатлеть ее в обеих ипостасях ее бытия. Но любила ли она этого барина или художника? Или ее судьба сложилась вроде героини тупейного художника Лескова? И как же, как же нелепо, что не нашлось талантливое писателя, чтобы взяться воссоздать историю Прасковьи Ивановны Жемчужовой? Талантливое и добросовестное писателя, который сумел бы перешагнуть через полтора года лет, стать знатоком состава, вкусов и быта московского и петербургского света, музыки, театральной техники и европейской культуры конца XVIII века. Вспомнить хотя бы переписку Николая Петровича Шереметева с виолончелистом парижской оперы Ивором о музыкальной жизни Франции... Переписку, при чтении которой слышишь не только послушные композитору звуки лучших в Европе голосов и скрипок, но и паузу, во время которой до тебя дойдет шелест переворачиваемых на попире нотных страниц и чей-то кашель в зале...

Словом, благодаря разговору двух метров моя фантазия с новой силой вернулась к одной из прекрасных теней русского

музыкального театра с ее удивительной судьбой. При этом я всегда знал, что никогда не соберу тех знаний, без которых эта книга будет подобна сотням плохих подделок под якобы увиденное автором прошлое. Знал и то, что не обладаю нужным талантом, который бы тронул читателя так же, как тронуло меня то, о чем думал. Но ведь огромное счастье и в том, что сам увидел прошлое в его красоте и уродстве, в горе и счастье. И чего стоит хотя бы такой персонаж этого ненаписанного романа, как столь неказистый внешностью и высокий душой и талантом Джакомо Кваренги, восторженный поклонник музыки, созданной лучшими композиторами и удивительным голосом Прасковьи Ивановны!

Вот как надолго заняли меня воспоминания о мимоходом сказанном Михаилом Васильевичем и Владимиром Францевичем. Но ведь те, что дарят нам случайно оброненные слова, также входят в воспоминания о людях. Тем более что это было в последние два-три месяца жизни, сравнительно беззаботной по сравнению с тем, что пришло в июне того года. И этот рубеж навсегда положил конец моим все-таки где-то теплившимся надеждам о создании книги о шереметевском крепостном театре...

О работе тех дней у меня сохранилось воспоминание, как по-разному, даже если говорить о манере разглядывания, исследовали Владимир Францевич и Михаил Васильевич заинтересовавшие их рисунки. Первый при этом приподнимал очки и едва ли не водил носом по бумаге, а второй, наоборот, отодвигал от себя предмет, но смотрел на него немного вниз и боком, как бы через нижнюю часть бифокальных очков.

Вскоре после конца разбора наших коллекций я был в одной из зал представлен Михаилом Васильевичем его жене Олимпиаде Дмитриевне, работавшей в отделении прикладного искусства Запада. Эта приветливая пожилая дама с живыми глазами и доброй улыбкой сказала, что уже знакома со мной со слов мужа. Что уж мог Михаил Васильевич рассказать? Разве что я издавна знаком с Сергеем Николаевичем Тройницким, что внимательно выслушивал их с Владимиром Францевичем оценки материалов, которые им показывал, да что, наконец, до некоторой степени умею себя держать со старшими по возрасту и по знаниям людям. Что ж, и это, слава богу.

В это же время я от кого-то из товарищей узнал, что у Доброклонских есть двое сыновей — Дмитрий и Логгин, в просторечии Дима и Лога. Что старший из них перешел на второй курс искусствоведческого факультета института Репина, и уже напечатана его статья о... (тут в рукописи пропуск. — *М.Г.*), а младший только что окончил школу и поступил в тот же вуз.

Старшего из них я, кажется, даже не видел. Ну и хорошо. Когда началась война, мы все с раннего утра дотемна паковали ящики с эрмитажными коллекциями, а по городу шло формирование ополчения. Кто из живших тогда не помнит этого бессмысленного и преступного мероприятия? Когда десятки и тысячи юношей и пожилых штатских людей «обучали» 10—20 дней и, вооружив старыми трехлинейками и бутылками с горючим, бросали в бой с наступающими вооруженным лучшей техникой того времени немцами... Чем, кроме невежества, безответственности и безжалостного расхода людских жизней, можно объяснить эту меру? При этом гибли тысячи молодых

научных работников, инженеров, студентов. А ведь их, даже тех, кто окончил хотя бы семилетку, так легко было бы через четыре месяца превратить в младших офицеров пехоты, а не слать на немедленную, верную гибель, при этом без малейшего вреда врагу. Два кадровых офицера, прошедшие всю войну, говорили мне впоследствии, что под Ленинградом ополченческие части гибли почти поголовно, не принося и малой пользы обороне, а даже являясь скорее ее помехой. Ведь надо было спешно чем-то заполнять те участки, где они «воевали», не умея и не имея возможности оказать стойкого сопротивления врагу.

Вот в эту мясорубку и попал Дима Доброклонский, чтобы сгинуть где-то, не послав ни одной открытки родителям. Только в октябре один из лежавших в госпитале тяжело раненных ополченцев сообщил Михаилу Васильевичу, что видел его сына за Лугой перед очередным налетом гитлеровской авиации и что, вероятно, тот погиб, как и весь почти их батальон, шедший колонной по открытому со всех сторон шоссе.

В августе бомбили уже и Ленинград. Под сводами первых этажей Эрмитажа и Зимнего дворца был создан ряд бомбоубежищ. Семья Доброклонских поместилась в том, что находилось под Двадцатиколонным залом, где жили и другие эрмитажники. Здесь мне запомнилось, как мельком видел Логу и такую же, как и он, юную девушку Ирочку Дервиз (отец и мать ее — сотрудники Эрмитажа, потом умерли от голода). Они вечером о чем-то тихонько, но оживленно беседовали. До чего же прелестна и по внешности, и по манере говорить была эта пара! То сдержанные, то негромко, но единодушно чему-то смеющиеся,

все вечера проводящие вместе, сидя рядом на топчане в полуосвещенном подвале. Так и веяло на каждого, кто их видел, юностью и радостью бытия, которые живут своими часами, наперекор всему.

А потом, кажется в конце ноября, и Логу призвали, и как-то он пришел в убежище уже в солдатской одежде. Коротко остриженный, отчего его похудевшее лицо выглядело совсем детским, в слишком большом для его тоненького тела бумажном обмундировании и тяжелых кирзовых сапогах, он сидел между родителями. Не знаю, говорили ли они, но видел, что оба держали его за руки, а он что-то жевал.

Мне довелось еще раз увидеть Логу всего через час. Мы с другом моим и сослуживцем Крутиковым стояли у ворот проезда, выходящего на набережную. Выйдя из уже очень скудной эрмитажной столовой, мы стояли и курили, когда мимо прошли Лога и Ирочка Дервиз. Она была в драповом пальто, но с непокрытой темно-русой головой, видно, не поспела даже чем-то покрыться, а он в пилотке и неновом ватнике защитного цвета, перетянутого ремнем. Они шли молча, оба опустив голову, и она держала его под опущенную руку.

— Бедная девочка,— сказал Михаил Захарович то, что мы оба думали, провожая их взглядом.

Потом в декабре я оказался в больнице, а когда возвратился в Эрмитаж в середине февраля, то узнал, что Лога, на счастье, легко ранен и находится в госпитале на Васильевском острове. Там и навещали его родители, относя все съестное, что удастся им наменять на сохранившееся еще скудное имущество. За то время, что я отсутствовал, в дом, где они жили на канале

Круштейна, попала бомба и уничтожила почти все, что имело в те дни товарную ценность — одежду, одеяла, белье, подушки, кроме того, что было с ними в убежище. Сохранился только кабинет Михаила Васильевича, с почти что развалившимся шкафом, полным книг по искусству. Но такие книги никого в те дни не интересовали.

Родители бедного мальчика похудели, посерели лицами и выглядели неопрятными, не имея возможности толком умыться, как и все, кто был еще жив в убежищах, откуда в это время приходилось выбираться, куда могли, потому что электричество погасло и отопление прекратилось. Доброклонские переместились в квартиру в нижнем этаже лейб-кампанского дома (Дворцовая наб., 32. — М.Г.), в ту, что примыкала к Кваренгиевскому корпусу театра. Я видел, как Михаил Васильевич вез туда на детских саночках связки книг, потом, как ташил на плече свернутый и перевязанный шнурком матрас.

Кажется, в конце марта Орбели и еще несколько ведущих работников Эрмитажа улетели в Ереван, и заведовать «ленинградским филиалом» был назначен Михаил Васильевич, так же как «свердловским филиалом» заведовал Владимир Францевич Левинсон-Лессинг, уехавший с первым эшелонном в июле. Говорили, что Орбели предлагал лететь и Доброклонским, но, думаю, что это легенда, распространяемая обожателями грозного директора. У него, я уверен, хватило бы такта не пытаться увезти родителей от раненого сына, лежавшего в госпитале.

А потом произошла встреча, не случись которой я, верно бы, и не собрался писать эти воспоминания. Был яркий солнечный мартовский день. Я, уже не служивший в Эрмитаже,

шагал на Васильевский остров по правой стороне Дворцового моста, кажется, в Пушкинский Дом. Я был в шинели своего покойного тестя, в которую переделся, став санитаром, чтобы сберечь свое весьма потертое зимнее пальто. Навстречу мне показался Михаил Васильевич, как я сообразил, возвращавшийся из госпиталя от Логи. Он шел, как-то странно закинув назад и чуть отвернув к Неве голову и полузакрыв глаза от яркого света. Я уже хорошо различал свалывшийся ворс его круглой бобровой шапки, в которой, верно, он спал в холоде нетопленной квартиры, и шубу, грудь которой, как у всех почти блокадников первой зимы, была запачкана супами и кашами, которые ели из давно не мытых кастрюлек и кружек, не снимая верхней одежды.

Когда мы почти встретились, я сказал, уступая ему дорогу, потому что он шел прямо на меня, как бы почти не видя:

— Здравствуйте, Михаил Васильевич.

— Здравствуйте, — ответил он, очень вежливо протянув холодную ладонь с неподвижными пальцами.

На локте этой руки болтался пустой хозяйственный холщовый мешок с двумя ручками. Лицо его было бледно до синевы. Я сомневался, узнал ли он меня.

— Вам нехорошо? Может, проводить вас? — спросил я, готовясь взять его под руку.

— Нет, нет, я ничего, — сказал он каким-то не своим, разом охрипшим голосом. — Но как я сейчас Олимпиаде Дмитриевне скажу? Дело в том, что полчаса назад на моих руках умер Лога.

Он опять подал мне руку, взметнув пустой мешок, и пошел дальше, все так же отворачивая голову от солнечного света.

А я смотрел ему вслед, с ужасом думая, как через четверть часа ему предстоит то, о чем он сказал мне, и как они оба вытерпят свое второе горе. Бедный тоненький бледный мальчик... А ведь говорили, что он легко ранен. Но я не раз слышал, что многие даже легко раненные умирали в госпиталях от дистрофии, ускоренной потерей крови. И я знал, как невелик тыловой, даже лазаретный паек, еще уменьшенный воровством грузчиков, поваров, раздатчиц, сиделок и более сильных соседей. Бедный, бедный Лога, не поспевший, по существу, переступить порога жизни. И жива ли Ирочка Дервиз? Что отец ее Павел Петрович умер в убежище одним из первых, я уже знал. Весной этого года он был выпущен едва живым из тюрьмы, куда, шептали в Эрмитаже, посадил его тамошний стукач, сотрудник Эрмитажа В-р, также умерший вслед за Дервизом, бормотавший в предсмертном бреде имена тех, кого загубил.

В.М. называет эту фамилию, он имеет на это право, потому что жил в те годы, когда топор летал над головами... Но я держал в руках папку с личным делом этого человека, которую В.М. не листал.

В-р, только кончивший гимназию, попадает в 1914 году рядовым на фронт, несколько ранений, одно из них сквозное в солнечное сплетение, госпитали, снова фронт, солдатский Георгий, школа прапорщиков, снова фронт, и к 1917 году, когда ему 21 год, он штабс-капитан с шестью боевыми орденами, включая Св. Владимира. Солдаты выбирают его ротным командиром... Но его родители, этнические немцы, эмигри-

ровали, и он, видя, что происходит в стране, понимает, что ему недолго ходить на свободе. Война закончена, он уходит из армии и, пользуясь всеобщей неразберихой и скрывая свое офицерское прошлое, старается смешаться с гражданским населением. Он учится, работает как малоквалифицированный работник, часто это просто физический труд. Так проходит полтора десятка лет, в течение которых ему удается не попасть в поле зрения НКВД. И вот уже в середине 1930-х, когда он работает в Эрмитаже, его прошлое подвергают особой проверке, и оно становится известно тем органам, которые уполномочены знать все. Как водится, ему предлагают изложить сведения о своем прошлом письменно.

И он пишет огромную объяснительную бумагу, которая озаглавлена как «заявление» (будто человек сам на себя заявляет!). Ее нельзя читать без содрогания. Он хочет выпутаться, но с каждой фразой увязает все более и более. Не понимая, какое обвинение предъявляет самому себе, он пишет, что стремление его избежать повторного призыва в армию диктовалось его космополитическими настроениями. Он признается в том, что, не понимавший ранее всей справедливости политики ВКП, он теперь видит, насколько она справедлива (вероятно, он в ужасе от самой мысли об этой справедливости). Он признается в том, что совершал преступления (но он их не совершал)... В его личном деле нет указаний на тюремное заключение, может быть, его и не было... Но что было?

Лев Львович Раков, которого подвергали следствию дважды (1938 и 1950), говорил мне, что никаких пыток для того, чтобы человек подписал любое, не требуется, достаточно в течение нескольких дней не давать ему спать. От бодрствования в течение недели, говорил Лев Львович, чаще всего теряют рассудок.

Я взял на себя ответственность не сообщать фамилии несчастного В-ра. Вдруг живы его дети (хотя я не знаю, были ли они у него), внуки, правнуки...

Перейдя летом в Пушкинский Дом, я стал чаще встречать эрмитажных товарищей. На долю этих медленно оправляющихся от дистрофии женщин, мужчина среди них тогда был, по-моему, один Михаил Васильевич, выпало в то лето очень много физической работы. Четырнадцатидюймовый снаряд, попавший в здание музея школы Штиглица, расстеклил весь купол, покрывающий центральный зал, и одна из стен дала трещину. Ни одной машины у Эрмитажа тогда не было, и приходилось перевозить наиболее ценные экспонаты с Соляного переулка на Дворцовую набережную на ручных тележках, изготовленных когда-то для перевозки экспонатов по мраморным или паркетным полам музея. А теперь я видел две следовавшие друг за другом тележки, медленно ползшие по бывшей Миллионной. И одну из них, которую везли Зоя Алексеевна Лошкарева и Тамара Демьяновна Фомичева, сзади подталкивал Михаил Васильевич.

Потом, не помню, в это лето или уже в следующее, тяжелая авиабомба, которую немецкий летчик, конечно, целил в мост, грохнула на Дворцовую площадь, недалеко от решетки сада,

но ближе к Зимнему, чем к Штабу. И разом высадила тысячи стекол из окон обоих зданий. Об этой бомбе я уже писал ранее, а сейчас лишь добавлю, что это толстое битое стекло фиолетового оттенка сгребали, сметали и свозили деревянными лопатами в груды также слабосильные, но бодрые и дружные женщины Эрмитажа. А потом ведь именно им пришлось заколачивать фанерой оконные рамы, чтобы дождь, а позже снег не попадал в залы. И при обеих операциях тут и там маячила фигура Михаила Васильевича. Я видел его теперь уже тянущего за дышло тележку с фанерными ящиками, наполненными битым стеклом по тротуару вдоль фасада дворца, выходящего на площадь.

В это первое блокадное лето Доброклонского избрали членом-корреспондентом Академии наук. Он стал поэтому получать какое-то повышенное снабжение, и, как слышал, они с Олимпиадой Дмитриевной щедро делились своими продовольственными богатствами с сотрудниками, приглашая их в гости.

При встрече уже под осень я поздравил Михаила Васильевича, и он ответил, как всегда, с учтивым поклоном:

— Благодарю вас... Хотя, конечно, было бы гораздо важнее, если бы это случилось год назад... — Он приостановился, и вдруг губы его задрожали. Потом пояснил: — Тогда, понимаете, мы могли бы стольким помочь и, быть может, Лога... — Он не окончил фразу, подал мне руку и пошел к воротам дома, в котором теперь жил.

И опять я стоял, глядя ему вслед, уже одетому с обычной довоенной опрятностью, и думал, какую же глубокую душевную рану он носит в себе. Иногда при встрече потухшая

Олимпиада Дмитриевна с выцветшими, вернее, заплаканными глазами смотрела на меня, не замечая поклона. Должно быть, видела другое, не то, что ее окружало.

Боже мой! Сколько же матерей сейчас смотрят так вокруг, не видя ничего, кроме своего вечного горя. И в том же числе моя мама, двух сыновей которой также унесли войны.

Однажды, кажется, под осень 1943 года, идя из Союза писателей, я встретил Михаила Васильевича у Малого подъезда Эрмитажа. Как всегда, он учтиво со мной поздоровался и позвал к ним пообедать. Я сказал, что только что это сделал.

— Ну, тогда выпьете с нами кофе. Олимпиаде Дмитриевне легче, когда к нам кто-то приходит. Да и комнату мою посмотрите. Ручаюсь, что никогда такой не видели. В ней есть что-то гофмановское. Она, наверное, единственная в своем роде в Петербурге в форме рояля. И клавиатура за моей спиной. В этой редкостной форме виноват Кваренги, так пояснил мне Герман Германович Гримм. Вы знакомы с Гриммом?

— Нет, не случилось...

— Ну, и познакомитесь. Он к нам обещал скоро прийти.

Комната, куда ввел меня Михаил Васильевич, действительно своей формой очень напоминала старинный рояль с длинным хвостом, обращенный клавиатурой к окну на Канавку. Это была последняя комната за коридором в первом этаже лейб-кампанского дома, где находились тогда три квартиры, кажется, из двух небольших комнат в одно окно. Полуциркульная часть правой стены комнаты Михаила Васильевича образовалась при постройке Эрмитажного театра, вписавшего в старое здание полукруглый коридор, охватывавший зрительный зал.

У окошка стоял письменный стол и три стула, один для хозяина, два других по сторонам стола, спинками к стене. У левой, прямой стены стоял матрас на ножках, покрытый чем-то вроде ковра. Книги лежали на нем, на столе, на подоконнике.

Конечно, когда пришел Гримм и мы сели за стол в другой, прилегающей комнате, я второй раз пообедал. Что мне стоило в те дни съесть два обеда, тем более что писательский был довольно легок! Герман Германович оказался давно известным мне в лицо человеком, которого я встречал в музеях и на концертах. Его знания отнюдь не ограничивались историей архитектуры, которой он занимался. Он отлично знал изобразительное искусство, в частности любимых Доброклонским старых голландцев. И со знанием даже латинских названий семейств и видов поговорил с Олимпиадой Дмитриевной о комнатном и садовом цветоводстве. При этом я почувствовал, что Герман Германович здесь очень и очень к месту. Его спокойная, мягкая и занимательная речь была как раз такая, какая могла хоть немного отвлечь хозяев от их вечного горя, да и самого Гримма, в жизни которого, как я потом узнал, также были недавние трагические утраты.

Не могу с горечью не вспомнить, как грубо и до предела несправедливо отнесся к Михаилу Васильевичу возвратившийся в 1944 году в Ленинград И.А. Орбели. Вместо благодарности за то, что тот с достоинством заменял его в течение двух лет, и вместо хоть какого-то сочувствия к великому горю Михаила Васильевича Иосиф Абгарович говорил о Доброклонском сквозь зубы; никому не объясняя причин, огульно опорочивал все распоряжения о спасении коллекции из бывшего музея Штигица, кричал, что Доброклонский не сумел организовать

застекление «больших просветов», будто это было так просто в условиях осажденного города и с теми силами, какими располагали сотрудники. И что мне казалось самым отвратительным, хоть и за глаза, но при множестве свидетелей презрительно именовал Доброклонского «загнанной лошастью». Станный, противоречивый и часто недобрый человек был эрмитажный академик Орбели.

Кажется, в квартире Доброклонских в лейб-кампанском доме я больше не бывал, хотя в 1944 году вернулся в свой отдел Эрмитажа. Слышал, что дом на канале Круштейна, где они жили до войны, отремонтировали, и они туда возвратились. Слышал, что они опекали юного Андриюшу, товарища их сыновей, вернувшегося с войны. Что благодаря им этот юноша учится в вузе и обеспечен всем, что ему надо, потом — что он женился, и они помогли ему получить квартиру. И я радовался, что нашли кому отдать свои заботы. Несколько раз Михаил Васильевич любезно приглашал побывать у них, но без дела я совестился их беспокоить.

К этому времени, то есть ко второй половине 1940-х годов, относятся мои воспоминания об участии в закупочной комиссии Эрмитажа, которую возглавлял Михаил Васильевич. В эти годы я убедился в огромной эрудиции его в области западноевропейского искусства вплоть до XX века и в скромности по отношению к оценке предметов, тяготевших к другим собраниям Эрмитажа. Но сам Доброклонский в отсутствие приглашенных для консультации специалистов высказывал без всякого нажима какое-то предположение, которое почти всегда потом бывало подтверждено. «Глаз» у него был редкостный. Такой универсальный музейный «глаз» я наблюдал только еще

у Михаила Илларионовича Артамонова, директора Эрмитажа с 1952 по 1964 год, человека совсем иного происхождения, образования, характера и специальности, чем Доброклонский. Он безошибочно разбирался в русской иконописи, будучи авторитетом в живописи, восточных тканях, ювелирных изделиях от Античности до XX века.

Во время работы комиссии под председательством Михаила Васильевича я наблюдал еще одну сторону его характера — деликатность по отношению к товарищам. Как он умел высказать свое мнение, если оно шло вразрез с уже высказанным, и как убедительно его мотивировал! Особенно часто предметом таких поправок были оценки одной крайне экспансивной дамы, ведавшей западноевропейской скульптурой. Она произносила приговор, едва взглянув, как говорится, с ходу, и либо шумно восхищалась, либо столь же резко бракуя предложенный предмет. Однажды речь шла о небольшой настольной группе золоченой бронзы: два «путти»-фавна с гирляндами цветов и цевницами в пухлых руках, безоговорочно признанных этой дамой «прекрасной бронзой середины XVIII века». Михаил Васильевич молчал, рассеянно взглядывая в окно. Но когда она обратилась за поддержкой, ответил:

— А мне почему-то кажется, что это скорее подражание, действительно очень красивое, но выполненное при Наполеоне III во времена «второго рококо». Ведь и трактовка сюжета, и позы чуть вульгарны...

Экспансивная дама тотчас с ним согласилась, но это не помешало ей вскоре забраковать два стенника матовой, чуть зеленоватой бронзы как модерн, а Михаил Васильевич опять после ее вопроса отнес их к подлинникам времени Людови-

ка XVI и сообщил, что их изображения, кажется, воспроизведены в «Старых годах».

Да, повторяю, «глаз» у него был отменный.

В эти же годы, работая в отделении рисунков по отбору материалов для выставки к 100-летию со дня рождения Гоголя, я был приглашен Михаилом Васильевичем выпить с ним чаю. Обычно он ходил для этого к Олимпиаде Дмитриевне. Но в этот день она почему-то не работала. В последовавшем разговоре Доброклонский любезно осведомился у меня, как это я (он слышал, что я — юрист по университетскому диплому) пришел к музейной работе. Я рассказал о своем довольно пестром пути и посетовал, что неправильно выбрал факультет, а потом спросил, в каком возрасте увлекся изобразительным искусством он. И услышал приблизительно следующее:

— Мне кажется, с раннего детства. В родительском доме было много книг и кип журналов с репродукциями картин, преимущественно иностранных живописцев. Так что я знаю имена некоторых художников с тех пор, как выучился читать одновременно на русском и французском языках... Вы, вероятно, угадываете по фамилии, что мой недалекий предок принадлежал к духовенству. Это мой прадед протоиерей, которого выпустили с этой благозвучной фамилией из семинарии. Дедушка был военный лекарь, и отец тоже врач, и довольно известный в Петербурге. Он возглавлял больницу (Александровскую, см. «Весь Петербург» за 1910 г. — *М.Г.*) и довольно рано получил чин действительного статского советника. А мама происходила из судейской чиновничьей семьи. Ей представлялась естественной такая же дорога,

и меня отдали в училище правоведения. Я об этом не жалею. Как, вероятно, и везде в мое время, те, кто хотел учиться, получали у нас хорошее образование. И нам отнюдь не был противопоказан интерес к искусству. Вспомните, кто были Ровинский и Стасов, — ведь оба вышли из тех же стен, что и я. Да еще Сергей Николаевич Тройницкий и Евгений Григорьевич Лисенков... А Сергея Митрофановича Зарудного вы уже не застали? Но и право меня занимало. Я был уверен, что судебные установления 1860-х годов вполне прогрессивны и, помогая их осуществлению, я делаю нечто полезное. Служба доставляла удовлетворение, в присутственные часы я занимался прилежно. И оставалось еще довольно много времени для изучения искусства, что я начал в этих стенах и продолжал, правда поверхностно, в летние отпуска во всех крупных музеях Европы, кроме мадридского. Испанию я наметал посетить летом 1914 года... Я даже начал писать об искусстве, и меня стали печатать. Но оставлять службу в государственной канцелярии не собирался. Во-первых, это бы очень огорчило родителей, особенно маман (в связи с происхождением отца я никогда не смел называть ее «матушкой»). Во-вторых, им бы пришлось меня содержать — попасть в штат Эрмитажа было очень трудно. В-третьих, сама моя служба мне нравилась, очевидно, в моей крови сидит-таки чиновник. Казалось, что исполняю свой долг перед государством. Иногда, правда, завидовал Сергею Николаевичу (Тройницкому. — *М.Г.*), который поступал сюда сверх штата, т.е. без жалованья. Но у него было хоть небольшое, но собственное состояние... Так и вышло, что революция привела меня в эти стены, если хотите, содействовала осуществлению мечты. И дала звания

выше моих заслуг. Ведь мне на дом ежемесячно приносят 250 рублей...

Рассказать мне осталось немного, но очень памятное. Через кого-то из моих приятелей мне стало известно, что Доброклонские завели таксу, названную Манишкой, потом появилась еще Манжетка. Скоро было уже три поколения такс. Одного щенка, которого выпросили какие-то знакомые, Доброклонские выкупили назад, так как те с ним плохо обращались, и его едва удалось выходить витаминами, диетой и мазями. Завели еще кошек, которые отлично дружили с таксами.

В этом я сам как-то убедился. Зимой, в середине 1950-х годов, я зашел к Михаилу Васильевичу за какой-то книгой. Входная дверь в квартиру оказалась приотворенной. Я решил, что это сделано нарочно, чтобы мой звонок не беспокоил отдыхающую Олимпиаду Дмитриевну. Я доложил по телефону, что зайду, совсем незадолго до этого из вестибюля Центрального исторического архива.

Вошел в прихожую и навсегда запомнил открывшуюся картину. Перед открытыми дверцами топящейся печки на коврик лежала, правильнее всего сказать, «запеканка» из такс и кошек. Их было, верно, по пятку каждого народца, и они совсем перепутались. Где чьи лапы, где чьи хвосты, разобрать при этом освещении я не мог. Услышав стук двери и мои шаги, одна из длиннотухих головок поднялась и лениво твякнула раз-другой, потом упала на прежнее, очевидно удобное и нагретое, место.

На этот звук вышел в прихожую Михаил Васильевич, осветил комнату, запер входные двери, попросил меня снять пальто

и пригласил в кабинет. Когда я сказал, какое сильное впечатление произвело на меня лежбище перед печкой, он ответил:

— Да, они живут так дружно, как немногие люди даже в Академии художеств и в Эрмитаже. Не говоря о коммунальных квартирах. У них точный рефлекс: если человек входит без звонка, они только подают знак: тут, мол, пришли. А если со звонком, то сразу весь табор рассыпается, и все псы хором лают, сгрудившись в грозную стаю. Есть, конечно, и тут вздорные характеры, но Манишка умеет навести порядок. Лучше, чем я в своем отделении на кафедре...

Когда Олимпиада Дмитриевна позвала нас пить чай, то таксы и кошки пришли и расселись вокруг стола, кто на стульях, кто на полу, а один кот на коленях у хозяйки, высовывая голову из-под ее руки.

Это было последнее благополучное впечатление от четы Доброклонских.

В это время Михаил Васильевич одновременно заведовал кафедрой и читал курс в институте Репина, почти ежедневно бывая в Эрмитаже. Сказал мне как-то, что на обе свои службы ходит только пешком. Из печати выходили его работы. Я храню одну из них — «Рисунки фламандской школы XVII—XVIII веков» — с его доброжелательной надписью. Когда я писал сценарий научно-популярного фильма «Рембрандт», то просил Михаила Васильевича быть консультантом моей работы. Фильм, правда, не поставили, поскольку была очередная кампания с приказом пропагандировать только советскую живопись.

В начале 1959 года умерла Олимпиада Дмитриевна. Это был рубеж, через который Михаил Васильевич переступил с трудом. Разом постарел лицом, стал небрежен в одежде, перестал

ходить пешком. Даже от площади Труда до института Репина или в Эрмитаж ездил трамваем, а то на такси, если подворачивалось. Стал часто опаздывать на лекции. Как мне передавали, говорил монотонно, с частыми паузами. Тогда в институте сложился шуточный, но показавшийся мне очень печальным рассказ, что, входя в аудиторию, Михаил Васильевич будто бы говорит: «Простите, что я опоздал, но мы и окончим сегодня пораньше».

В июле того же года покончил с собой Герман Германович Grimm. Когда гроб вынесли из здания Академии художеств, поставили в автобус и толпа провожавших схлынула по машинам, мы оказались рядом с Михаилом Васильевичем, и он сказал мне:

— Какая нелепая и ранняя смерть. Я бы с радостью поменялся с Германом Германовичем, но я дал слово Липочке, что сам этого не сделаю. Она сказала, что это грех. А жить мне совсем нечем.

Я что-то сказал о том, что он приносит столько пользы своими знаниями. Он не спорил, но сказал:

— Это не занимает моего ума и не заполняет души. Я только повторяюсь, и притом плохо. Я себя пережил.

Прошел год. В день смерти Германа Германовича на Серафимовском кладбище собралось несколько его друзей и сослуживцев. Покойный был тесно связан с работой нашего отдела, и меня попросили сказать что-нибудь. Я с трудом выдавил из себя стандартные слова о доброте, знаниях покойного и о том, как щедро он ими делился. И что нет дня, печальней дня смерти Германа Германовича, но говорить об этом так трудно. Когда заговорил следующий из присутствующих, Михаил Василье-

вич взял меня под руку, вывел из группы и повел в сторону от памятника Гримму, вдоль канавки. Вскоре мы остановились около железной ограды, за которой я увидел две маленькие насыпи с одинаковыми крестами. На одном значилось, что под ним лежит Олимпиада Дмитриевна, и на могиле цвели анютины глазки и незабудки. На другой не было цветов, не было и надписи на кресте. Я поклонился могиле с именем, а затем довольно глупо спросил:

— А здесь кто же?

— Надеюсь, что скоро буду я. А вас привел потому, что Липочка к вам хорошо относилась, — ответил Михаил Васильевич и повел меня обратно к группе друзей Гримма.

После этого я видел его всего один раз. То есть близко, лицом к лицу. В Эрмитаже-то мы, верно, хоть изредка, но встречались мимоходом. Я принес Михаилу Васильевичу в подарок свой исторический роман для юношества.

Меня впустила в квартиру неопрятная и неприветливая пожилая женщина, которая, как знал, ведет хозяйство. Она указала мне на дверь кабинета Михаила Васильевича, идя за мной следом. Он небыстро встал и просил простить, что не вышел встретить — не слышал звонка. Я присел на продавленный диван, так как кресло стояло под прямым углом к столу, к тому же его еще занимала старая такса. Большого сходства между хозяином и его животным я в жизни не видел. Я думаю, что Михаил Васильевич, любивший собак, не обиделся бы на меня за эти слова. Оба они были седые, серенькие — Михаил Васильевич в какой-то вязаной кофте-куртке, и песик, посивевший волосом от возраста. У обоих выпирали старческие животики. Но пес, чуть потявкав, откровенно дремал, а хозяин его, силясь

быть, как всегда, любезным, благодарил за книгу, спросил, что я сейчас делаю. Но я видел, что ему уже все безразлично. Он тоже будто дремал, действовало только хорошее воспитание, рефлекс прошлого. И еще я запомнил, что в комнате все было покрыто пылью. Видимо, здесь давно уже не убиралось. Я отклонил чаепитие и ушел, погладив лобик пса, который, кажется, не открыл даже глаз. Последним секундным видением этого кабинета была спинка кресла, на котором дремала собака — кожа была вся продрана кошачьими когтями на память о тех жильцах этого кабинета, которые уже ушли из жизни.

Уже после этого визита двое учеников Михаила Васильевича сказали мне, что он в последние два-три года пристрастился к снотворным. Хотел меньше бодрствовать, что же, это возможно. Видно, жить стало уже совсем нечем. Другое дело, если бы остался в живых хоть кто-то из сыновей.

На похоронах его я не был, куда-то уезжал. Но в следующее лето, в годовщину смерти Гримма я побывал на Серафимовском кладбище, нашел дорожку вдоль канавки и поклонился двум могилам.

Мне сказали, что и последняя из такс умерла за полгода до хозяина на том самом ободранном кошками кресле.

Почему я написал эти воспоминания о Михаиле Васильевиче Доброклонском? Я не был с ним близок. Могу подсчитать наши сколько-нибудь подробные разговоры. Не был его учеником, не слушал его лекций. Сознаюсь, не читал его книг, кроме тех, в которых мог что-то прочесть о Рембрандте. Но он был одним из самых цельных людей, каких я знал. В нем привлекали не меня одного ныне очень редкие качества. Зна-

ния. Мужество в страданиях. Доброжелательность ко всем, кто с ним общался. Чувство собственного достоинства. Такт. Сдержанность. Скромность.

Я нарочно разделил все их точками. Может, так рельефнее покажутся тому, кто прочтет эти страницы, все семь оригинальных качеств этого, может быть, и не слишком яркого, но такого цельного и привлекательного человека. Особенно во времена, когда миллионы людей, не колеблясь, скажут: «Мы — беззаветные герои...» Или: «В своих дерзаниях всегда мы правы...» И так далее.

Июль — август 1979, Эльва

МАРТИРОЛОГ

**Сотрудники Государственного Эрмитажа, погибшие
в годы блокады Ленинграда в 1941—1944 гг.**

Альбрехт Леонид Павлович

Дата смерти: февраль 1942

Реставратор

Богнар Эрнест Осипович

Дата смерти: 12.04.1942

Ученый секретарь отдела западноевропейского искусства

Борисов Андрей Яковлевич

1903 — дата смерти: во время блокады

Профессор отдела Востока

Бородзюк Георгий Викентьевич

1875—1942

Сотрудник отдела западноевропейского искусства

Вальтер Георгий Юрьевич

1896—1941

Заведующий библиотекой античного отдела

Вейбель Федор Карлович

1872—1942

Реставратор

Вестфален Эльза Христиановна

1884—1942

Помощник хранителя отдела Дальнего Востока

Визель Эмилий Оскарович

1866—1943

Помощник хранителя отдела западноевропейского искусства

Виноградова Анна Михайловна

1895 — погибла во время эвакуации Эрмитажа в 1942 г.

Научный сотрудник отдела истории первобытной культуры

Волкович Александра Митрофановна

1897—1941

Научный сотрудник сектора доклассового общества

Геккер Ольга Васильевна

1899—26.02.1942

Старший научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Награждена медалью за оборону Ленинграда (посмертно)

Гиз Александр Алексеевич

1872—15.01.1942

Реставратор

Головань Владимир Александрович

1870—1942

Заведующий библиотекой

Гольмстен Вера Владимировна

1880—1942

Заведующий отделом археологии, профессор

Дервиз Павел Павлович

1897—12.02.1942

Заведующая особой кладовой, старший научный сотрудник
отдела западноевропейского искусства

Дервиз Варвара Павловна

1896—5.01.1942

Старший научный сотрудник отдела западноевропейского
искусства

Дервиз Мария Сергеевна

Дата смерти: 1942

Сотрудник отдела западноевропейского искусства

Ернштедт Елена Викторовна

1890—1942

Старший помощник хранителя отдела Античного мира

Зограф Александр Николаевич

1889—17.01.1942

Заведующий отделом нумизматики

Ильин Алексей Алексеевич

Дата смерти: 11.06. 1942

Заведующий отделением русских монет

Казин Всеволод Николаевич

Дата смерти: 14.02.1942

Заведующий отделом Востока

Клейн В.Т.

Дата смерти: 1941—1942

Сотрудник отдела западноевропейского искусства

Кубе Альфред Густав Николаевич, фон

1886—21.03.1942

Заведующий отделением прикладного искусства, член совета Эрмитажа

В 1941—1942 гг. исполнял обязанности заведующего отделом западноевропейского искусства

Липшольд Елена Максимилиановна

1900—12.10.1942

Старший научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Ляпунова Ксения Сергеевна

1895—17.06.1942

Старший научный сотрудник отдела Востока

Мал(л)ицкая Елена Гурьевна

1895—1943

Старший научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Махалов Алексей Александрович

1876—16.01.1942

Сотрудник отдела западноевропейского искусства

Некрасова Евгения Васильевна

1898—10.02.1942

Научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Нотгафт Елена Георгиевна

1903—13.04.42

Старший научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Нотгафт Федор Федорович

1886—17.04.1942

Старший помощник хранителя картинной галереи (1918—1929), заведующий издательским отделом (1936—1942)

Петров Николай Петрович

Год смерти: 1942

Сотрудник библиотеки

Пигорева Анна Андреевна

Год смерти: 1942

Сотрудник отдела русской культуры

Подгаецкий Георгий Владимирович

1908—1941

Научный сотрудник отдела археологии

Покровская Екатерина Алексеевна

1898—1942

Сотрудник отдела западноевропейского искусства

Порецкая-Михайлова Екатерина Вячеславовна

1907—1942

Старший научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Прушевская Евгения Оттовна

1890—4.04.1942

Старший научный сотрудник отдела нумизматики

Птицын Григорий Викторович

Год смерти: 1941

Аспирант отдела Востока

Рейхард Ксения Петровна

1899—1942

Экскурсовод

Рейхард Сергей Александрович

1904—1942

Экскурсовод

Розанов Семен Александрович

1875—24.12.1941

Научный сотрудник отдела нумизматики

Ростовцев Иван Александрович

1902 — дата смерти: период блокады

Старший научный сотрудник отдела истории русской культуры

Русаков Николай Тимофеевич

1878—1942

Реставратор

Сауков Павел Евграфович

Дата смерти: 1942

Сотрудник отдела Востока

Сиваев Мирон Степанович

1896 — май 1942

Научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Соколова Елизавета Павловна

1887—26.02.1942

Научный сотрудник отдела западноевропейского искусства

Сосновский Георгий Петрович

1899—1942 (?)

Старший научный сотрудник отдела

Спиринг Мария Петровна

Убита снарядом в 1941 г.

Секретарь директора

Трусова Серафима Алексеевна

Дата смерти: период блокады

Научный сотрудник

Труханова Александра Яковлевна

1886 — дата смерти: период блокады

Научный сотрудник

Шер Михаил Абрамович

1901—13.04.1942

Старший научный сотрудник

Юдина Софья Алексеевна

1895 — дата смерти: период блокады

Научный сотрудник отдела истории русской культуры

Якоби Елизавета Николаевна

1886—1942

Старший библиотекарь

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дмитрий Алексеевич Толстой (1923, Берлин — 2003, Санкт-Петербург) — советский и российский композитор.

² Лев Львович Раков (1904, Якутск — 1970, Ленинград) — историк, музейный работник, литератор, мемуарист; в 1947—1950 — директор Публичной библиотеки в Ленинграде. Организатор и первый директор Музея обороны Ленинграда.

³ Марианна Евгеньевна Глинка, урожд. Таубе (1908, Санкт-Петербург — 1979, Ленинград), научный сотрудник музея М.В. Ломоносова. Вторая жена Глинки Владислава Михайловича.

⁴ Ольга Филипповна Таубе (1881—1968), урожд. Королева, — мать Марианны Евгеньевны Глинка, жены В.М. Глинки.

⁵ Андрей Иванович Корсун (1907—1963), переводчик, автор классического стихотворного перевода Старшей Эдды и скальдических древнеисландских произведений. В 1931—1934 и.о. завбиблиотекой Русского музея. В 1934—1941 и с 1945 — библиотекарь Эрмитажа.

⁶ Лидия Ивановна Аверьянова (1905—1942), поэтесса.

⁷ Владимир Дмитриевич Метальников (1901—1968), переводчик, драматург.

⁸ Русский экспедиционный корпус.

Экспедиционный корпус русской армии во Франции и Греции — наименование экспедиционных войск Русской импе-

раторской армии, участвовавших в Первой мировой войне на территории Франции и Греции по инициативе двух государств в рамках интернациональной помощи и обмена между двумя союзниками по Антанте.

⁹ Виктор Андроникович Мануйлов (1903—1987), литературовед, мемуарист, сценарист, особенно известен как пушкинист и лермонтовед.

¹⁰ Мария Степановна Лебедева (1910—2004).

¹¹ Исаак Яковлевич Кальфа, друг семьи В.М. Глинки.

¹² Контр-адмиралы.

Два упомянутых контр-адмирала – А.С. Антипов и С.В. Кудрявцев.

¹³ Дом в Старой Руссе построен в 1912, сгорел в 1943.

¹⁴ Екатерина Александровна Глинка (1899—1944), урожд. Гедеонова, — жена С.М. Глинки, старшего брата В.М. Глинки, мать М.С. Глинки.

¹⁵ Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (1888—1963), ее сын Никита Алексеевич Толстой (1917—1994).

¹⁶ Антонина Николаевна Изергина (1906—1969) — искусствовед, с 1952 года заведовала в Эрмитаже отделом живописи и скульптуры западного искусства.

Содержание

Елена Зелинская
ТЕНИ НА МОЕЙ УЛИЦЕ

Глава 1	
ГАЛЯ НАУМОВА.....	8
Глава 2	
ДОМ-СКАЗКА	13
Глава 3.	
ФЛИГЕЛЬ ВО ДВОРЕ. ВОСПОМИНАНИЯ ТАТЬЯНЫ ДОЛИНСКОЙ.....	36
Глава 4	
УЛИЦА, ВЕДУЩАЯ В РАЙ	52
Глава 5	
ИМЯ ТВОЕ — ЛЬДИНКА НА ЯЗЫКЕ	106
Глава 6	
МАЛЬЧИК С ОБОЖЖЕННЫМ КРЫЛОМ. ДНЕВНИК РОМАНА ПОПЕЛЯ	133
Глава 7	
СУХАРИКИ.....	155

Владислав Глинка
БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Михаил Глинка. ОБ АВТОРЕ ВОСПОМИНАНИЙ</i>	158
БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ	175
МАРТИРОЛОГ	373
ПРИМЕЧАНИЯ.....	381

Научно-популярное издание

Память Великой Победы

Зелинская Елена Константиновна

Глинка Владислав Михайлович

БЛОКАДНЫЕ ДНИ

«Жёлтый снег...»

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Редактор *А.А. Зелинская*

Корректор *С.Л. Луконина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Темрога LGC Uni». Бумага офсетная.

Печ. л. 12. Тираж 800 экз. Заказ № .